

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

Ю. В. Виниченко

**ГРАЖДАНСКИЙ ОБОРОТ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2014

УДК 347
ББК 67.404
В48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р юрид. наук, проф. Н. П. Асланян
канд. юрид. наук, доц. С. И. Сулова

Виниченко Ю. В.

В48 Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования / Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 166 с.

ISBN 978-5-7253-2788-5

Монография посвящена анализу возможных методов научного познания категории «гражданский оборот». Рассматриваются приемы и способы, наиболее часто используемые в отечественной цивилистике при исследовании гражданского оборота или его отдельных аспектов; делается вывод, что познание сущности соответствующего явления реальной действительности возможно лишь посредством применения системного подхода.

Работа адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и факультетов, практикующим юристам и всем интересующимся цивилистикой.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-7253-2788-5

© Виниченко Ю. В., 2014
© Издательство БГУЭП, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Проблема понимания категории «гражданский оборот»	4
2. О методах исследования гражданского оборота:	
общие замечания	25
ВОЗМОЖНЫЕ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ	
ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА.....	31
§ 1. Исторический метод	31
§ 2. Сравнительно-правовой метод.....	48
§ 3. Формально-логический метод	72
§ 4. Категория правовой формы как методологическое	
основание концепции гражданского оборота.....	92
§ 5. Основания системного исследования	
гражданского оборота.....	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
БИБЛИОГРАФИЯ.....	133

Введение

1. Проблема понимания категории «гражданский оборот»

В науке и общежитии есть много слов и выражений, которые всеми употребляются как общеизвестные, под которыми как будто разумеется что-то очень определенное, точное, бесспорное; а между тем, если разобратся хорошенько, они оказываются крайне сбивчивыми, неопределенными, неточными; оказывается, что каждый понимает их по своему, и придает им особый смысл. Выходит, что одно и тоже слово выражает совсем разные понятия, чего разговаривающие и пишущие нередко и не подозревают. Отсюда тысяча нескончаемых споров и недоразумений.

К. Д. Кавелин

Слова, вынесенные в эпиграф к настоящей работе и сказанные известным русским правоведом о проблеме понимания гражданского права¹, в полной мере можно отнести и к выражению «гражданский оборот».

Представляется, что «популярность» данного термина в современной российской доктрине очевидна и в особом обосновании не нуждается. Так, еще более полувека назад другой классик отечественной цивилистики – О. А. Красавчиков – констатировал то, что категория «“гражданский оборот” пользуется в нашей литературе широкими “правами гражданства”, должно быть зафиксировано как факт неоспоримый, доказыванию не подлежащий»².

¹ См.: Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 65.

² Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957. С. 4.

Количество научных работ по гражданскому праву с тех пор многократно умножилось; достиг поистине рекордных высот и «индекс употребления» термина «гражданский оборот». Редкое исследование по самому узкому с позиций содержания, но так или иначе касающемуся частноправового регулирования, вопросу обходится без упоминания гражданского оборота. Данный термин широко используется при освещении и исследовании самых различных вопросов гражданского (и не только¹) права, причем используется весьма произвольно, наряду с иными выражениями, такими как «торговый оборот», «коммерческий оборот», «предпринимательский оборот», «имущественный оборот», «хозяйственный оборот» либо просто «оборот», четкого размежевания которых исследователи, как правило, не проводят.

Отмеченная терминологическая непоследовательность свойственна и российскому законодателю, в одних случаях закрепляющему в тексте гражданско-правовых норм термин «гражданский оборот», а в других – «оборот». Тождественны ли они по смыслу либо подобное словоупотребление не случайно и законодатель разграничивает их – остается неясным.

Легальные дефиниции соответствующих понятий отсутствуют, в чем нередко усматривают основную причину сложностей, возникающих на практике в связи с толкованием и применением норм, содержащих такие понятия. Однако определение используемых в правовых нормах понятий, строго говоря, не является функцией законодателя. Решению данной задачи призвана служить доктрина.

Между тем единое понимание гражданского оборота в современной отечественной цивилистике также отсутствует. При этом в целом, за редким исключением, можно констатировать наличие в отечественном правоведении двух аксиом, связанных с пониманием гражданского оборота: 1) что *гражданский оборот является право-*

¹ См., например: Дранников А. В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000; Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Пантюхин А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

вой (юридический) формой экономического оборота¹ и, как следствие, что гражданский оборот – это переход прав, в то время как переход самих благ – оборот экономический²; 2) что гражданский оборот представляет собой «динамику» и, в зависимости от подхода, является либо собственно *процессом перехода субъективных гражданских прав*³, либо включает в себя *правоотношения, связанные с переходом прав*⁴, либо *юридические факты, которые влекут такой переход*⁵.

¹ См., например: *Братусь С. Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71; *Его же.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 68–69; *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 10; *Астахова М. А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4. С. 5; *Михайлова Н. С.* Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 3, 5 и др.; *Полуяхтов И. А.* Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 11; *Цветков С. Б.* О сущности и понятии гражданского оборота // Свобода. Право. Рынок. Вып. 5. Волгоград, 2007. С. 154.

² См., например: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 26; *Туктаров Ю. Е.* Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 6. М., 2003. С. 114; *Белов В. А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007. С. 76; *Рыбалов А. О.* Экономические блага и гражданский оборот // Там же. С. 90–92.

³ См., например: *Полуяхтов И. А.* Указ. соч. С. 7; *Ельникова Е. В.* Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 12, 25; *Пасикова Т. А.* Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 8.

⁴ См., например: *Ражков Р. А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 8; *Шаповалова Е. В.* Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 96.

⁵ См., например: *Руденко А. В.* О понятии «гражданский оборот» // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3 (6). С. 109; *Олимова Р. М.* Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 9; *Морозов А. А.* Правовое регулирование использования в

Указанные постулаты при более критическом прочтении представляются не столь аксиоматичными.

Так, противоречивой с позиций отмеченного (преобладающего) понимания гражданского оборота видится закрепленная в Гражданском кодексе Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) формулировка «правомерное введение в гражданский оборот»², которая подразумевает наличие случаев, когда определенные объекты *вводятся в гражданский оборот неправомерно*. С точки зрения понимания гражданского оборота как *правовой формы* экономического оборота, и, таким образом, как оборота субъективных прав (и обязанностей) введение в гражданский оборот, на наш взгляд, изначально не может быть «правомерным» или «неправомерным» – оно либо есть, либо его нет. Иными словами, либо фактическое действие субъекта по введению определенного объекта в гражданский оборот влечет соответствующий правовой результат – «введение», суть, появление в гражданском обороте нового, ранее отсутствовавшего в нем права (обязанности),

предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 34.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : (в ред. от 5 мая 2014 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ : (в ред. от 5 мая 2014 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

² Такая формулировка используется в ряде статей ГК РФ. Например, в п. 2 ст. 1274 ГК РФ говорится о том, что «в случае, когда библиотека предоставляет экземпляры произведений, *правомерно введенные в гражданский оборот* (здесь и далее по тексту курсив наш. – Ю. В.), во временное безвозмездное пользование, такое пользование допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения»; ст. 1344 ГК РФ гласит: «Если оригинал или экземпляры произведения, обнародованного в соответствии с настоящим параграфом, *правомерно введены в гражданский оборот* путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров допускается без согласия публикатора и без выплаты ему вознаграждения».

либо не влечет его ввиду неправомерности поведения действующего субъекта¹.

Впрочем, современный российский правовой порядок позволяет привести примеры, когда *формально правомерно* введенные в гражданский оборот субъективные права *по существу* являются введенными в него *неправомерно*.

Например, в случае заключения лицом, не уполномоченным на передачу права, предусмотренного ст. 1285 и 1234 ГК РФ договора об отчуждении исключительного права на произведение, ввиду отсутствия права у отчуждателя не должно следовать перенесение этого права на другого участника гражданского оборота. В то же время ст. 1257 ГК РФ закрепляет презумпцию авторства, в соответствии с которой при отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. До момента опровержения данной презумпции неуполномоченный отчуждатель формально будет считаться автором произведения и, таким образом, первоначальным обладателем исключительных прав (п. 2 ст. 1255 ГК РФ), в связи с чем соответствующий (изначально ничтожный, на наш взгляд) договор должен предполагаться действительным. Следовательно, исключительное право автора, являющееся предметом данной распорядительной сделки, должно считаться введенным в гражданский оборот, хотя и неправомерно.

Другим примером может быть государственная регистрация вещных прав на юридически дефектные объекты недвижимости. Так, известна практика российских судов, которые стремясь защитить так называемых дольщиков, в целом ряде случаев выносили решения о признании права собственности на жилые помещения, расположенные в построенных, но не введенных (в том числе по причине самовольности постройки) в эксплуатацию многоквартир-

¹ Следует заметить, что неправомерное введение в гражданский оборот при этом, безусловно, не должно восприниматься лишь как отсутствие условия (правомерного введения), предусмотренного гипотезой регулятивной нормы и необходимого для наступления установленных «нормальных» правовых последствий. В том случае, когда введение объекта в гражданский оборот представляет собой неправомерное действие, прежде всего, с ним должны быть связаны качественно иные правовые последствия – приводящие в действие охранительные правовые нормы.

ных домах. Можно указать и на случаи незаконного отвода и изменения правового режима земельных участков. Несмотря на то, что последующая государственная регистрация прав на подобные объекты формально осуществляется на законном основании (на основе судебного решения, акта органа государственной власти), сама дефектность появления соответствующих объектов определяет изначальную порочность прав на них, которые, таким образом, должны, по нашему убеждению, рассматриваться как ставшие объектами гражданского оборота неправомерно, что отчасти подтверждает предусмотренная законом возможность оспаривания решения о государственной регистрации и основанного на ней признания субъективного права на определенный объект¹.

Безусловно, право как совокупность правовых норм должно быть рассчитано на тот идеальный порядок, который предполагает неотступное соблюдение этих самых норм и который должен служить образцом, всеобщим масштабам поведения субъектов в обществе. В то же время законодатель не может игнорировать те ситуации, которые фактически существуют на практике, когда некто, формально действующий как управомоченное лицо, в действительности таковым не является, но тем не менее производит, продает либо предлагает к продаже или иным образом отчуждает определенные блага.

Учетом этих жизненных обстоятельств, как представляется, обусловлены и оговорки о «правомерном» введении в гражданский оборот, и законодательное закрепление стоящих с ними в одном ряду по своей условности норм о недействительных сделках, либо порождающих желаемые сторонами, хоть и нестабильные, правовые последствия (оспоримые сделки), либо влекущих фактический переход имущества от одного лица к другому, а для добросовестного приобретателя при наличии известных условий – и прав на него (исполненные ничтожные договоры). Но в таком случае и само понятие гражданского оборота, на наш взгляд, требует корректировки, в частности, путем включения в него в качестве объектов не только субъективных прав и обязанностей, но и самих благ, в том числе материальных суб-

¹ См., в частности, абз. 2 п. 1 ст. 2 федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594), ст. 1248, 1252, 1398, 1441, 1512, 1535 ГК РФ.

станций¹, охватывая те, нахождение которых в гражданском обороте является условно правомерным.

В данной связи нельзя не обратить внимания также на то, что практически во всех нормах, в которых используется выражение «введение в гражданский оборот», указывается именно на материальные объекты, в которых выражены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: товары (п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др. ГК РФ); продукт, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделие, в котором использован промышленный образец (п. 2 ст. 1358, подп. 6 ст. 1359 ГК РФ); семена, животные, растительный или племенной материал (п. 2 ст. 1421, подп. 6 ст. 1422 ГК РФ); оригинал или экземпляры опубликованных произведений либо фонограммы (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325 ГК РФ); интегральные микросхемы с топологией (подп. 3 ст. 1456 ГК РФ) и т.д. Об этом свидетельствует и судебная практика, в материалах которой указывается на введение в гражданский оборот отдельных жилых помещений в коммунальной квартире, недвижимого имущества и проч.² Причем, как видно из приведенных примеров, понятию «введение в гражданский оборот», несмотря на использование его в нормах, закрепленных в части четвертой ГК РФ, правоприменителем вполне оправданно придается общеотраслевое значение.

В свете вопроса о том, *что* именно вводится в гражданский оборот, является его объектом – материальные блага (как это следует, например, из положений п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325, п. 2 ст. 1358, подп. 6 ст. 1359, п. 2 ст. 1421, подп. 6 ст. 1422, п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др. ГК РФ) или субъективные права (в том числе, на дематериализованные

¹ Аргументом в пользу такого решения может быть планируемое законодательное признание фактического владения (см.: Подразд. 1 «Владение» разд. II «Вещное право» ГК РФ в редакции проекта федерального закона от 27 апр. 2012 г. № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 3 нояб. 1998 г. № 25-П; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 окт. 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 окт. 2011 г. № ВАС-13314/11 (здесь и далее доступ к материалам судебной практики из СПС «КонсультантПлюс»).

объекты, фактически не способные к передаче) проблема соотношения понятий «оборот» и «гражданский оборот» как атрибутов экономического и правового начал и становится тем «краеугольным камнем», который требует не пространных теоретических рассуждений, но предельной точности и осторожности формулировок и предлагаемых решений, поскольку от этого, в конечном счете, зависит наступление совершенно определенных правовых последствий.

Между тем, российский законодатель в одних случаях говорит о введении объектов именно в гражданский оборот (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ), однако в других случаях использует выражение «введение в оборот» (п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537 ГК РФ). Не вполне ясна логика законодателя и относительно противоположного по значению понятия – «изъятие из (гражданского) оборота», которое с юридической точки зрения является основным правовым последствием неправомерного (то есть без согласия правообладателя) введения определенного объекта в гражданский оборот: представляется, что если объект введен в *гражданский* оборот, то и изыматься он должен также из *гражданского* оборота. Однако в ГК РФ преимущественно используемому выражению «введение в *гражданский* оборот» почему-то противостоит только «изъятие из *оборота*».

Другим моментом, также связанным с выражением «введение в гражданский оборот», является вопрос о *способах введения* в гражданский оборот, в контексте проблемы определения гражданского оборота сводящийся к тому, следует ли включать в него только отношения «динамики» (перехода прав на объекты), либо он охватывает и отношения «статики» (юридической принадлежности объектов отдельным лицам).

В числе возможных способов введения объектов в гражданский оборот в законодательстве применительно к отдельным видам объектов прямо указаны: продажа или иное отчуждение, ввоз на территорию России, изготовление, производство, применение (внедрение), предложение о продаже, демонстрация на выставках и ярмарках (ст. 1358, 1359, 1484, п. 2 ст. 1519 ГК РФ). На этом основании следует признать, что введение в гражданский оборот может осуществляться, в том числе, и производством (созданием) материальных объектов, а не только их отчуждением.

Данный вывод подтверждается и судебной практикой. Так, например, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от

27 октября 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2 по иску о признании права хозяйственного ведения на незавершенное строительство здание и истребование данного имущества из чужого незаконного владения, указано, что «право собственности на *вновь создаваемое* (курсив наш. – Ю. В.) недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает *с момента* такой *регистрации*. Таким образом, именно *с этого момента* недвижимое имущество *включается в гражданский оборот* и может являться предметом различных сделок». Поскольку при этом говорится о включении в гражданский оборот, можно заключить, что вследствие этого объект становится частью гражданского оборота¹, следовательно, должен охватываться понятием последнего, несмотря на то, что в рассматриваемом случае речь идет о *возникновении* субъективного права, а не об его отчуждении или переходе².

Аналогичный, по сути, вывод следует сделать в таких допускаемых законом (п. 1, 3 ст. 1233, п. 1, 4 ст. 1235, 1236 ГК РФ) случаях, как временное предоставление либо передача части исключительного права правообладателем другому лицу, когда при возникновении исключительного права у одного лица одновременного прекращения этого права у (первоначального) правообладателя не происходит. С позиций превалирующего понимания, указанные случаи не подлежат включению в гражданский оборот, поскольку смены обладателя субъективного права при этом не происходит, этих обладателей просто становится больше. Равно как отсутствует смена правообладателя при перемещении имущества внутри организации (в частности, при наделении юридическим лицом имуществом созданных им филиалов и представительств либо иных структурных подразделений), а также при возврате собственнику принадлежащего ему имущества из чужо-

¹ Это соответствует и тому значению, которое придается слову «включить» в русском языке: «ввести, внести в состав, в число кого-чего-нибудь», «присоединить к системе чего-нибудь» (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 85).

² В понимании терминов «отчуждение» и «переход» в целом нам близка позиция В. А. Белова, который отчуждение определяет как «акт распоряжения субъективным правом, целью и результатом которого является смена его обладателя», а переход рассматривает так же, как смену правообладателя, но вследствие любых иных юридических фактов, кроме акта отчуждения (см.: *Белов В. А.* Отчуждение и приобретение по российскому гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. 2006. № 7. С. 8–14; *Его же.* Объект субъективного гражданского права ... С. 74–75).

го незаконного владения в порядке реализации заявленного и удовлетворенного виндикационного требования¹. В то же время исключение подобных случаев из гражданского оборота представляется необоснованным сужением последнего даже с позиций сложившегося понимания, поскольку «динамика» (как свойство, характер «действительных правовых связей участников гражданского оборота»²), традиционно отмечаемая в числе сущностных признаков гражданского оборота, здесь, на наш взгляд, безусловно, присутствует.

В данной связи более удачным представляется подход, при котором понятие гражданского оборота связывают не только с транслятивным, то есть «переносящим права и обязанности»³, но и конститутивным (правоустанавливающим) правопреемством, при котором «на основе права правоателя создается право с иным содержанием (более ограниченным)»⁴. В современной юридической литературе сторонником такого понимания гражданского оборота является, в частности, Р. Ф. Галеева⁵.

Впрочем, и в этом случае за рамками гражданского оборота остается виндикация, причем безотносительно к тому или иному ее пониманию, которое в российской науке гражданского права, следует заметить, также не отличается единством⁶. При этом трактовка вин-

¹ То, что к сфере (гражданского) оборота можно отнести также виндикацию, отмечает, в частности, Д. В. Жернаков (см.: *Жернаков Д. В. Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота* : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 128).

² *Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение* // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3. С. 115. См. также: *Его же. К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства* // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3 (79). С. 89–92.

³ См.: *Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву* // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 311.

⁴ Там же. С. 320.

⁵ См.: *Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 23.

⁶ В частности, сложившимся в отечественной цивилистике «магистральным» направлением исследования виндикации является анализ ее как *способа* либо *средства защиты* гражданских (вещных) прав, то есть преимущественно как виндикационного *иска* (его элементов, условий предъявления, отграничения от иных средств и способов защиты). В то же время отдельные ученые оправданно рассматривают виндикацию и с иных

дикации как правоотношения «не вписывается» в общепризнанное понимание гражданского оборота еще и потому, что традиционно в него включают только *правомерные действия*, и, таким образом, только порождаемые ими *регулятивные* правоотношения, в то время как виндикационное правоотношение является *охранительным* как возникающее вследствие *правонарушения*. Детальное рассмотрение вопроса о составе и структуре гражданского оборота выходит за рамки настоящей работы и нуждается в самостоятельном исследовании. Однако уже сейчас нельзя не подчеркнуть, что отнесение к гражданскому обороту исключительно «позитивных» – правомерных – явлений видится утопическим, поскольку в такой интерпретации гражданский оборот предстает в качестве идеальной модели возможного и должного, то есть не того *что есть*, а того, что и как *может и должно быть* и, таким образом, по существу сводится к позитивному [гражданскому] праву, вследствие чего самостоятельность и значимость его и как явления гражданско-правовой реальности (выражение Н. П. Асланян¹), и как соответствующей ему категории, сводятся к нулю.

Говоря об имеющейся, по нашему убеждению, связи виндикации и гражданского оборота², считаем необходимым обратить внимание также на то, что в работах целого ряда современных исследователей гражданский оборот, по существу, выступает в качестве детерминанта – фактора, определяющего, в частности, *содержание норм* о виндикации.

методологических позиций – в качестве *правоотношения* (см., например: *Кархалев Д. Н.* Виндикационное охранительное правоотношение // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 6. С. 8–11; *Краснова С. А.* Виндикационное правоотношение. М., 2013; *Лоренц Д. В.* Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2008). Кроме того, термин «виндикация» употребим, как представляется, также для обозначения *фактических действий по возврату* собственнику из чужого незаконного владения принадлежащего ему *имущества*.

¹ См.: *Асланян Н. П.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5 (85). С. 100–108.

² Которая заключается не только в том, что виндикация или институт ее ограничения являются способом (средством, механизмом) защиты прав *участников гражданского оборота* – собственников либо противостоящих им добросовестных приобретателей (см., например: *Моргунов С. В.* Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006. С. 18–19; *Аверьянова М. В.* Защита добросовестного приобретателя имущества в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 3).

Например, С. В. Моргунов, завершая рассмотрение вопроса о возникновении и развитии виндикации, резюмирует, что ограничения виндикации детерминированы присущим человечеству на всем протяжении его существования противостоянием индивидуальных интересов личности и общественных интересов «общего порядка и пользы»¹. «Преломление этого противостояния, – отмечает ученый, – на *гражданский имущественный оборот*» (без неуклонно возрастающей роли которого, по его мнению, немыслимо развитие гражданского общества) «с неизбежностью привело к альтернативе»: либо безусловно защищать интересы собственника, либо избрать «путь от абсолютной защиты собственника к уравниванию интересов последнего с интересами имущественного оборота гражданского общества», и именно возобладание второй тенденции обусловило переход от абсолютной древнеримской виндикации к «разного рода ограничениям виндикационного иска в современных правовых системах»².

По сути, об ограничениях виндикации временного характера пишет А. А. Куприянов, который, ссылаясь в обоснование одного из своих тезисов на постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30 января 2004 г. № Ф08-5465/03, содержащее указание на то, что «истечение срока исковой давности к предыдущему фактическому владельцу лишает собственника права истребовать вещь у лица, в фактическом владении которого она находится», при этом заключает: «Это так по смыслу закона, защищающего устойчивость *гражданского оборота* на будущее время»³.

М. В. Аверьянова, рассматривая ограничение виндикации как основной механизм защиты добросовестного приобретателя, отмечает, что вопрос о защите добросовестного приобретателя – «это вопрос безопасности и стабильности *всего гражданского оборота* в целом»⁴. Не менее обобщающий вывод делает А. А. Новосёлова, по мнению которой «в вопросе необходимости ограничения виндикации представители цивилистической науки *единодушны*, видя целью ограничения виндикации защиту и повышение доверия к *обороту*»⁵.

¹ См.: Моргунов С. В. Указ. соч. С. 34.

² См.: Там же.

³ Куприянов А. А. Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимости. URL: <https://pravorub.ru/articles/1467.html>.

⁴ Аверьянова М. В. Указ. соч. § 3.2. гл. 3, с. 4.

⁵ Новосёлова А. А. Вещные иски: проблемы теории и практики. М., 2014. С. 104.

Аналогичные суждения высказывал еще И. А. Покровский, выделивший в числе основных проблем (современного ему) гражданского права «проблему собственности», в рамках анализа которой особо остановился на вопросе о причинах восстановления принципа «Hand muss Hand wahren» для движимых вещей и установления института поземельных книг для оборота на недвижимости¹.

Правило или, как его иначе именует правовед, начало «Hand muss Hand wahren»², действовавшее «в правовых системах старогерманского корня» (и, заметим, воплощенное в нормах действующего российского гражданского законодательства), заключалось в том, что виндикации от всякого третьего лица подлежали только вещи, вышедшие из рук владельца против его воли (потерянные, похищенные); вещи, добровольно вверенные владельцем кому-нибудь, в случае их отчуждения последним «уходят от собственника окончательно»³. Данное правило значительно отличалось от положений древнеримского права, согласно которому, как известно, никто не мог передать другому больше прав, чем имеет сам, исходя из чего даже добросовестный приобретатель вещи права собственности на нее не получал и истинный собственник мог отобрать вещь назад.

Как пишет И. А. Покровский, «последовательное проведение римского принципа создавало бы общую неуверенность оборота», поскольку приобретатель никогда не мог быть уверен в том, что он стал собственником и что «завтра не явится некоторое другое лицо, которое докажет свое право собственности на вещь и отберет ее себе»; начало же «Hand muss Hand wahren», по мнению ученого, устраняло подобную неуверенность, в связи с чем под влиянием «потребностей оборота», «потребностей экономического прогресса» оно «начинает укрепляться снова»⁴. Возражая «энергичным протестам» против распространения данного начала в общегражданском (а не только в специальном торговом) праве, правовед отмечает, что все они «остаются бессильными перед общим стремлением к созданию наи-

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 351, п. XI.

² В переводе с немецкого языка интерпретируемое как «рука за руку отвечает» (см.: Там же. С. 195, сноска; Моргунов С. В. Указ. соч. С. 28, сноска), «рука должна обеспечивать руку» (см.: Новосёлова А. А. Указ. соч. С. 104).

³ См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 197, 195–196.

⁴ См.: Там же. С. 197, 196, 204, 198.

большей прочности оборота»¹. Логическим развитием данного тезиса является суждение ученого о том, что и усвоение принципа «Hand muss Hand wahren» для движимых вещей, и установление института поземельных книг для оборота на недвижимости *«вызвано единой целью и проникнуто единой мыслью: обеспечить прочность гражданского оборота»* (курсив наш. – Ю. В.) путем узаконения доверия к известным внешним фактам»².

Таким образом, те или иные правила виндикации самым непосредственным образом связывались корифеем отечественной цивилистики с гражданским оборотом, а точнее, с необходимостью обеспечения прочности последнего.

Понятие «прочность (стабильность, устойчивость) гражданского оборота» заслуживает особого внимания, поскольку является еще одним моментом, не укладывающимся в традиционное понимание гражданского оборота.

Можно заметить, что указанное понятие и соответствующие ему выражения широко используются не только в современной юридической литературе³ и в материалах судебной практики⁴ (в том числе, за-

¹ См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 198–199.

² Там же. С. 201.

³ Так, одна из цивилистических монографий начинается словами: «Одной из основных задач для Российской Федерации на современном этапе является обеспечение нормального и стабильного функционирования гражданского оборота» (см.: Желонкин С. С. Недействительность анτισоциальных сделок. М., 2014. С. 3). См. также: Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13; Безик К. С. Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации. Иркутск, 2012. С. 175; Дятлов Е. В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13; Ломакин Д. В. Внутрикорпоративные процедуры и стабильность гражданского оборота: проблема поиска приоритета // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11; Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости. М., 2014. С. 5, 10; Сидоров А. Е. Предприятие как объект гражданских прав в Германии, Австрии, Швейцарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9; Храмцов К. В. Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2006. № 3/4 (8/9). С. 72; Эстулин И. В. О понятии организационно-правовой формы юридического лица // Армия и общество. 2014. № 3 (40). С. 14.

⁴ Например, в кассационном определении Магаданского областного суда от 13 дек. 2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11 указано, что «целью госу-

рубежных¹), но и в документах, являющихся «мотивами» тех или иных законодательных изменений. Так, в п. 5.2.1 разд. II Концепции развития гражданского законодательства РФ² (далее – Концепция) отмечалось широкое распространение на практике признания сделок ничтожными на основании ст. 168 ГК и далее указывалось: «Тем самым *стабильность и предсказуемость гражданского оборота* (здесь

дарственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является не только учет недвижимого имущества, но и *обеспечение* субъектам прав на недвижимое имущество *гарантий устойчивости оборота* такого имущества со стороны государства». Согласно п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» «конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств предполагают наличие надлежащих гарантий *стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота*, которые не противоречили бы индивидуальным, коллективным и публичным правам и законным интересам его участников».

¹ Так, рассматривая вопрос об основах гражданского права в судебной практике Грузии, об обеспечении гражданского оборота пишет Т. Зарандиа. В частности, она развивает тезис о том, что значительная роль в обеспечении справедливого и упорядоченного гражданского оборота принадлежит государству, которое выступает гарантом отмеченной справедливости и упорядоченности (см.: Zarandia T. Grundlagen des Zivilrechts in der georgischen Rechtsprechung = Основы гражданского права в судебной практике Грузии // Grundlagen der Zivilrechtsordnung in den Staaten des Kaukasus und Zentralasiens in Theorie und Praxis. Berlin, 2007. S. 136–138). Данный тезис она иллюстрирует выдержками из ряда решений Конституционного Суда Грузии, в одном из которых говорится о необходимости защиты потребителя как слабой стороны рыночных отношений от неравноправных условий, предлагаемых сильной стороной, и указывается на то, что «вмешательство государства в этом направлении для обеспечения справедливого и упорядоченного гражданского оборота следует считать оправданным шагом» (решение Конституционного Суда Грузии «Граждане Грузии Шалва Нателашвили и Акакий Микадзе против национальной комиссии по регулированию энергетики Грузии (НКЗЭГ)» (см.: Зарандиа Т. Основы гражданского права в судебной практике Грузии // Основы гражданского права в государствах Кавказа и Центральной Азии в теории и на практике. Берлин, 2007. С. 153).

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

и далее курсив наш. – Ю. В.) поставлены под серьезную угрозу. Чтобы не допустить дальнейшего разрушения *стабильности гражданского оборота*, изменение законодательства должно быть направлено на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция является неоправданной и явно несопоставимой характеру и последствиям допущенных при совершении сделки нарушений¹. Данная общая идея, получив воплощение в новой редакции ст. 168 ГК РФ², была детализирована в новелле кодекса – ст. 173.1 «Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления», относительно положений которой (в системной связи с нормой ст. 157.1 «Согласие на совершение сделки») в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ отмечено, что «в отдельных случаях сделка должна являться оспоримой и тогда, когда правила о согласии на ее совершение установлены в интересах третьего лица, однако с учетом существа отношений и в целях *обеспечения стабильности гражданского оборота* целесообразно исходить из оспоримого характера сделки без согласия». Кроме этого, в Пояснительной записке говорится о «дестабилизации оборота» (абз. 2 разд. I); отмечается, что в интересах гражданского оборота вводится правило, требующее опубликовывать сведения о признании решения собрания недействительным в том же порядке, в каком были опубликованы сведения о принятии данного решения (п. 2 ст. 181.3); «повысить защищенность и *стабильность гражданского оборота*, снизить риск лиц, вступающих в отношения с лицом, предъявившим доверенность» призваны изменения в положения ГК о представительстве (гл. 10).

Однако, несмотря на достаточно широкое употребление, понятие «стабильность (устойчивость, прочность) гражданского оборота» нельзя признать определенным в своем содержании.

То же можно сказать о таком понятии, как «потребности гражданского оборота», упоминаемом, как правило, наряду с условиями

¹ См. также п. 9 разд. I Концепции.

² См.: О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 8 мая 2013.

социально-экономического развития общества или государства при обосновании необходимости совершенствования тех или иных положений гражданского законодательства.

Так, в определении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 456-О-О¹ по жалобам, связанным с порядком исчисления исковой давности по требованиям третьих лиц, указано, что требования заявителей сопряжены с внесением изменений в правовое регулирование, что «относится к прерогативам федерального законодателя, который реализует их в том числе с учетом конкретных условий социально-экономического развития Российской Федерации и *потребностей гражданского оборота* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.)»². В определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 декабря 2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008 также используется данное выражение, однако говорится не об изменении действующего законодательства, а о необходимости «приспособления имеющегося инструментария к современным условиям и *потребностям гражданского оборота*, включая применение судами норм законодательства по аналогии»³.

Ссылки на потребности гражданского оборота имеются также в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в которой в частности указано, что «*потребности гражданского оборота* в разнообразных финансовых услугах требуют как расширения круга возможных банковских счетов, так и развития регламентации уже предусмотренных законодательством видов банковских счетов» (п. 2.4.1 подр. 2.4 «Банковский счет» разд. VI «Законодательство о ценных бумагах и финансовых сделках»)». Пункт 4.1.1.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества «Викон» и гражданки Лоховой Алевтины Павловны на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2010 г. № 456-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

² Принимая во внимание новую редакцию п. 1 ст. 181 ГК РФ, можно констатировать, что последние были учтены отечественным законодателем.

³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 дек. 2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Данное положение буквально воспроизведено и в п. 7 заключения Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по финансовому рынку от 23 апр. 2012 г. № 8/4 «По проекту Федерального закона № 47538-6 “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты

подр. 4 разд. II данной Концепции содержит следующее положение: «С учетом существующей судебной практики и *нужд имущественного оборота* следует рассмотреть вопрос о возможном расширении понятий “отлагательное условие” и “отменительное условие” в сделках под условием». В заключении по проекту федерального закона РФ «Об электронной подписи»¹ отмечено, что данный законопроект соответствует зарубежному законодательству, «где преобладают технологически нейтральные модели регулирования электронных подписей, отвечающие в большей степени *потребностям гражданского оборота*».

При видимой понятности приведенных положений представляется не вполне ясным, что являют собой указанные «потребности гражданского оборота». Раскрытие содержания понятия «потребность», означающего «надобность, нужду в чем-нибудь, требующую удовлетворения»² большей внятности в понимание приведенных выражений не вносит.

Можно предположить, что в тех случаях, когда используется данное понятие, имеются в виду потребности не собственно гражданского оборота, а его *участников*, как это, например, прямо говорится во введении к разделу IV «Законодательство о вещных правах» Концепции, а также в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ (абз. 2 разд. II Вещное право). Но и в этом случае вопрос о значении выражения «потребности участников гражданского оборота» остается открытым и во многом определяется как раз содержательным наполнением понятия «гражданский оборот». Кроме того, указание на субъектов отмеченных потребностей – участников гражданского оборота – привносит известную долю субъективизма, поскольку каждый из таких участников в сфере гражданского права действует своей волей и в своем интересе, исходя из своих индивидуальных потребностей. Очевидно, что эти индивидуальные интересы и

Российской Федерации»», а также в Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Пояснительная записка к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ По проекту федерального закона № 159631-4 «Об электронной подписи»: решение Комитета по энергетике, транспорту и связи от 14 сент. 2005 г. № 3.25-12/52 // СПС «КонсультантПлюс»: Законопроекты.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ соч. С. 572.

потребности отдельных участников могут не совпадать и существенно разниться, в связи с чем апелляция к «потребностям участников гражданского оборота» возможна лишь после предварительного приведения всех имеющихся индивидуальных потребностей субъектов к «общему знаменателю», что, как представляется, является крайне затруднительным. Таким образом, ссылка на них как на нечто, обуславливающее объективную необходимость изменения действующих законодательных положений, представляется сомнительной.

Обращение с целью установления содержания выражений «стабильность гражданского оборота» и «потребности гражданского оборота» к имеющимся в отечественной доктрине дефинициям понятия «гражданский оборот» способствовать решению данной задачи не в состоянии, поскольку дополнение последних словами «стабильность»¹ либо «потребности» влечет формулировки, как минимум, лишённые практической значимости. Напротив, при этом возникает целый ряд вопросов: в чем заключаются потребности правоотношений как юридической конструкции; что может означать стабильность юридических фактов; могут ли быть потребности у формы; способны ли (и если да, то каким образом) потребности либо стабильность движения или процесса перехода объектов, равно как и потребности (стабильность) случаев смены субъектов-носителей субъективных прав, обуславливать правовое регулирование.

Исходя из этого, следует либо констатировать, что выражения «потребности гражданского оборота», «стабильность (прочность, устойчивость) гражданского оборота» являются не более чем словосочетаниями, не имеющими какого-либо смысла и юридического значения или даже просто некорректными, а потому вряд ли способными обосновывать необходимость совершенствования законодательства и права, либо, что видится более верным, признать необходимым изменение понимания категории «гражданский оборот».

Подобная корректировка необходима, кроме того, исходя из *общей тенденции постоянного развития науки гражданского права*. В данной связи следует заметить, что преобладающий ныне взгляд на гражданский оборот как на правовую форму, юридическое отражение экономического оборота, правовую надстройку к экономическому базису сформировался и начал укореняться в отечественной науке в так

¹ Означающее «прочность, устойчивость, постоянность» (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ соч. С. 761).

называемый советский период¹. Не отрицая несомненной значимости работ ученых того периода, в частности, О. А. Красавчикова, с именем которого связана теория правовых форм² (лежащая в основании сформулированного правоведом определения понятия гражданского оборота³), тем не менее, полагаем, что с позиций современных исследований следует принимать во внимание также вновь появляющиеся учения (теории, концепции и т. п.).

Применительно к учению о правовых формах, как представляется, нельзя не учитывать концепцию гражданско-правовых форм В. А. Белова, согласно которой необходимо выделять более десятка таких форм. В частности, исходя из того, что отнесению к разряду последних, по мнению ученого, подлежат «*категории юридической науки*, определяемые через понятия *возможности* и *необходимости*», он выделяет в качестве гражданско-правовых форм следующие правовые явления: гражданское правоотношение; гражданскую правосубъектность; секундарные права; публичные ограничения и частные обременения гражданских прав; кредиторские обязанности; гражданско-правовой режим; гражданско-правовое значение; охраняемые законом интересы; взаимосвязи правовых явлений; отрицательные правовые формы (состояния отсутствия); коллективные правовые формы; гражданско-

¹ Вопрос о понятии гражданского оборота рассматривался тогда в рамках дискуссии о предмете гражданского права, то есть с позиций построения системы гражданско-правовых норм, регламентирующих экономические отношения. Несколько иначе понимали гражданский оборот дореволюционные цивилисты. Например, В. И. Синайский писал: «Совокупность жизненных отношений (потребностей, интересов) как юридических отношений частноправового порядка и составляет так называемый гражданский оборот, постоянно изменчивый и сложный как изменчивы и сложны человеческие потребности (интересы)» (см.: *Синайский В. И. Русское гражданское право*. М., 2002. С. 54–55). С. А. Муромцев определял гражданский оборот как «совокупность всех юридических действий, которые совершаются субъектами в данном гражданском обществе и в пределах гражданско-правового порядка» (см.: *Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима*. М., 2003. С. 67).

² См.: *Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения* // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 2. М., 2005. С. 7–25; *Его же. Гражданская правосубъектность как правовая форма* // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Т. 2. С. 26–50.

³ *Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот ...* С. 12–14, 26 и др.

правовые связи с участием так называемых третьих лиц¹. В связи с этим возникает вопрос, в какой именно форме «отражается» в праве экономический оборот, а принимая во внимание разграничение В. А. Беловым абсолютных и относительных гражданско-правовых форм, – также вопрос о том, отражается ли экономический оборот только в форме обязательств² или в вещно-правовых формах тоже³?

В связи с пониманием гражданского оборота как юридической (правовой) формы экономических отношений возникает и целый ряд иных вопросов, а именно: является ли гражданский оборот единственно возможной формой экономического оборота? Если гражданский оборот – форма экономического оборота, то, следовательно, последний является его содержанием; но имеет ли он (экономический оборот) в таком случае свое собственное содержание и что при этом является его формой и как соотносится последняя с гражданским оборотом? Не вызывает сомнений, что ответы на приведенные вопросы требуют глубокого осмысления и серьезного научного анализа.

Изложенное убеждает в том, что сложившееся в российском гражданском правоведении понимание категории «гражданский оборот»:

1) нуждается в переосмыслении с позиций современных цивилистических концепций;

2) не согласуется с отдельными семантически родственными гражданскому обороту, легально закрепленными либо являющимися мотивом совершенствования законодательства, формулировками (в

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право. М., 2011. С. 320–321.

² Как совокупность гражданско-правовых обязательственных форм определяет гражданский оборот такого объекта, как валютные ценности, например, Р. А. Ражков (см.: Ражков Р. А. Указ. соч. С. 8). Вместе с тем В. А. Белов наряду с формой обязательственных правоотношений выделяет также относительные правовые формы, не являющиеся обязательствами, а именно: охранительные гражданские правоотношения, права ожидания удовлетворения, относительные секундарные права и права участия (корпоративные права) (см.: Белов В. А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М., 2013).

³ Вещно-правовые формы гражданского оборота, в частности, культурных ценностей выделяет, например, А. В. Головизнин (см.: Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 114–157).

частности, «введение в гражданский оборот», «потребности гражданского оборота», «стабильность гражданского оборота»);

3) не в полной мере совпадает с трактовкой гражданского оборота, имеющейся на уровне правоприменительной практики.

Отмеченный диссонанс не может быть нивелирован путем того или иного толкования соответствующих положений и в рамках имеющихся подходов к содержательному наполнению рассматриваемой категории носит неустранимый характер.

Сказанное свидетельствует о наличии в отечественной цивилистике проблемной ситуации, связанной с определением понятия «гражданский оборот», в связи с чем теоретически и практически необходимым является детальное научное исследование данной категории и соответствующего ей явления реальной действительности.

Представляется, что ключевое значение при этом имеет выбор методологического инструментария, который позволит объединить многочисленные разрозненные и разноаспектные теоретические разработки и выйти на качественно иной уровень познания гражданского оборота.

2. О методах исследования гражданского оборота: общие замечания

Не останавливаясь в рамках настоящей работы на общей проблеме понимания научной методологии в целом и юридической методологии, в частности¹, заметим, что значимость методов научного исследования, то есть возможных приемов и способов, посредством которых в доктрине решаются определенные теоретические и при-

¹ Об имеющихся взглядах на понятие методологии см., например: Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2009. С. 92 и след.; Чупин П. П. Научный метод и методология науки // Научный метод и методологическое сознание. Свердловск, 1986. С. 9 и след. См. также: Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 124–160; Малахов В. П. Философия права. М., 2007. С. 42–46; Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2008. С. 22–23; Проблемы методологии и методики правоведения / ред. Д. А. Керимов [и др.]. М., 1974; Рузавин Г. И. Методология научного познания. М., 2012. С. 4, 7–8; Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М., 1980. С. 6–10.

кладные задачи¹, трудно переоценить. Неоспоримым доказательством этого является тот факт, что наряду с обоснованием актуальности и новизны исследования, указанием цели и задач, объекта и предмета научной работы, теоретической основы и степени научной разработанности избранной ученым темы, рубрика «методологическая основа (база) исследования» является неотъемлемым компонентом любой отечественной научно-квалификационной работы.

Анализ таких работ, предпринятых в рамках специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» и так или иначе связанных с исследованием гражданского оборота, показал, что практически все авторы применяют такие общенаучные способы научного познания, как анализ и синтез, достаточно часто указывая также: индукцию и дедукцию, сравнение, аналогию. Традиционным является указание на использование диалектического метода познания (иногда именуемого «диалектической теорией познания»²), формально-логического метода. Все чаще в диссертационных цивилистических работах авторы отмечают применение ими «системного» («системно-структурного») подхода (метода, анализа).

Из числа частнонаучных методов многие ученые избирают для проведения своих исследований методы: исторический (или историко-правовой), догматический; все более востребованным в последнее время становится сравнительно-правовой метод, в том числе, метод «компаративистики».

Следует заметить, что вопрос об отнесении отдельных методов к общенаучным либо к частнонаучным в правоведении является дискуссионным. В частности, относительно формально-логического и сравни-

¹ Так, в философском энциклопедическом словаре метод определяется как «способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности» и отмечается, что в области науки «метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету» (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 2002. С. 266). По мнению И. Г. Рузавина, в самом широком смысле метод можно рассматривать как «некоторую *систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней*» (см.: Рузавин И. Г. Указ. соч. С. 6).

² См.: Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 12.

тельно-правового методов В. М. Сырых, не соглашаясь с Ю. Я. Баскиным, Д. И. Фельдманом и Т. Н. Радько (выделяющих данные методы в качестве общенаучных¹), полагает, что они являются частноправовыми, и отмечает, что «критерий отделения частноправовых методов от общих и специальных связывается не столько с фактом их применения в познании государственно-правовых явлений, сколько со степенью модификации, приспособления тех или иных методов применительно к специфике правовых исследований»². По мнению ученого, «в ходе многовековой практики толкования права данные методы были творчески дополнены, развиты специфическими правилами познания и в том виде, в котором они существуют в настоящее время, могут применяться только в правовой науке»³. Также к частноправовым «сугубо юридическим» относят формально-юридический и сравнительно-правовой методы Н. И. Матузов и А. В. Малько⁴; «специфическими» считает указанные научные методы А. В. Мелехин⁵.

В работах, связанных с исследованием гражданского оборота, встречается указание и на иные способы познания, например: «системо-деятельностный метод»⁶; «межотраслевой метод исследования»⁷;

¹ См.: Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Международное право. Проблемы методологии. М., 1971. С. 12–18; Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 89 и след. В современной юридической литературе к общенаучным методам познания относит, в частности, формально-логическую методологию В. П. Малахов (см.: Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 15).

² См.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 12.

³ См.: Там же. С. 13.

⁴ См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004. § 4 «Система методов теории государства и права», гл. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Мелехин А. В. Теория государства и права. М., 2009. С. 15.

⁶ Как отмечает М. Н. Илюшина, позволивший ей «выявить особенности содержания правового режима сделок, складывающихся в коммерческом обороте и обороте долей хозяйственных обществ с точки зрения частноправового и публично-правового регулирования, его видов, соотношения со смежными понятиями» (см.: Илюшина М. Н. Указ. соч. С. 12).

⁷ См.: Там же.

«функциональный подход»¹; «моделирование»²; «социально-правовой» и «конкретно-социологический» методы³.

В чем заключаются отдельные способы, и какие результаты позволило получить их применение, ученые нередко не поясняют.

В качестве общего замечания, касающегося методологии исследования категории «гражданский оборот», можно также указать на преобладание в современной отечественной цивилистической науке нормативного подхода, легистского типа правопонимания, характеризуемого, по замечанию В. В. Лапаевой, отрицанием сущностной специфики права как особого социального явления, обладающего самостоятельной социальной ценностью, отождествлением права с произвольным предписанием публичной власти, признанием в качестве главного признака права его производного от государства принудительного характера, трактовкой права как инструмента в руках государства⁴. Применительно к предмету настоящей работы об этом, в частности, свидетельствует, тот факт, что, обосновывая необходимость дальнейшего исследования гражданского оборота, ученые ссылаются на сложность и новизну «многих “практических” институтов гражданского права, вновь созданных или усовершенствованных Гражданским Кодексом РФ», апеллируют к «современному законодательному материалу»⁵. Верхом нормативизма можно считать вывод отдельных исследователей, ратующих за необходимость законодательного определения понятия «гражданский оборот»⁶.

Из отмеченных выше и множества других не названных здесь методов, используемых, по заверению ученых, в ходе исследования ими тех или иных аспектов гражданского оборота, считаем необходимым остановиться на рассмотрении таких приемов и способов на-

¹ См.: *Майдаровский Д. В.* Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 7.

² См.: Там же; *Бритвин С. Н.* Арендные права и их гражданский оборот : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 5.

³ *Рутковская О. А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 6.

⁴ См.: *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 60.

⁵ См., например: *Полуяхтов И. А.* Указ. соч. С. 4, 28.

⁶ См.: *Михайлова Н. С.* Указ. соч. С. 5, 16; *Руденко А. В.* Указ. соч. С. 109; *Цветков С. Б.* Указ. соч. С. 154.

учного познания, как: исторический (историко-правовой), сравнительно-правовой, формально-логический, системный. Во-первых, потому, что по количеству указаний на их применение в целях познания гражданского оборота (или его отдельных аспектов) в отечественной доктрине они, что называется, занимают верхние ступни рейтинга и, во-вторых, ввиду различного (неоднозначного), а иногда – упрощенного, на наш взгляд, их понимания учеными.

Необходимо заметить, что относительно исторического и сравнительно-правового методов в юридической литературе высказана позиция, согласно которой они являются не методами, а *направлениями* изучения права¹. Соглашаясь в целом с подобной оценкой, исходя из целей настоящей работы, посвященной критическому анализу методологического инструментария, используемого при изучении гражданского оборота, считаем допустимым, следуя сложившемуся словоупотреблению, именовать их в дальнейшем изложении методами познания.

Принимая во внимание сложившуюся и широко признанную трактовку гражданского оборота как правовой (юридической) формы экономического оборота, мы сочли целесообразным особо рассмотреть вопрос «Категория правовой формы как методологическое основание концепции гражданского оборота».

Подчеркнем, что выделенные методы (направления, категории) будут рассмотрены далее лишь в общем виде – как *возможные* способы (основания) познания гражданского оборота, что не предполагает как исчерпывающей характеристики самих методологических средств, так и детального исследования с их применением являющейся основным предметом настоящей работы категории «гражданский оборот».

Полагаем, что при изучении гражданского оборота бесспорно допустимым является использование всех указанных выше способов. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «любой метод науки имеет свои теоретико-познавательные и логические возможности, за пределами которых его эффективность снижается или элиминируется вовсе»². Исходя из этого, основной задачей, на решение которой направлено данное исследование, является выявление такого метода (методов) познания гражданского оборота, который в услови-

¹ См.: Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки. С. 151; Его же. Гражданское право. Т. 1. С. 78.

² См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 1996. С. 22.

ях современной познавательной ситуации будет наиболее *эффективным с позиций приращения научного знания* о данной категории и отражаемом в ней явлении юридически значимой действительности.

В качестве *научной гипотезы*¹, сформировавшейся у нас в ходе анализа имеющихся в отечественной цивилистике подходов к пониманию категории «гражданский оборот», отметим, что перейти к качественно новому – сущностному – познанию гражданского оборота, по нашему мнению, позволит системный подход.

¹ Следует обратить внимание на то, что П. В. Алексеев и А. В. Панин рассматривают (саму) гипотезу как форму и метод теоретического исследования. В частности, ученые пишут: «В методологии термин “гипотеза” используется в двух смыслах: как форма существования знания, характеризующаяся проблематичностью, недостоверностью, и как метод формирования и обоснования объяснительных предложений, ведущий к установлению законов, принципов, теорий»; в рамках данного метода проявляется интуиция исследователя (см.: Там же. С. 305).

ВОЗМОЖНЫЕ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Исторический метод

Исследование того или иного объекта (категории, института и т. д.) в правоведении принято начинать с вопроса о генезисе либо самого объекта, либо представлений (концепций, учений и т. п.) о нем. В общем виде такой путь научного познания и является историческим или, применительно к сфере права, историко-правовым.

Следует обратить внимание на то, что в литературе четкого разграничения между собственно историческим и историко-правовым методами исследования, как правило, не проводится, в том числе теми учеными, которые в рубрике «методологическая основа исследования» одновременно указывают и исторический, и историко-правовой методы¹. Отдельные правоведы отмечают, что при написании работы «автор руководствовался принципом историзма»², имея в виду, как представляется, так же использование исторического метода познания.

Полагаем, что исторический и историко-правовой методы соотносятся как общее и частное и в равной мере заключаются в ретроспективном анализе изучаемого объекта (предмета, явления). Специфика *историко-правового* исследования при этом, на наш взгляд, состоит в том, что те или иные процессы и факты, имевшие место в истории государства и права в тот или иной временной период, составляют, главным образом, лишь общий исторический контекст, необходимый для осмысления причин появления или, напротив, прекращения либо особенностей содержания соответствующих правовых норм, выступающих ключевым предметом правовых исследований.

Можно отметить, что большинство современных отечественных гражданско-правовых работ, авторы которых обращаются к «истории вопроса», основывается на делении истории государства и права России на такие национально-специфические этапы (периоды), как: «до

¹ См.: Головизнин А. В. Указ. соч. С. 7.

² См.: Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

1917 г.» (дореволюционный), «советский», и «современный». Иными словами, приступая к историческому рассмотрению исследуемой проблемы, российские ученые в качестве шаблона используют уже устоявшуюся и привычную последовательность освещения: дореволюционное – советское – современное (право), иногда выделяя также «переходный («перестроечный»)» период.

Отмеченная тенденция наблюдается и в работах, связанных с исследованием гражданского оборота.

Так, И. А. Полуяхтов, рассматривая вопрос о генезисе концепции гражданского оборота, сначала приводит взгляды *дореволюционных* цивилистов (в частности, Ю. С. Гамбарова и И. А. Покровского), затем анализирует позиции *советских* авторов (С. Н. Братуся, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова, С. С. Алексеева, Д. М. Генкина), а после – *современные* трактовки гражданского оборота¹.

Аналогичным образом Е. В. Ельникова начинает анализ вопроса о содержании понятия «гражданский оборот» с того, что излагает мнение Ю. С. Гамбарова и «классическое понимание гражданского оборота, сформулированное еще в трудах *дореволюционных* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) ученых Г. Ф. Шершеневича, В. М. Хвостова», прослеживая далее развитие предложенных ими подходов «в *советское время*» (в трудах С. Н. Братуся, В. А. Дозорцева, О. А. Красавчикова) и *современными* учеными².

М. А. Астахова также сначала освещает «концепции по поводу гражданского оборота», выработанные «отечественной наукой *дореволюционного и советского периода*», после чего приводит «взгляды *современных* исследователей»³.

А. А. Морозов, предпринимая анализ эволюции понятия «гражданский оборот», последовательно освещает воззрения *дореволюционных* цивилистов (К. П. Победоносцева, Е. В. Васьковского), ученых *советского периода* (С. Н. Братуся, С. С. Алексеева, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова), *современных* исследователей (И. А. Полуяхтова, К. И. Скловского, Л. А. Чеговадзе, М. А. Астаховой)⁴. Применительно к категории «оборотоспособность», помимо дореволюционного, советского и современного периодов, правовед особо оговаривается о

¹ См.: Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 12–28.

² См.: Ельникова Е. В. Указ. соч. С. 16–21.

³ См.: Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 48–49.

⁴ См.: Морозов А. А. Указ. соч. С. 31–34.

гражданско-правовом источнике *переходного периода* – Основях гражданского законодательства Союза ССР и республик¹.

Д. В. Жернаков отмечает, что «отношения гражданского оборота были предметом исследования русских (*дореволюционных*), *советских* и *современных* цивилистов»², разделяя тем самым, как представляется, сложившуюся и общепринятую градацию отечественной истории государства и права на указанные выше периоды. Тот же вывод следует из суждений Р. Ф. Галеевой о том, что «с *дореволюционных времен* вплоть до *наших дней* в науке гражданского права наметилось два основных подхода к явлению гражданского оборота»³, и Е. В. Шаповаловой, отмечающей, что «большинство ученых как *дореволюционного, советского и постсоветского периодов* рассматривали гражданский оборот как некую совокупность отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих перемещение прежде всего материальных благ от одного лица к другому»⁴.

Подобная метода исследования прослеживается и в тех работах, авторы которых исторический (историко-правовой) способ познания в методологической основе своей работы прямо не называют. Например, В. В. Романова, указав в соответствующей части диссертации на «научно-диалектические методы и приемы, такие как анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, аналогия, системный подход, а также ряд частно-научных методов сравнительного правоведения, технико-юридические и иные методы», в последующем изложении отмечает, что «определения понятия гражданского оборота представленные в отечественной правовой науке с *дореволюционного периода до наших дней* имеют сходную сущность, отличаясь лишь в отдельных аспектах»⁵. Иллюстрирует данный вывод автор последовательным изложением позиций Ю. С. Гамбарова, С. Н. Братуся, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова, заключая, что современное определение гражданского оборота, содержащееся в Большом юридическом словаре, «обобщает приведенные ранее точки зрения»⁶.

¹ См.: Морозов А. А. Указ. соч. С. 38–46.

² Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 57.

³ Галеева Р. Ф. Указ. соч. С. 22.

⁴ Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 96.

⁵ Романова В. В. Правовое регулирование оборота земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 49.

⁶ См.: Там же. С. 49–50.

Характерной чертой цивилистических научных работ в рамках «исторической рубрики» является также традиционное обращение в качестве исходного к положениям римского частного права. Применительно к исследованию гражданского оборота при этом приводят нормы Дигест Юстиниана и суждения романистов о вещах в обороте, *res in commercio*, и вещах вне (гражданского) оборота, *res quarum commercium non est, res extra commercium*, проводя параллель с общепризнанной в российской цивилистической доктрине градацией объектов гражданских прав на свободные в обороте, изъятые из оборота и ограниченные в обороте¹.

Отмеченные нормы в римском частном праве, действительно, имели место², исходя из чего, ученые разных времен и народов небезосновательно излагали и излагают их содержание, придавая, однако, соответствующим положениям не всегда одинаковое значение.

Так, в современной отечественной литературе положения древнеримского права о *res in commercio* и *res extra commercium* рассматривают преимущественно в контексте вопроса об *оборотоспособности* объектов гражданских прав как способности последних к отчуждению или переходу от одного лица к другому в рамках гражданских правоотношений³. Отдельные авторы прямо отмечают, что «правовые принципы (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) оборотоспособности вещей (объектов гражданского права), разработанные древнеримскими юристами, с достаточной полнотой нашли отражение и в современном российском гражданском праве»⁴.

Вместе с тем, например, Ю. С. Гамбаров, также признававший заимствованный из римского права характер разделения вещей на «оборотные» и «внеоборотные», заключал, что основанием римского деления вещей на указанные группы «было нахождение или ненахождение их в составе имущества, тогда как основанием этого же деления в новой юриспруденции сделалось положение вещей в гражданском обороте, отождествленном с понятием имущественного

¹ См., например: Морозов А. А. Указ. соч. С. 35–36.

² См., в частности: D. 18.1.6 pr.; 18.1.34.1; 20.3.1.2; 30.39.10 // Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. III. М., 2003. С. 560–561, 572–573; Т. IV. М., 2004. С. 50–51; Т. V, полутом 1. М., 2004. С. 358–359.

³ См., например: Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212–213.

⁴ Яковлев В. Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право. М., 2010. С. 146.

оборота»¹. Подобное отождествление правовед считал неправильным, отмечая, что под понятием «*commercium*» «следует разуметь только особую форму пользования известными благами внешнего мира, приспособленную к целям торговли и исключительного усвоения человеком этих благ по началам частной собственности», и что этой формой «не исчерпывается ни понятие оборота, ни понятие права»². Аналогичным образом – с позиций вопроса о *принадлежности* вещей определенным лицам – трактовал категорию *res extracommercium* Е. Н. Трубецкой, отмечавший, что данные вещи «потому исключаются из гражданского оборота, что составляют объект чьего-либо исключительного права»³.

В данной связи, признавая то колоссальное значение, которое римское частное право оказало на формирование и развитие большинства современных цивилистических концепций, тем не менее, следует подчеркнуть, что апелляция в том или ином вопросе к классической римской юриспруденции не должна быть безоговорочной, поскольку сами древнеримские юристы не являлись «авторами» тех общих теоретических постулатов, ссылаясь на которые современные исследователи обосновывают отдельные суждения и выводы; на основании практических конструкций, действительно выработанных древнеримскими юристами⁴, это сделали их последователи – глоссаторы и постглоссаторы, а позднее – германские пандектисты. При этом уместно привести замечание Е. А. Суханова о том, что «у нас есть и еще ряд заблуждений. Например, мы считаем, что наш российский правопорядок, как и европейское континентальное право в целом, имеет в своей основе римское частное право. Это и так, и не так. <...> Подлинным предшественником нашего права является не римское право, ... а германское пандектное право. <...> Благодаря рабо-

¹ См.: Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1. СПб., 1911. С. 580–588.

² См.: Там же.

³ См.: Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 183.

⁴ К их числу, например, можно отнести конструкцию юридического лица. В то же время, как справедливо отмечается в литературе, «ошибка многих исследователей права в том, что они пытаются найти буквальное совпадение современных конструкций с предшествующими» (см.: Базаров В. Б. История развития представлений о комплексных субъектах гражданского права в Древнем Риме // Известия ИГЭА (Байкальский государственный университет экономики и права) – электронный научный журнал. 2014. № 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19031>).

там пандектистов появились общие понятия: договор, сделка, обязательство, право собственности, вещное право, деликт, которых нет в римском праве. Это произошло в самом конце XVIII и начале XIX века. Вот кто наши предшественники»¹.

Таким образом, даже если опираться в понимании гражданского оборота на систему римского частного права, а именно на существовавшие в нем нормы о *res in commercio* и *res extra commercium*, то прежде всего следует говорить о тех или иных *доктринальных* взглядах на указанную классификацию. Между тем трактовка соответствующих положений древнеримского права, как показано выше, может быть различной, и устоявшийся характер определенных взглядов не свидетельствует об их абсолютной истинности, бесспорности и однозначности.

Исторический метод используется не только применительно к вопросу о генезисе *концепции* гражданского оборота, но и при анализе *правовых норм и содержащих их нормативно-правовых актов*, регламентирующих (гражданский) оборот тех или иных видов объектов гражданских прав. Так, Р. М. Олимова указывает на то, что ею «активно использовался исторический метод», поясняя: «*Правовые акты* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) были рассмотрены в хронологическом порядке их издания с выявлением тенденций развития и преемственности законодательства»². К анализу «развития гражданского оборота в его историко-правовом аспекте, позволяющем проследить закономерности формирования современного *правового регулирования* оборотоспособности объектов гражданских прав» обращается А. А. Морозов³.

Итак, исторический метод широко используется современными учеными при исследовании гражданского оборота. Однако в большинстве случаев его применение сводится к простому хронологическому рассмотрению либо взглядов на категорию «гражданский оборот», либо соответствующих правовых норм. Не отрицая возможной

¹ См.: Суханов Е. А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права (ВАС РФ, 4 окт. 2010 г.) // Портал российского частного права. URL: http://www.privlaw.ru/index.php?news_year=2010 (дата обращения: 1 окт. 2013).

² См.: Олимова Р. М. Указ. соч. С. 7–8.

³ Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

эффективности, а иногда и необходимости подобного пути познания изучаемых объектов¹, убеждены, что научный потенциал историко-правового метода гораздо более значителен.

Безусловно, ретроспективный обзор литературных или нормативных источников позволяет проследить преемственность взглядов или нормативных установлений относительно предмета исследования, проиллюстрировать или обосновать «традиционность» определенного подхода. Вместе с тем представляется очевидным, что рассмотрение тех или иных объектов (предметов, явлений) «в исторической постепенности их развития»² имеет преимущественно *описательный характер*, в связи с чем не способно, на наш взгляд, вывести исследователя на новый уровень познания, особенно – такого сложного юридически значимого явления, как гражданский оборот.

По нашему мнению, *применение исторического метода* при исследовании гражданского оборота, равно как и других явлений реальной действительности, *не должно ограничиваться отмеченным ретроспективным описанием соответствующих позиций и норм* (бесконечно воспроизводимым в каждой последующей работе по данной тематике, что можно увидеть уже только по именам авторов излагаемых точек зрения). Полагаем, тезис о том, что гражданский оборот является не просто понятием, а именно явлением реальной

¹ На наш взгляд, это теоретически и практически оправданно при исследовании *правовых норм и институтов*, которые могут получать принципиально различное оформление в позитивном праве. Так, например, применение исторического метода при анализе соседского права в России показало и позволило нам обосновать отсутствие онтологической (исторической) связи между институтом права собственности и нормами, призванными регламентировать отношения субъектов в связи с эксплуатацией ими соседствующего (смежного или близко расположенного) недвижимого имущества, и на этом основании критически оценить предлагаемое закрепление в ГК РФ норм о соседских правах как об ограничениях права собственности (см.: Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России: монография. Иркутск, 2012; *Ее же*. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 21–31; Виниченко Ю. В., Асланян Н. П., Поротикова О. А. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию. М., 2014).

² Выражение А. М. Гуляева (см.: Гуляев А. М. Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.). Киев, 1894. С. 3).

действительности, лишь отражаемым в соответствующем понятии, в дополнительном обосновании не нуждается.

Действительная значимость и ценность данного метода, по нашему убеждению, заключается в другом – в том, что посредством историко-правового анализа можно обнаружить факторы, обуславливавшие в отдельные периоды развития гражданского права то или иное понимание гражданского оборота и содержание соответствующих правовых норм, а также выявить начала функционирования самого гражданского оборота.

В данной связи уместно привести замечание Г. Ф. Шершеневича о том, что выбор научного метода определяется задачей науки и исторический метод служит такой задаче правоведения, как *объяснение существующего правового порядка*¹. В частности, ученый писал: «Если житейская практическая потребность удовлетворяется систематическим изложением действующего права, то пытливость научно воспитанного ума идет дальше и желает знать *причины, под влиянием которых сложились те или иные нормы* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.). Такое объяснение существующего может дать только изучение прошедшего. Его приходится искать или в общих законах общественного развития или же в тех ближайших исторических условиях, которые вызвали существование действующих норм»². Близкое высказывание встречаем в работе И. С. Тимофеева, который относительно предмета историко-научных исследований отмечал, что «в истории науки важно учитывать не только “то, что было” – историческую реальность в виде уникальных событий (открытий и т. п.), но и *причины событий* (курсив наш. – Ю. В.), законы развития науки»³.

Так, например, можно «смириться» и воспринять «как должное» новую, вступившую в действие 1 октября 2013 г., редакцию ст. 129

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 5. Двумя другими задачами гражданского правоведения, согласно позиции ученого, являются познание и оценка норм действующего гражданского права, которые достигаются, соответственно, посредством догмы права и политики (см.: Там же. С. 3–4).

² Там же. С. 5.

³ См.: Тимофеев И. С. Изменения в понимании предмета историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 2. С. 99.

ГК РФ¹, в которой теперь отсутствует указание на такую привычную долгое время для российского правопорядка категорию объектов, как объекты, изъятые из оборота. Но тот самый пытливый ум, который «не довольствуется констатированием факта, но ищет их объяснения»², не может не задаться целым рядом вопросов. Какими мотивами руководствовался законодатель? Означает ли это, что изъятых из оборота объектов теперь не существует, и все изъятые ранее из оборота объекты впредь являются ограниченными в обороте; все абсолютно, даже явно «антисоциальные» – скажем, героин или материальные носители видеозаписей актов сексуального насилия?

Наконец, почему при изменении нормы ст. 129 ГК РФ положения об изъятых из оборота объектах (как *особой группе, противопоставляемой* свободным в обороте и, особенно, ограниченным в обороте объектам) сохранены в ряде иных нормативных правовых актов³, в частности, в нормах:

– подп. 5 п. 1 ст. 19 ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»⁴, закрепляющей право членов указанных организаций распоряжаться своим земельным участком и иным имуществом «в случаях, если они на основании закона *не изъяты из оборота* или не ограничены в обороте»;

¹ Изменения приняты федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 5.

³ Как следствие, находя отражение и в соответствующей судебной практике. Так, в одном из последних решений Арбитражного суда Забайкальского края указано, что «основанием отнесения земельных участков к категории ограниченных в обороте либо изъятых из оборота является не характеристика самого земельного участка, а статус объекта на нем расположенного, и без этих данных отнести земельный участок к *определенной категории* (ограничен либо изъят из оборота, либо имеет традиционный статус), невозможно» (см.: решение АС Забайкальского края от 30 окт. 2014 г. по делу № А78-9878/2014. URL: <http://ras.arbitr.ru>). См. также: постановление АС Восточно-Сибирского округа от 31 окт. 2014 г. № А33-4087/2014. URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁴ О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан : федер. закон РФ от 15 апр. 1998 г. № 66-ФЗ : (в ред. от 14 окт. 2014) // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1801.

– абз. 1 п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ¹ (далее – ЗК РФ), согласно которой «земельные участки, отнесенные к *землям, изъятым из оборота*, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством»;

– п. 4 ст. 8 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»², устанавливающей, что одним из допустимых случаев создания унитарного предприятия является необходимость «производства отдельных видов *продукции, изъятой из оборота* или ограничено оборотоспособной»;

– п. 1 ст. 23.4, п. 1 ст. 27.11, п. 3 ст. 29.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях³ – «в части административных правонарушений, предметами которых являются предметы, изъятые из оборота»;

– п. 2 ст. 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴, согласно которой из имущества должника, которое составляет конкурсную массу, исключается, в том числе, *имущество, изъятое из оборота*, а также в правилах п.п. 1–3 ст. 132, п. 2 ст. 196 данного закона, устанавливающих обязанность *собственника изъятого из оборота имущества* принять от конкурсного управляющего это имущество или закрепить его за другими лицами;

– п. 4 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве»⁵, согласно которой при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее должнику имущество, за исключением *имущества, изъятого из оборота*, и имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ : (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

² О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон РФ от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ : (в ред. от 4 нояб. 2014 г.) // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : (в ред. от 24 нояб. 2014 г.) // СЗ РФ. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁴ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон РФ от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 1 дек. 2014 г.) // СЗ РФ. № 43. Ст. 4190.

⁵ Об исполнительном производстве : федер. закон РФ от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ : (в ред. от 14 окт. 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Небезынтересно и то, почему в ст. 129 ГК РФ (до указанных изменений) закреплялось выражение «*объекты, изъятые из оборота*», в то время как в ст. ст. 20 и 181 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.¹ – «*имущество, изъятое из гражданского оборота*»²,

¹ Введен в действие постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

² В частности, последняя из указанных статей (ст. 181) касалась купли-продажи и устанавливала, что ее предметом «может быть всякое имущество, не изъятое из гражданского оборота»; особые правила действовали в отношении права покупки золотой и серебряной монеты и иностранной валюты. Норма ст. 20 имела общий характер, устанавливая, что имущество, изъятое из гражданского оборота, могло быть объектом гражданского права «лишь в тех пределах, в каких это положительно указано законом». Часть из таких пределов, по сути, устанавливалась в непосредственно следующих за ст. 20 иных статьях кодекса, однако, заметим, при этом использовался термин не «гражданский», а «*частный оборот*». Так, норма ст. 21 ГК РСФСР гласила: «Земля является достоянием государства и не может быть предметом *частного оборота*. Владение землею допускается только на правах пользования». Изъятиями из *частного оборота* являлись также национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, железные дороги и их подвижной состав, национализированные суда, а равно национализированные и муниципализированные строения; в то же время устанавливалось, что они «не могут быть отчуждаемы и закладываемы теми органами, в ведении коих они состоят, а также обращаемы на удовлетворение кредиторов», однако «в установленном законом порядке» национализированные и муниципализированные предприятия, строения и суда могли сдаваться в аренду (ст. 22). В соответствии с положением ст. 23 изъятиями из *частного оборота* признавались: оружие (кроме охотничьего оружия и огнестрельного, приобретение которых регулировалось особыми правилами), взрывчатые вещества, воинское снаряжение, летательные аппараты, телеграфное и радиотелеграфное имущество, аннулированные ценные бумаги, спиртные напитки свыше установленной законом крепости и сильнодействующие яды. Выражение «частный оборот» содержалось и в норме ст. 54 кодекса, согласно которой предметом частной собственности могли быть: «немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из *частного оборота*».

Термин «гражданский оборот» использовался также в норме ст. 16 кодекса, устанавливающей, что «юридические лица участвуют в гражданском обороте и вступают в сделки через посредство своих органов или через своих пред-

а в ГК РСФСР 1964 г.¹ ни гражданский оборот, ни (просто) оборот не упоминались вовсе?²

В отсутствие прямых пояснений (например, в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ) о тех или иных законодательных мотивах можно лишь предполагать.

Так, относительно объектов, обозначенных нами выше как «антисоциальные» нельзя не заметить, что одновременно с исключением из ст. 129 ГК РФ указания на категорию изъятых из оборота объектов, тем же самым федеральным законом (от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), в ГК РФ были введены новые правила, посвященные защите нематериальных благ – чести, достоинства, деловой репутации, изображения и частной жизни гражданина. В частности, это нормы п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 введенной данным законом ст. 152.2, устанавливающие, что изъятию и уничтожению без какой бы то ни было компенсации подлежат изготовленные в целях введения в гражданский оборот экземпляры материальных носителей, которые содержат сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение.

Таким образом, можно предположить, что законодатель применительно к части изъятых ранее из оборота объектов небезосновательно счел целесообразным перенести допустимый с точки зрения семантики смысловой акцент в термине «*изъятый*» со *свойств*

ставителей». Кроме этого, в отдельных правилах ГК РСФСР 1922 г. содержались такие понятия, как «оборот» (ст. 19, 87, 338), «обычные условия оборота» (ст. 117), «внешний торговый оборот» (ст. 17).

¹ Утвержден законом РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

² Ср., в частности: ст. 16 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 24 ГК РСФСР 1964 г. Вместе с тем выражение «гражданский оборот» имелось на уровне подзаконных актов, например, в п. 3 постановления Совмина СССР от 13 авг. 1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР» (СП СССР. 1958. № 14. Ст. 112), устанавливающим, что «документальные материалы, включенные в состав Государственного архивного фонда Союза ССР, изъяты из *гражданского оборота* и не могут являться объектом купли-продажи и других сделок со стороны учреждений, организаций, предприятий, а также отдельных граждан» (документ утратил силу в связи с изданием постановления Совмина СССР от 4 апр. 1980 г. № 274).

(характеристики) самих объектов в сторону результата (процесса) изъятия определенных объектов, то есть на правовые последствия нарушений защищаемых законом нематериальных благ. Что касается другой части «антисоциальных» объектов, то они, по-видимому, действительно, должны быть квалифицированы как ограниченные в обороте. Например, тот же героин, как говорится в Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза¹, «применяется в качестве успокаивающего средства вместо кодеина и морфина» (подгруппа XII (A) (3)), и, таким образом, является оборотоспособным объектом, хотя для его отчуждения и требуется специальное разрешение (то есть по смыслу п. 2 ст. 129 ГК РФ, он является ограниченным в обороте).

Сложнее понять логику законодателя в части сохранения норм о создании унитарного предприятия в случае необходимости производства продукции, изъятой из оборота; неясно и то, случайным либо намеренным является оставление без изменения правил подп. 5 п. 1 ст. 19 ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ об изъятых из оборота земельных участках.

В любом случае представляется очевидным, что найти ответы на поставленные вопросы посредством алгоритма «было так, а стало иначе» невозможно. Для более или менее достоверного их объяснения требуется выявление факторов, детерминировавших (или оправдывающих) те или иные нормативные установления. Примечательно в этом отношении правило п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Республики Казахстан² (далее – ГК Казахстана, ГК РК) «Толкование норм гражданского законодательства», согласно которому «при выяснении точного смысла нормы гражданского законода-

¹ Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ): утв. решением Совета руководителей таможенных служб государств-участников Содружества Независимых Государств от 22 июня 2012 г. № 5/55 (Т. 2, разд. VI–VIII, группы 29–43): (в ред. от 21 окт. 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 дек. 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 7 нояб. 2014 г.) // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061.

тельства необходимо учитывать исторические условия, при которых она вводилась в действие».

Данные условия (факторы), определяющие содержание гражданского оборота, категориально являются, на наш взгляд, ничем иным как его *началами*. При этом в понимании категории «начала» мы исходим из признаваемой нами концепции начал частного права Н. П. Асланян¹, которая не просто указала на то, что под началами следует понимать первопричины, обусловившие содержание и существо определенного феномена (а именно, исследованного ученым российского частного права), но и выявила смысловые компоненты данной категории – гносеологический и онтологический.

В частности, под *гносеологическими* (*мировоззренческими, теоретико-познавательными*) *началами* частного права автор понимает его «идеальные, концептуальные основания», то есть «систему представлений, взглядов, воззрений, иными словами – *идею* частного права»². *Онтологические* (*исторические, «бытийственные»*) *начала* того или иного феномена правовед определяет как «факторы, вызвавшие его к жизни, оказавшие существенное воздействие на обретение им бытия, обусловившие ту или иную его форму»³. Значимость исторических начал состоит в том, что именно они «способны раскрыть *сущностные черты исследуемого явления* (курсив наш. – Ю. В.) в первом периоде его исторического времени; дать ответ не только на вопрос, когда этот феномен зафиксирован в человеческой истории, но и почему он появился, какие объективные причины способствовали или препятствовали его возникновению и становлению, совпадают ли факторы, вызвавшие этот феномен к жизни, с факторами, оказавшими воздействие на его дальнейшее формирование»⁴.

Исходя из этого, под онтологическими (историческими) *началами* гражданского оборота как явления реальной действительности следует понимать факторы, обусловившие появление гражданского оборота и *объективно определяющие его существование (бытие) и развитие*.

¹ См.: Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск, 2001.

² См.: Там же. С. 33.

³ Там же. С. 203. Такими «первоистоками», «порождающей стихией», по мнению ученого, могут быть любые факторы, то есть любые существенные фактические обстоятельства (см.: Там же. С. 33).

⁴ См.: Там же. С. 203.

Можно предположить, что к числу онтологических (исторических) начал гражданского оборота относятся:

1) *экономические начала*, из которых наиболее значимыми являются такие, как: а) необходимость обмена материальными и созданными нематериальными благами, принадлежащими субъектам или фактически присвоенными ими; б) материальный уровень общественного развития;

2) *географический фактор*;

3) *факторы, характеризующие субъектов-участников гражданского оборота*:

а) биолого-антропологические начала, а именно разумность как (природную) познавательную способность физических лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте, адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи¹;

б) персональные качества субъектов – их этические (справедливость²) и морально-нравственные (добросовестность¹) личностные свойства.

¹ Подробнее об этом см.: Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. § 1, гл. I.

² К онтологическим началам права, его первоначалам относит справедливость, например, А. Ю. Аракелян, которая отмечает, что с древних времен она понимается как «компромисс, сочетание противоположных интересов, в результате которого каждый получает “свое”», и анализируя воззрения романистов на историю взаимодействия римского права и справедливости, заключает, что «римское право связывало сущность категории “справедливость” с преобладанием в *гражданском обороте* (курсив наш. – Ю. В.) личностного начала... Таким образом, требование справедливости заключалось в том, что в процессе применения правовых норм следовало исходить из потребностей гражданского оборота, которые помимо прочего предусматривали необходимость учитывать истинную волю субъектов правоотношения» (см.: Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 58, 68). Понимание справедливости как оплота баланса интересов различных субъектов сложилось и на уровне правоприменительной практики. Так, из положений п. 9, 10 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (Вестник ВАС РФ. 2014. № 5) недвусмысленно следует, что несправедливость, в частности, договорных условий заключается в нарушении баланса интересов сторон. Аналогичная позиция ранее была высказана Конституционным Судом РФ, указавшим на то, что принципы соразмерности и справедливости «предполагают необходимость обеспечения

Соответственно, гносеологическими (мировоззренческими, теоретико-познавательными) началами гражданского оборота являются представления о данном явлении действительности, в том числе получающие оформление в виде соответствующих нормативных (легальных) установлений.

С позиций изложенной выше научной гипотезы о необходимости системного понимания гражданского оборота, гносеологические начала последнего можно понимать и как основополагающие идеи

справедливого баланса между общественными интересами и правами частных лиц в договорных отношениях» (п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”» (Рос. газ. 2000. 15 июня)).

В отечественной цивилистике *этический* характер (принципа) справедливости признают, в частности, А. Г. Карапетов и А. И. Савельев, Д. Е. Богданов (см., соотв.: *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс»; *Богданов Д. Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. М., 2013. С. 19 и след.).

¹ К онтологическим (историческим) началам права относит добросовестность, например, Т. В. Новикова, отмечая, что «признание правил добросовестного поведения одним из исторических начал частного права будет способствовать формированию более социально обоснованных частноправовых предписаний» (см.: *Новикова Т. В.* Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 153).

Тезис о *нравственном* характере добросовестности в российской гражданско-правовой доктрине является широко признанным. См., например: *Белов В. А.* К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М., 2006 // СПС «КонсультантПлюс»; *Богданова Е. Е.* Указ. соч. С. 11, 24–25; *Василенко Е. В.* Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8; *Попова А. В.* Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11–12; *Татарников А. В.* Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25. Об отдельных аспектах добросовестности в гражданском праве см. также: *Булаевский Б. А.* Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 121–125; *Дроздова Т. Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве. Иркутск, 2006.

(принципы), влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций.

Полагаем, что в числе гносеологических (мировоззренческих) начал функционирования системы гражданского оборота следует выделять, в частности:

1) *политико-правовые начала* (или иначе – правовую политику государства, поскольку все решения последнего объективируются в нормах позитивного права);

2) *духовные начала общества*, его общие морально-нравственные и этические установки (*представления о справедливости, добросовестности*)¹;

3) *целесообразность* (принцип разумности).

Принципы функционирования гражданского оборота, как правило, имеют субъективный характер, в связи с чем, в отличие от онтологических (исторических) начал, их влияние в основном *лишено характера закономерности*.

Говоря о том, что принципы функционирования гражданского оборота, как правило, имеют субъективный характер и что их влияние в основном лишено характера закономерности, мы исходим из необходимости выделять наряду с онтологическими и гносеологическими началами гражданского оборота также *экзогенные и эндогенные факторы (начала)*, способные влиять на систему гражданского оборота. Общая характеристика указанных начал этимологически очевидна: действие экзогенных факторов заключается во *внешнем воздействии* на систему гражданского оборота, эндогенное влияние связано с *внутренним (само-) развитием* данной системы².

¹ Тезис о взаимосвязи данных начал и гражданского оборота находит подтверждение и при обращении к руководящей судебной практике. Так, в п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П указано, что «в силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового *принципа справедливости* защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен *баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота* – собственников, сторон в договоре, третьих лиц» (Рос. газ. 2003. 26 апр.). См. также: п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П.

² «Экзогенный» (от «экзо...» [гр. *ехō* – снаружи, вне]) – «внешнего происхождения, вызываемый внешними причинами»; «эндогенный» (от «эндо...»

Полагаем, что эндогенными факторами являются онтологические начала системы гражданского оборота. В свою очередь гносеологические начала функционирования системы гражданского оборота могут иметь как экзогенный, так и эндогенный характер. Это зависит от способа формирования принципов (идей), оказывающих воздействие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций. Источником гносеологических начал экзогенного характера, по нашему мнению, всегда выступает государство, которое при этом не просто осуществляет нормативно-правовую фиксацию определенных воззрений (идей), *объективно сложившихся* в гражданском обороте его территориального господства и выявленных посредством соответствующих научных исследований, но выступает именно «автором» (либо транслятором – в случае рецепции положений иностранного права) их содержания. В то же время некоторые из гносеологических начал могут постепенно естественным образом складываться (формироваться) в результате деятельности отдельных субъектов-участников гражданского оборота, их групп либо общества в целом. Такие гносеологические начала, на наш взгляд, будут иметь эндогенный характер и, таким образом, их влияние будет объективно-закономерным.

Именно при такой трактовке – с позиций проблемы *начал* гражданского оборота как исторических (онтологических) и мировоззренческих (гносеологических) первопричин, определяющих содержание и существо данного феномена – рассматриваемый метод позволит обнаружить закономерности и определить объективные тенденции развития гражданского оборота как реально существующего явления, и на этом основании понять механизм возможного и оптимального воздействия на него.

§ 2. Сравнительно-правовой метод

Еще одним возможным способом познания гражданского оборота выступает сравнительно-правовой метод, понимание которого не является однозначным.

[гр. endon – внутри]) – «внутреннего происхождения, вызываемый внутренними причинами» (см.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 701, 716–717).

С одной стороны, его можно трактовать в смысле сравнительного правоведения – компаративистики, когда сравнению подлежат *актуальные (действующие)* правовые нормы (институты и т. д.) *различных государств* (правовых систем, правопорядков). Применительно к теме настоящей работы такой характер имеют, в частности, исследования Е. В. Агапеевой «Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект)»¹, К. М. Беликовой «Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки»².

С другой стороны, сравнительно-правовое исследование может заключаться в сопоставлении (сравнении), например, норм, регламентирующих определенную (изучаемую) группу общественных отношений, действовавших *в границах одного государства, но в различные временные периоды*. Так, Р. М. Олимова, указывая, что приоритетным частноправовым методом познания в проведенном ею исследовании являлся сравнительно-правовой, оправданно уточняет при этом, что «нормативные акты, регулирующие рынок драгоценных металлов и драгоценных камней... сопоставлялись между собой, так же, как и содержащиеся в них нормы»³.

Допустимость подобного понимания сравнительно-правового метода признается и в специальной литературе. В частности, А. А. Тилле отмечал, что «всякое историческое исследование необходимо предполагает сравнение исследуемого объекта в разные периоды. Поэтому вполне возможно сравнительное исследование в историческом плане любого государственного или правового института отдельно взятой страны»⁴. По замечанию К. Цвайгерта и Х. Кётца, «историю права можно квалифицировать как “вертикальное сравнительное право”, а сравнение современных правовых систем – как “горизонтальное сравнительное право”»⁵.

¹ Агапеева Е. В. Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

² Беликова К. М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

³ См.: Олимова Р. М. Указ. соч. С. 8.

⁴ Проблемы методологии и методики правоведения. С. 117 (автор главы А. А. Тилле).

⁵ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. Основы. М., 2000. С. 19.

Возможно и *третье понимание* сравнительно-правового метода, при котором в сравнительном плане рассматриваются «различные аспекты или части одной правовой системы»¹, то есть также *положения права определенного государства*, но уже не в ретроспективе, а в рамках одного временного периода.

Рассматриваемый метод может выступать и как некий симбиоз сравнительно-правового и исторического (историко-правового) методов – *сравнительно-исторический метод*, когда при сравнении права разных государств во внимание принимаются также исторические начала сопоставляемых норм, институтов и т. д. Так, говоря об отношениях между сравнительным правом и историей права, К. Цвайгерт и Х. Кётц отмечают, что они «на удивление сложны» и констатация того, что «сравнительное право изучает правовые системы, сосуществующие в пространстве, а история права – во времени» является неполной, поскольку «во-первых, история права использует сравнительный метод... Во-вторых, широкое толкование понятия “сравнительное право” включает в себя и сравнительную историю права»². Сторонником именно последнего понимания сравнительного метода был, в частности, один из дореволюционных правоведов – М. Ковалевский, который, приступая к его анализу, «позволил себе», «прежде всего, изменить несколько самый термин и говорить не о сравнительном методе просто, а о методе историко-сравнительном»³. По мнению ученого, «научное орудование» сравнительным методом «возможно лишь под условием непосредственного знакомства с памятниками истории права сравниваемых народов»⁴. В современной российской юридической литературе на недостаточную изученность сравнительно-исторического правоведения указывает, например, Т. А. Желдыбина⁵.

Учитывая изложенное, необходимо подчеркнуть: ввиду отмеченной неоднозначности словосочетания «сравнительно-правовой» ученым следует либо уточнять, что именно будет подлежать срав-

¹ См.: Там же. С. 8–9. В качестве примера ученые поясняют: «различные параграфы Германского гражданского уложения».

² См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 18.

³ См.: Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 9.

⁴ См.: Там же. С. 57.

⁵ См.: Желдыбина Т. А. Становление и развитие сравнительно-правовых исследований в цивилистике России (XI – начало XX века). М., 2014. С. 8.

нению, либо (в случае сопоставления правовых норм, институтов, категорий, конструкций и т. п., закрепленных или используемых в разных государствах) использовать специальный термин – «компаративистика».

В таком, специальном, значении сравнительно-правовой метод и будет рассматриваться в дальнейшем изложении.

Признавая значимость данного метода¹, тем не менее, нельзя не задаться вопросом: получению каких результатов призвано способствовать его применение для изучения гражданского оборота?

Можно предположить, что в отсутствие легальной дефиниции, а также единого понимания категории «гражданский оборот» в российской науке и практике обращение к опыту законодательного использования и доктринальной трактовки данного понятия других государств будет способствовать формированию более полного представления о гражданском обороте и, как следствие, решению задачи определения его содержания.

Представляется, что наибольший интерес при этом представляет право тех государств и народов, с которыми у России сложились и существуют тесные социо-культурные, экономические, политико-правовые и иные связи. Прежде всего, в их числе – страны, ранее входившие в состав СССР.

Так, сравнительно-правовой анализ законодательных и доктринальных положений России и Украины через призму исследуемой нами категории «гражданский оборот» обнаруживает, что легальное закрепление данного понятия в Украине несколько отличается от его нормативной фиксации в России. В частности, в ст. 178 Гражданского кодекса Украины² (далее по тексту – ГК Украины) «Оборотоздатність об'єктів цивільних прав», в отличие от ее аналога – ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», непосредственно используется выражение «гражданский оборот» («цивільний оборот»).

Вместе с тем так же, как и в российском праве, четкое разграничение понятий «гражданский оборот», «оборот», «хозяйственный

¹ Все более активное использование которого во многом обусловлено современной тенденцией расширения межгосударственных связей в различных сферах.

² Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. № 435-IV (ред. від 06.11.2014) // Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

оборот», «экономический оборот» и др. как на законодательном уровне, так и на уровне доктрины в Украине отсутствует. Например, К. Пейчев, анализируя ст. 178 ГК Украины, использует не содержащийся в данной статье термин «гражданский оборот», а термин «оборот», точнее, его синоним – «обіг», особо оговаривая лишь использование в своем исследовании этого, последнего, термина. Оправданно апеллируя в рамках работы о понятии оборота природных ресурсов к терминологии, принятой в «поресурсовому законодавстві»¹, вопросу о соотношении понятий «оборот» («обіг») и «гражданский оборот» автор особого значения не придает, возможно, отождествляя их.

Так или иначе, позиция К. Пейчева в вопросе понимания оборота содержательно совпадает с принятой в российском правоведении трактовкой гражданского оборота как перехода прав на объекты. В частности, ученый пишет: «Оскільки ми розглядаємо обіг природних ресурсів як елемент суспільних відносин, що підлягає правовому регулюванню, логічним буде вести мову про перехід прав (а не природного об'єкта) від однієї особи до іншої. Отже, як родове поняття щодо категорії “обіг природних ресурсів” ми розглядатимемо термін “перехід прав”»², что в переводе на русский язык означает: «Поскольку мы рассматриваем оборот природных ресурсов как элемент общественных отношений, которые подлежат правовому регулированию, логичным будет вести речь о переходе прав (а не природного объекта) от одного лица к другому. Таким образом, как родовое понятие относительно категории “оборот природных ресурсов” мы будем рассматривать термин “переход прав”»³.

Рассматривая вопрос о юридической природе рыночного оборота земельных участков, аналогичный вывод делает В. В. Носік, отмечая, что «в юридическом смысле понятие “оборот земельных участков” тождественно понятию “переход прав на земельные участки”»⁴.

¹ См.: Пейчев К. Поняття обігу природних ресурсів // Підприємництво, господарство і право : науково-практичний, господарсько-правовий журнал / Ін-т приватного права і підпр-ва АПРН України та інш. Київ, 2007. № 7. С. 51.

² Там же.

³ Здесь и далее пер. наш. – Ю. В.

⁴ «В юридичному значенні поняття “обіг земельних ділянок” є тотожним поняттю “перехід прав на земельні ділянки”» (см.: Носік В. В. Юридична природа ринкового обігу земельних ділянок // Законодавство України : науково-практичні коментарі. Юридичний журнал / ТОВ «Український інформаційно-правовий центр». Київ, 2003. № 10. С. 93).

Приведенные суждения украинских ученых иллюстрируют не только имеющееся сходство с пониманием гражданского оборота, сложившимся в российской науке гражданского права, но и обнаруживают одну из национальных особенностей украинского законодательства и права в данном вопросе. Имеется в виду понятие и соответствующий ему термин «обіг», абсолютный языковой аналог которого в русском языке отсутствует.

Данный термин, насколько мы поняли, используется в основном в природоресурсном законодательстве Украины. Однако встречается он и в нормах гражданско-правового характера, например, в п. 3 ч. 1, ч. 2 ст. 195 ГК Украины. Нельзя не обратить внимания на то, что в ч. 1 ст. 195 (о группах и видах ценных бумаг) украинский законодатель употребил наряду с этим термин «цивільний оборот», в связи с чем не вполне ясно, следует ли рассматривать понятия «обіг» и «гражданский оборот» в качестве равнозначных.

Еще бóльшую путаницу в данный вопрос вносят положения Земельного кодекса Украины¹, в ч. 4 ст. 167, ч. 3 ст. 207 которого используется выражение «вилученні з господарського обігу»² (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.), притом что в ст. 1 закона Украины «О защите экономической конкуренции»³, в дефиниции товара, содержится словосочетание «господарський оборот» (так же «хозяйственный оборот». – Ю. В.). Являются ли данные термины синонимичными выражению «гражданский оборот»? Очевидно, нет, в том числе принимая во внимание наличие в Украине кроме Гражданского также Хозяйственного кодекса⁴.

Нельзя не признать, что, несмотря на отмеченную терминологическую непоследовательность, характерную и для российского зако-

¹ Земельний кодекс України від 25.10.2001 р. № 2768-III (ред. від 06.09.2014) // Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>.

² «Изъятие из хозяйственного оборота».

³ Про захист економічної конкуренції: закон України від 11.01.2001 р. № 2210-III (ред. від 11.08.2013) // Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2210-14>.

⁴ Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. № 436-IV (ред. від 25.11.2014) // Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/436-15>. Относительно целесообразности существования двух кодексов см., например: Щербина В. Некоторые проблемы совершенствования хозяйственного и хозяйственного процессуального законодательства // Ежегодник украинского права. Харьков, 2001. № 3. С. 201–207.

нодательства, в Украине сфера использования близких, но не идентичных (в числе прочего, с позиций категорий «род» и «вид») понятий и соответствующих им терминов «оборот», «хозяйственный (экономический) оборот» и «гражданский оборот» прослеживается более очевидно. А именно, термин «оборот» в большей степени употребляется в актах хозяйственного законодательства. В Гражданском же кодексе Украины он используется главным образом не в «чистом» виде (это делается только дважды, в ст. 178), а в словосочетаниях «обычай делового оборота» (порядка 25-ти раз) и «гражданский оборот» (которое помимо уже отмеченных ст. 178, ч. 1 ст. 195 встречается в ч. 3 ст. 180, п. 3, 4 ч. 2 ст. 432, ч. 2 ст. 1116).

При этом контекст использования термина «оборот» дает основания для вывода, что при его употреблении речь идет, скорее всего, об обороте в экономическом смысле, к объектам которого, напомним, в российской цивилистической доктрине традиционно относят сами блага, а не права на них. Так, в определении товарного рынка (ст. 1 закона Украины «О защите экономической конкуренции») как сферы оборота товаров содержатся такие экономические термины, как «спрос» и «предложение». Экономическим, по сути, является, на наш взгляд, содержание нормы ч. 2 ст. 24 закона, устанавливающей правила расчета объемов реализации товаров – они определяются исходя из суммы дохода (выручки) от реализации продукции (товаров, работ, услуг) за вычетом суммы налога на добавленную стоимость, акцизного налога, других налогов или сборов, базой для налогообложения в которых является оборот за последний финансовый отчетный год, предшествовавший подаче заявления. В ч. 4 ст. 40 Хозяйственного кодекса Украины используется выражение «внутренний оборот» и при этом говорится о его доле в общем объеме валовой продукции предприятия.

Что касается использования терминов «оборот» и «гражданский оборот» в законодательно установленных нормах российского права, то в частности в ГК РФ они употребляются примерно равным образом, причем термин «оборот» встречается не только в составе таких устойчивых выражений, как «обычай делового оборота», «платежный оборот», «международный оборот», но и достаточно часто в самостоятельном виде (ст. 129, п. 1 ст. 133, ст. 133.1, п. 2 ст. 152.1, подп. 2 п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 209, п. 1 ст. 260, п. 1 ст. 338, п. 2 ст. 341, ст. 357, п. 1 ст. 401 и др. ГК РФ).

Таким образом, в понимании гражданского оборота в России и Украине имеются как сходства, так и различия, но в целом вопрос об определении содержания данного понятия в украинском праве также нельзя признать решенным.

К аналогичному выводу приводит сопоставительный анализ законодательных положений России и Республики Казахстан. В частности, в Гражданском кодексе Республики Казахстан¹ так же, как и в ГК РФ, понятие «гражданский оборот» используется в составе выражений:

– «участники (участников) гражданского оборота» (п. 2 ст. 207², название гл. 56, подп. 2 п. 1, п. 3 ст. 961, п. 2 ст. 963 (разд. 5 «Право интеллектуальной собственности»), п. 1 ст. 1091 (разд. 7 «Международное частное право») ГК Казахстана; п. 1. ст. 2, абз. 3 п. 2 ст. 51, п. 1 ст. 1192 (разд. VI «Международное частное право») ГК РФ);

– «введение в гражданский оборот», «введены в гражданский оборот», «введенные в гражданский оборот» (п. 4 ст. 978, дважды – в п. 3 ст. 992, п. 1 ст. 1034 ГК Казахстана; п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ).

При этом подобно российскому, законодатель Республики Казахстан также проявляет терминологическую непоследовательность и в одних случаях (указанных выше) говорит о введении объектов в *гражданский* оборот, а в других (ст. 1010, подп. 2 п. 3 ст. 1014, п. 2 ст. 1025 ГК РК) – закрепляет выражение «ведение в *оборот* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.)».

Однако в отличие от ГК РФ в ГК Казахстана используется формулировка «имущество, не изъятое из *гражданского* оборота» (абз. 2 п. 1 ст. 303 «Виды залога», п. 4 ст. 916 «Аукцион»). Впрочем, и здесь законодатель не вполне последователен и в других нормах кодекса говорит уже не об *имуществе*, изъятом из *гражданского* оборота, а

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть); Гражданский кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І (Особенная часть) (с изм. и доп. по состоянию на 7 нояб. 2014 г.) // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880.

² Следует уточнить, что буквально данная норма устанавливает: «Фонд является юридическим лицом, в гражданском обороте представлен органами фонда, имеет самостоятельный баланс и банковский счет», то есть выражение «участник гражданского оборота» в ней прямо не используется. Однако поскольку речь идет об участии фонда в гражданском обороте («в гражданском обороте представлен»), мы сочли возможным включить приведенную норму в выделенную выше группу.

об изъятых из (просто) *оборота объектов* (п. 1 ст. 116 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» ГК РК) либо более узко – *вещях* (п. 2 ст. 116, п. 1 ст. 301 «Предмет залога» ГК РК).

Встречаются в ГК РК и такие нормы, в которых термины «оборот» и «гражданский оборот» используются одновременно. Так, правило абз. 2 п. 1 ст. 303 ГК Казахстана гласит: «Предметом ипотеки могут быть предприятия, строения, здания, сооружения, квартиры в многоквартирном доме, транспортные средства, космические объекты, товары в *обороте* и другое не изъятое из *гражданского оборота* имущество». Можно предположить, что подобное словоупотребление связано с устойчивым характером выражения «товары в обороте» (также используемого в нормах п. 2 ст. 310, ст. 327 ГК РК).

Говоря об устойчивых юридических формулировках, можно отметить свойственное законодательству обоих государств широкое использование такого выражения, как «обычай делового оборота».

В ГК Казахстана оно содержится в нормах: подп. 1) п. 1, п. 2 ст. 152, ст. 272, 274, 275, абз. 2 п. 2 ст. 277, ст. 278, п. 2 ст. 279, абз. 1 ст. 281, п. 1 ст. 284, ст. 366, п. 2 ст. 382, п. 2 ст. 388, п. 2 ст. 392, п. 2 ст. 396, п. 1 ст. 402, абз. 1 п. 2 ст. 411, п. 2 ст. 427, п. 2 ст. 431, п. 1 ст. 461, п. 2 ст. 463, п. 2 ст. 466, подп. 7 п. 1 ст. 750, п. 1 ст. 758, ст. 860, п. 2 ст. 868, п. 6 ст. 1113.

В гражданском законодательстве России данное выражение включено в содержание, в частности: ст. ст. 309, 311, 312, абз. 2 п. 2 ст. 314, ст. ст. 315, 316, абз. 1 п. 1 ст. 406, п. 5 ст. 421, п. 2 ст. 427, абз. 2 ст. 431, п. 2 ст. 438, подп. 4 п. 2 ст. 451, п. 1 ст. 452, абз. 1 п. 2 ст. 459, п. 2 ст. 474, п. 2 ст. 478, п. 1 ст. 508, абз. 2 п. 1 ст. 510, п. 2 ст. 513, п. 1 ст. 722, п. 2 ст. 724, абз. 2 п. 1 ст. 836, ст. 848, п. 1 ст. 862, п. 1 и п. 3 ст. 863, п. 3 ст. 867, абз. 2 п. 2 ст. 874, абз. 2 п. 1 ст. 891, ст. 985, абз. 1 ст. 992, п. 3 ст. 998, абз. 3 ст. 1006 ГК РФ.

Схожим в рассматриваемых государствах является и доктринальное понимание категории «гражданский оборот». Аналогично большинству российских исследователей, казахстанские ученые раскрывают содержание данного понятия в рамках вопроса об оборотоспособности объектов гражданских прав, так же рассуждая при этом о правовой форме экономического оборота и так же не проводя четкого разграничения между понятиями «гражданский оборот» и «оборот».

Так, в одном из комментариев к Гражданскому кодексу Республики Казахстан¹ при разъяснении положений ст. 116 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» кодекса указано: «Оборот объектов гражданских прав – это юридическая форма экономического оборота товаров как необходимой стороны рыночной экономики». Исходя из исторически единой для наших государств советской цивилистической традиции, согласно которой юридической формой экономического оборота признается именно гражданский оборот, приведенное суждение дает основание для вывода, что выражения «оборот» и «гражданский оборот», по мнению авторов, следует понимать как тождественные.

Убеждает в этом и сам факт использования в комментарии к ст. 116 ГК РК термина «гражданский оборот», который в тексте норм данной статьи отсутствует. Так, несмотря на то, что авторы комментария используют выражения «изъятие из *оборота*», «вещи, изъятые из *оборота*», «не могут находиться в *обороте*», при толковании п. 2, касающегося объектов (вещей), изъятых из оборота², поясняется, что «изъятые из *гражданского* оборота государственные награды РК». Относительно правила п. 4, посвященного обороту личных неимущественных благ и прав³, отмечается, что «изъятые из *гражданского* оборота, за исключением случаев, установленных законодательными актами, личные неимущественные блага и права».

В новейшем учебнике по гражданскому праву, основанному на Гражданском кодексе Республики Казахстан, при освещении вопроса об оборотоспособности вещей также неоднократно используется термин «гражданский оборот». В частности, С. В. Скрябин (автор соответствующего раздела учебника) пишет, что «одним из главных оснований для классификации вещей и определения правового режима является их *гражданская* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) оборо-

¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан (Общая часть) / сост. Р. А. Маметова; отв. ред.: М. К. Сулейменов, Ю. Г. Басин // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120950.

² Данный пункт закрепляет норму, идентичную по содержанию ранее имевшейся и в ГК РФ: «Виды вещей, отчуждение которых не допускается (вещи, изъятые из оборота), должны быть прямо указаны в законодательных актах».

³ Норма п. 4 ст. 116 ГК РК гласит следующее: «Личные неимущественные блага и права неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, за исключением случаев, установленных законодательными актами».

тоспособность (ст. 116 ГК РК)» и отмечает, что «по этому основанию выделяются три категории объектов: 1) вещи, изъятые из *гражданского* оборота; 2) вещи, ограниченные в *гражданском* обороте; 3) вещи, находящиеся в *гражданском* обороте»¹.

Примечательным с позиций законодательного использования понятия «гражданский оборот» является Гражданский кодекс Азербайджанской Республики² (далее – ГК Азербайджана), ст. 136 которого – аналог ст. 129 ГК РФ, ст. 178 ГК Украины, ст. 116 Республики Казахстан – называется не «Оборотоспособность объектов гражданских прав», а «Гражданский оборот вещей».

Однако и в данном государстве законодатель отступает от принципа терминологического единообразия, легально закрепляя наряду с выражением «гражданский оборот» термин «оборот»³. Так, в нормах ст. ст. 136.2, 747-2 ГК Азербайджана, равно как и в (специальном) законе Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. № 565-ПQ⁴ речь идет о вещах (предметах), изъятых из *гражданского* оборота; в то же время в положениях ст. ст. 136.1, 136.3, 276.1 кодекса говорится о (просто) *обороте*.

При этом если в одних нормах, в том числе в приведенных выше⁵, термин «оборот», скорее всего, следует толковать по общему

¹ См.: Гражданское право. Т. 1. Общая часть / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2013. С. 460.

² Гражданский кодекс Азербайджанской Республики : утв. законом Азербайджанской Республики от 28 дек. 1999 г. № 779-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 20 июня 2014 г.) // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111.

³ Широко используемый, в том числе, в выражениях: «залог товаров в обороте» – ст. ст. 300.0.6, 306.1, 306.2, 306.3, 306.4; «обычай делового оборота» – ст. ст. 390.7, 404.2, 409.3, 422.2.4, 423.1, 425.1, 427.4, 428.2, 571.2, 586.2, 590.2, 629.1, 631.2, 780.1.3, 789.4, 792.2, 815.2, 946.1, 958, 972.1, 973.1, 973.3, 977.2, 984.2, а также в выражении «условия оборота» – ст. 422.2.2 ГК Азербайджана.

⁴ О перечне предметов, которые могут принадлежать определенным участникам гражданского оборота и включение которых в гражданский оборот допускается по специальному разрешению (гражданский оборот ограничен) : закон Азербайджанской Республики от 23 дек. 2003 г. № 565-ПQ (с изм. и доп. по состоянию на 2 мая 2014 г.) // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30614732.

⁵ А также, например, в правилах ст. 994 (о «негодности ценной бумаги к обороту») и ст. 1128.4, согласно которой «продукт не считается

смыслу ст. 136 ГК Азербайджана, то есть как гражданский оборот, то в других нормах данный термин имеет иной, явно экономический, смысл (например, в ст. 790.3.2, устанавливающей обязанность торгового представителя «достигать минимального оборота (квоты) по заказам или договорам» и ст. 792.1, согласно которой «торговый агент имеет право на получение стабильного месячного вознаграждения и (или) вознаграждения, зависящего от оборота или размера сделок (комиссионное вознаграждение)»).

Учитывая изложенное, следует признать, что и в Азербайджане, несмотря на более широкое по сравнению с Россией законодательное использование понятия «гражданский оборот», вопрос о содержательном наполнении последнего не является однозначным. При этом так же, как и в российском, украинском, казахстанском праве, основная сложность заключается в отграничении (либо ином соотношении) понятий «гражданский оборот» и «оборот».

Что касается законодательства государств «дальнего зарубежья», то в нем также можно обнаружить формулировки, близкие по смыслу используемым в ГК РФ и связанные с понятием «гражданский оборот».

Например, в целом ряде статей Французского гражданского кодекса (*Code civil*¹, далее – *ФГК*) говорится о введении продуктов в оборот. Точнее, в *ФГК* используются выражения: «*la mise en circulation du produit*» (ст. 1386-16), «*sa (du produit. – Ю. В.) mise en circulation*» (ст. 1386-4) – «введение продукта в оборот (обращение)»²; «*produit a été mis en circulation*» (ст. 1386-4, 2° ст. 1386-11) – «продукт, введенный в оборот (обращение)»; «*il (le producteur. – Ю. В.) n'avait pas mis le produit en circulation*», «*il a mis le produit en circulation*» (1°, 4° ст. 1386-11) – «производитель, (не) ввел продукт в оборот (обращение)»; в ст. 1386-5 кодекса прямо устанавливается, что продукт введен в оборот (обращение), когда производитель доб-

недоброкачественным вследствие последующего включения в оборот продукта лучшего качества».

¹ *Code civil* (Version consolidée au 6 août 2014) // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000006070721>.

² Здесь и далее пер. наш. – Ю. В.

ровольно отказался от него, а также то, что продукт может быть введен в оборот (обращение) только один раз¹.

Принимая во внимание, что в ГК РФ широко используется выражение «введение (объектов) в *гражданский* оборот», термин «circulation» в данной связи представляет особый интерес: а именно, допустимо ли трактовать его как «гражданский оборот».

Не являясь специалистом в области языкознания, а потому не претендуя на бесспорность последующих выводов и суждений, мы, тем не менее, можем предположить, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным – прежде всего, исходя из того, что «оборот» является лишь одним из значений термина «circulation»² и что для обозначения гражданского оборота специалисты особо выделяют иные термины – «commerce»³, «commerce juridique»⁴, «acte de commerce»⁵.

Данный вывод следует и при обращении к юридической литературе, в которой как «гражданский оборот» трактуется именно термин «commerce», а не «circulation». Так, один из французских ученых Ф. Терре, освещая вопрос об основных началах контрактного права Франции, отмечает, что в первоначальной редакции ФГК договорная свобода рассматривалась главным образом негативно, и в числе статей «той же эпохи», сохраненных в Гражданском кодексе, приводит ст. 1128 (введенную законом 1804-02-07. – Ю. В.). В частности, автор пишет: «Так, ст. 1128 Гражданского кодекса гласит: “Предметом соглашений могут быть лишь те вещи, которые находятся в *гражданском обороте* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.)”. Уже тогда слова “гражданский оборот” должны были дать повод к различным толкованиям»⁶. Обратившись к оригинальному тексту

¹ Норма ст. 1386-5 Code civil гласит: «Un produit est mis en circulation lorsque le producteur s'en est dessaisi volontairement. Un produit ne fait l'objet que d'une seule mise en circulation».

² Иными возможными смысловыми компонентами данного термина являются «денежный оборот», «движение» (см.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. М., 2009. С. 91).

³ См., например: Там же. С. 101.

⁴ Там же.

⁵ См., например: *Мачковский Г. И.* Русско-французский юридический словарь. М., 2009. С. 173.

⁶ См.: Основные начала российского и французского права / Ж.-С. Боргетти [и др.]. М., 2012. С. 318–319 (автор раздела Ф. Терре).

ст. 1128 ФГК¹, можно заметить, что в нем использован термин «commerce», интерпретированный Ф. Терре как «гражданский оборот».

Авторский коллектив издания, в котором содержится приведенная цитата (это, в частности, такие известные ученые, как Л. В. Василевская, Р. Леже, А. П. Сергеев, В. Ф. Попондопуло, В. В. Ярков), не дает оснований сомневаться в качестве выполненного перевода с французского на русский язык². Вместе с тем небесспорным видится предложенный перевод фразы Ф. Терре: «Уже тогда слова “гражданский оборот” должны были дать повод к различным толкованиям». На наш взгляд, в указанном варианте из нее следует, что, по мнению автора, различные толкования (ст. 1128 ФГК) обусловлены отсутствием ясности в понимании *собственно гражданского оборота*.

Иным был бы смысл такого (полагаем, допустимого) варианта перевода, при котором в приведенной фразе был бы сохранен (не подвергался переводу) термин «commerce», содержащийся в тексте нормы ст. 1128 ФГК: «Уже тогда слова “commerce” должны были дать повод к различным толкованиям». В этом случае «повод к различным толкованиям» данной нормы «должны были дать» не различные подходы к пониманию гражданского оборота, а неоднозначность *самого термина «commerce»*. Представляется, что именно относительно этого ученый и сделал свое замечание.

Так или иначе, анализ законодательных положений ФГК убеждает в том, что значение термина «commerce» в отдельных нормах кодекса является различным.

В частности, в значении «торговля» термин «commerce» следует понимать, по нашему мнению, например, в ст. 1107 ФГК, согласно которой специальные правила для коммерческих сделок устанавливаются в соответствии с законами, связанными с торговлей («les règles particulières aux transactions commerciales sont établies par les lois relatives au commerce»). Аналогичный смысл имеет рассматриваемый термин в названии французского Code de commerce³ (Торгового кодекса).

¹ Она гласит: «Il n'y a que les choses qui sont dans le commerce qui puissent être l'objet des conventions».

² Перевод выполнен А. А. Бубновым, И. В. Немцовым (см.: Основные начала российского и французского права. С. 5).

³ Code de commerce (Version consolidée au 8 novembre 2014) // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20141113&cidTexte=LEGITEXT000005634379>.

Иное значение – «*коммерческая деятельность*» – имеет термин «commerce», например, в ст. 509 ФГК, согласно 3° которой опекун не может заниматься коммерческой деятельностью от имени представляемого лица («exercer le commerce... au nom de la personne protégée»). Также в значении коммерческой деятельности, скорее всего, используется данный термин в ст. 533 ФГК, устанавливающей то, что является «l'objet d'un commerce», а также то, что слово «движимое имущество» не включает наличные деньги, драгоценности, долги, книги, медали, предметы науки, искусств и ремесел, нижнее белье, лошадей, экипажи, оружие, зерно, вино, сено и другие товары¹.

Новый смысл приобретает термин «commerce» в словосочетании «fonds de commerce» (ст. ст. 389-5, 505, 1321-1, 1404, 1424, 1589-2 ФГК), которое переводится как «*торгово-промышленное предприятие* (как совокупность элементов актива движимого имущества без права требования)»².

Столь же неоднозначной является интерпретация выражения «acte de commerce», которое можно понимать и как «гражданский оборот»³, и как «торговая сделка; коммерческая операция»⁴. Представляется, что именно в последнем значении используется данное выражение в ст. L110-1 Торгового кодекса Франции, содержащем разъяснение, что считается «acte de commerce» («La loi répute actes de commerce:...»), а по сути, закрепляющем перечень «актов», которые дореволюционный русский правовед В. А. Удинцев именовал «торговыми действиями»⁵. В свете вопроса о соотношении гражданского и

¹ «Le mot “meuble”, employé seul dans les dispositions de la loi ou de l'homme, sans autre addition ni désignation, ne comprend pas l'argent comptant, les pierreries, les dettes actives, les livres, les médailles, les instruments des sciences, des arts et métiers, le linge de corps, les chevaux, équipages, armes, grains, vins, foin et autres denrées ; il ne comprend pas aussi ce qui fait l'objet d'un commerce».

² Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 253.

³ См.: Мачковский Г. И. Русско-французский юридический словарь. С. 173.

⁴ См.: Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 11.

⁵ В частности, ученый писал: «*Actes de commerce* понятие новое, имеющее внести поправку в понятие купца и главное – дополнить это последнее. Actes de commerce – один из важнейших моментов в истории идеи торгового права. Раз существуют какие-то *особые торговые действия*, значит должны существовать и *особые торговые нормы*. Понятием *торговых действий* отграничивается специальная *сфера торгового права*, не имеющего применения там, где нет торговых действий» (см.: Удинцев В. А. История обособления торгового права //

торгового оборота та или иная интерпретация рассматриваемого выражения (равно как и общего термина «commerce») имеет принципиальное значение.

В данной связи небезынтересно заметить, что в нормах ФГК о *введении* объектов (продуктов) в оборот употребляется термин «circulation», а точнее, выражения «mettre en circulation» и «mise en circulation», которые переводят как, соответственно, «выпускать в обращение» и «выпуск в обращение»¹ (в частности, ст. ст. 1386-4, 1386-5, 1°, 2°, 4° ст. 1386-11, ст. 1386-16 ФГК). В то же время для обозначения *изъятия* объектов из оборота используется выражение «mettre hors commerce» – «изымать из *гражданского оборота*»² (в частности, ст. 1302, 1303 ФГК). Отождествляют ли понятия «оборот» и «обращение»³ французские юристы и задаются ли они вопросом о соотношении понятий «оборот» и «гражданский оборот» – сказать сложно. Однако в части приведенного словоупотребления нельзя не провести параллель с нормами российского гражданского законодательства, в котором, напротив, преимущественно используемому выражению «введение в *гражданский оборот*»⁴ почему-то противостоит только «изъятие из *оборота*». Подобный диссонанс, на наш взгляд, заслуживает критической оценки, поскольку представляется, что если объект введен в *гражданский оборот*, то и изыматься он должен также из *гражданского оборота*⁵.

Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М., 2003. С. 103).

¹ См.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. С. 91, 347.

² См.: Там же. С. 101.

³ Именно как «обращение» переводят термин «circulation» («оборот») в выражениях «mettre en circulation», «mise en circulation».

⁴ См.: п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ; выражение «введение в оборот» в ГК РФ употребляется значительно реже (п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537).

⁵ Примечательно в этом отношении законодательство Украины, в котором отмеченной противоречивости, имеющейся в нормах российского и французского права, мы не усмотрели: так, согласно разграничению предметов регулирования Гражданского и Хозяйственного кодексов, в ст. 432 ГК Украины говорится об изъятии товаров из гражданского оборота, а в ч. 1 ст. 29 Хозяйственного кодекса используется выражение «изъятие товаров из оборота».

Говоря об изъятии объектов из (гражданского) оборота, следует обратить внимание на то, что сами вещи, изъятые из (гражданского) оборота («*choses hors du commerce*»), авторы французской учебной литературы выделяют в отдельную группу не по критерию оборотоспособности (либо свободы в обороте), как это принято в современном российском правоведении¹, а в зависимости от их принадлежности (присвоенности)². Точнее, французские ученые различают «*les choses appropriées et celles qui ne le sont pas*»³, то есть вещи, которые обращены в собственность и те, которые таковыми не являются. При этом к категории изъятых из (гражданского) оборота вещей они относят публичное имущество государства, то есть те вещи, которые не могут находиться в обладании частных лиц, в частности потому, что они предназначены для удовлетворения потребностей общества («*qui ne peuvent pas être appropriées privativement, notamment parcequ'elles sont affectées aux besoins de la collectivité (bien du domaine public)*»⁴).

Анализируя положения французского гражданского права, можно также заметить, что для обозначения перехода прав⁵ в нем используют такое специальное выражение, как «*transfert des droits*»⁶. В ФГК оно закреплено, например, в нормах ст. 1843-3 (содержащей словосочетание «переход соответствующих прав», «*le transfert des droits correspondants*»), ст. 1601-2 (в которой говорится о переходе права собственности, «*le transfert de propriété*»). Допустимо ли рассматривать данное выражение («*transfert des droits*») в качестве синонимичного терминам «*acte de commerce*», «*commerce*», «*commerce juridique*», то есть «гражданский оборот»? Вряд ли, в том числе принимая во внимание правило ст. 1598 ФГК, согласно которому

¹ Подробнее об этом см. § 3 настоящей работы.

² Напомним, что именно нахождение или ненахождение вещей в составе имущества, а не их положение в имущественном (гражданском) обороте являлось основанием древнеримского деления вещей на *res in commercio* и *res extra commercium*, по мнению Ю. С. Гамбарова (см. § 1 настоящей работы).

³ См.: *Voirin P., Goubeaux G. Droit civil. T. 1. Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés. Paris, 2009. P. 268.*

⁴ Ibid.

⁵ В российском правоведении, напомним, традиционно составляющего содержание гражданского оборота, противопоставляемого экономическому обороту как переходу самих благ.

⁶ См.: *Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 526.*

все, что находится в гражданском обороте (в смысле обращенности в чью-либо собственность) может быть продано, если специальными законами не запрещено их отчуждение («Tout ce qui est dans le commerce peut être vendu lorsque des lois particulières n'en ont pas prohibé l'aliénation»)¹. Однако однозначно ответить на вопрос о содержании соответствующих понятий и их соотношении посредством исключительно толкования законодательных положений, как представляется, невозможно.

Данное замечание в полной мере относится и к термину «Verkehr» («(денежное) обращение; оборот; обмен»²), достаточно широко используемому в нормах Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch (BGB)³, далее – ГГУ). В ГГУ это, в частности, нормы: о заменимых вещах (§ 91), которые определяются в обороте числом, объемом или весом⁴ («die im Verkehr nach Zahl, Maß oder Gewicht bestimmt zu werden pflegen»); о принадлежностях – согласно § 97 (1) ими не являются вещи, которые не рассматриваются в таком качестве в обороте («im Verkehr nicht als Zubehör angesehen wird»); об оспоримости сделок из-за ошибки, которая рассматривается в обороте как существенная («die im Verkehr als

¹ Как можно увидеть, термин «commerce» в данной норме мы истолковали сообразно указанному выше критерию выделения вещей, изъятых из (гражданского) оборота, то есть в значении «присвоенности» вещей, наличия (правового) господства над ними, несмотря на то, что выражение «être dans le commerce» (используемое в ст. 1598 ФГК) специалисты в общем трактуют как «быть [находиться] в гражданском обороте» (см.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. С. 101). Данная формулировка используется также в 1° ст. 2397 ФГК, устанавливающей, что предметом ипотеки может быть недвижимое имущество, находящееся в (гражданском) обороте («les biens immobiliers qui sont dans le commerce»).

² См.: *Немецко-русский юридический словарь* / под ред. П. И. Гришаева, М. Бенямина. М., 2010. С. 540. Другими возможными значениями данного термина являются: «(уличное) движение; транспорт; перевозки»; «сношение, связь»; «половое сношение; половая связь» (см.: Там же); «правовой оборот», «торговый оборот» (см.: *Kettler St. H., Kiseleva Yu.* Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache=Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch. München, 2006. S. 367).

³ Bürgerliches Gesetzbuch // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>.

⁴ Здесь и далее пер. наш. – Ю. В.

wesentlich angesehen werden», § 119 (2) – аналог «нового» подп. 2 п. 2 ст. 178 ГК РФ) и др.¹

В случае употребления в тексте норм общего термина «Verkehr» («оборот»), а не специальных «Geschäftsverkehr» («деловой оборот»², «деловые отношения»³) или «Handelsverkehr» («торговый оборот», «коммерческий оборот»⁴), как это указано, например, в § 310 (1), в названии §§ 312i, 312j, amtlicher Hinweis к §§ 247, 286, 288 ГГУ, утверждать, о каком именно обороте (торговом, гражданском или ином) идет речь в той или иной норме нельзя. Равно как нельзя не принять во внимание наличие в немецком языке специального термина «Rechtsverkehr» – «правовой оборот», «юридический оборот»⁵, равно как и особого выражения для обозначения гражданского оборота (гражданско-правового оборота) – «zivilrechtlicher Verkehr»⁶.

Безусловно, что тот или иной вывод о соотношении соответствующих понятий («Verkehr», «zivilrechtlicher Verkehr», «Geschäftsverkehr», «Handelsverkehr») требует детального анализа, однако позволим заключить, что четкого разграничения между ними в немецком законодательстве и праве не проводится.

Так, наиболее цитируемый отечественными учеными⁷ немецкий правовед Ф. Регельсбергер, рассматривая вопрос об оборотоспособности вещей (Verkehrsfähigkeit der Sachen), отмечал, что оборотоспособностью вещи является ее способность быть предметом *юридического (правового)* распоряжения («Die Fähigkeit einer Sache, Gegenstand *rechtlicher* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) Verfügung zu

¹ В частности, § 241a (2), § 276 (2), § 794 (1) ГГУ.

² См.: Немецко-русский юридический словарь. С. 208.

³ Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch. S. 164–165.

⁴ Ebd. S. 181–182. Для обозначения торгового оборота выделяют также термин «Warenverkehr» (Ebd. S. 367).

⁵ Ebd. S. 367.

⁶ См.: Немецко-русский юридический словарь. С. 540, 604.

⁷ См., например: Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 55, 77–78; Гамбаров Ю. С. Указ. соч. Примечания 56, 139, 268, 279, 451 и др.; Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 39; Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 119. См. также: Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 24, 45.

sein, ist ihre Verkehrsfähigkeit»¹), а необоротоспособными вещами («verkehrsunfähige S.») являются, соответственно, такие, которые не обладают способностью быть предметом *правового* оборота («ohne die Fähigkeit, Gegenstand des *Rechtsverkehrs* zu sein»²). Слова «*rechtlicher Verfügung*», «*Rechtsverkehrs*» дают основания для вывода, что термин «*Verkehrsfähigkeit*» Ф. Регельсбергер понимал как способность объектов к *гражданскому* обороту³. Но следует ли из этого, что термин «*Verkehr*», в случае самостоятельного использования⁴, а не как составной части слова «*Verkehrsfähigkeit*», понимался ученым именно в значении правового (суть, гражданского), а не экономического оборота – неясно, в том числе, учитывая употребление правоведом иных языковых единиц, таких как «*Handelsverkehr*»⁵ («торговый оборот»), «*Verkehrsanschauung*»⁶, «*Anschauung des Verkehrs*»⁷ («виды оборота»), «*Verkehrsübung*»⁸ («обычай оборота»), «*Verkehrswert*»⁹ («рыночная стоимость»), «*Strom des Verkehrs*»¹⁰ («поток оборота»).

Из числа современных немецких исследователей термин «гражданский оборот» использует Д. Медикус, который, анализируя отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении¹¹,

¹ *Regelsberger F. Pandekten. Band 1. Leipzig, 1893* // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. URL: <http://dlib-pr.mpi.de>. S. 405. Вторым, наряду с оборотоспособностью, свойством вещей, по мнению ученого, является их правообъектность (*Rechtsfähigkeit*), то есть способность находиться под правовым господством, «*in rechtlicher Sonderherrschaft zu stehen*» (См.: *Ebd.*).

² См.: *Regelsberger F. Pandekten. S. 406.*

³ Косвенно об этом свидетельствует сопоставимое с позицией Ф. Регельсбергера о правообъектности и оборотоспособности вещей суждение А. Жалинского и А. Рёрихт о том, что в немецком праве «вещи есть телесные объекты, над которыми возможно осуществление господства и которые (за определенными исключениями) могут участвовать в *гражданском обороте*» (см.: *Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 312*).

⁴ См.: *Regelsberger F. Pandekten. S. 370, 379, 397, 398, 400, 401, 403, 405.*

⁵ См.: *Ebd. S. 366.*

⁶ См.: *Ebd. S. 366, 373, 388.*

⁷ *Ebd. S. 378, 387.*

⁸ *Ebd. S. 379, 388.*

⁹ См.: *Ebd. S. 400.*

¹⁰ См.: *Ebd. S. 406.*

¹¹ Ссылаясь на работу другого немецкого правоведа – Бара (*Bar, von. Verkehrspflichten, 1. Aufl. 1980*).

особое внимание уделяет вопросу о защите гражданского оборота и, в частности, пишет: «Искомым критерием выступает обязанность по защите *гражданского оборота* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.). В данном случае речь идет об обязанности в рамках *экономически* допустимых рисков избегать, предотвращать или, по крайней мере, уменьшать их опасность в сфере собственной деятельности»¹. Такую обязанность, по мнению ученого, устанавливают § 831–841 ГГУ². Вместе с тем в указанных (равно как и в иных) нормах ГГУ соответствующее выражение – «*zivilrechtlicher Verkehr*» («гражданский оборот») – нам обнаружить не удалось; в § 831, который в качестве примера рассматривает Д. Медикус, используется общий термин – «*Verkehr*» («оборот»). Заметим, что и сам ученый наряду с формулировкой «гражданский оборот» употребляет термин «оборот» (в словосочетании «формирование оборота») ³; отождествляет ли их правовед – в отсутствие прямых указаний автора можно лишь предполагать.

Впрочем, в данной связи вновь встает вопрос о правильности перевода, который на сей раз хочется перевести в русло такой проблемы, сопровождающей большинство сравнительно-правовых (компаративистских) исследований, которую в общем виде можно обозначить как «*сложность перевода*»⁴.

В одних случаях отмеченная сложность может быть обусловлена причинами преимущественно лингвистического характера, скажем, отсутствием в родном либо иностранном языке термина-аналога (как, например, отсутствие в русском языке абсолютного аналога используемого в украинском законодательстве и праве термина «обіг»).

Однако в других случаях сложность перевода является следствием и показателем не просто лингвистической, но собственно юридической проблемы – *определения содержания отдельных юридических понятий*.

¹ См.: Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии. М., 2001. С. 134.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ Стоит заметить, что с данной проблемой может столкнуться любой ученый – в частности, при составлении требуемых в настоящее время большинством изданий перечня ключевых слов и аннотации (реферата) к научной работе на иностранном (как правило, английском) языке.

В частности, это может иметь место при полисемии, то есть многозначности терминов¹ (как, например, французского слова «commerce»), предполагающей при переводе определенного термина, за которым стоят правовые понятия, выбор в родном языке наиболее близкого эквивалента или аналога². При условии профессиональной компетентности переводчика (включающей не только высокий уровень владения родным и иностранным языком, но и достаточно глубокие «фоновые», а именно юридические, знания) подобная – *семантическая – неоднозначность терминов* особых трудностей, в общем, не вызывает.

Значительно сложнее выявить адекватный иностранный аналог определенного юридически значимого термина, *содержательное* наполнение которого *не является единообразным уже на уровне национального права*³. То, что внешне идентичные термины не всегда имеют одно и то же значение в различных правовых системах и что понятийному аппарату при применении сравнительно-правового метода следует уделять особое внимание, отмечается и в юридической литературе⁴.

¹ Как отмечает специалист в данной области К. М. Левитан, многие лингвисты считают, что полисемия термина не является показателем его неточности. «Чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым концептуальным аппаратом, тем категоризированнее и структурированнее предстает объект изучения» (см.: *Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики* : учеб. пособие. М. ; Екатеринбург, 2011. С. 36).

² Подробнее об адекватности и эквивалентности перевода см.: Там же. С. 49 и след.

³ Следует заметить, что проблема унификации понятийно-терминологического аппарата не является сугубо юридической и ее наличие отмечают представители и иных отраслей науки. Например, специалист в области бухгалтерского учета Е. М. Сорокина пишет: «Экономистами еще не выработаны не только единые понятия, относящиеся к денежным потокам организаций, но и даже единая терминология отсутствует» (см.: *Сорокина Е. М. Анализ денежных потоков организации // Развитие российского общества: социально-экономические и правовые исследования* / под ред. М. А. Винокурова, А. П. Киреенко, С. В. Чупрова. М., 2014. С. 248).

⁴ См., например: *Власов В. И., Власова Г. Б., Денисенко С. В. Сравнительное правоведение*. М., 2014. С. 14; *Фролычева Е. А. Некоторые аспекты сравнительно-правового метода в экспертологии для исследования однородных институтов в странах с различными правовыми системами // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. Вып. 3. С. 102.*

В качестве примера подобной ситуации в контексте настоящего исследования можно привести русскоязычный термин «оборотоспособность (объектов гражданских прав)», в общем виде означающий способность (объектов) к обороту. На первый взгляд, сложностей при переводе его на иностранные языки возникать не должно. Так, в немецком языке и гражданско-правовой доктрине Германии существует соответствующий термин «Verkehrsfähigkeit»¹; имеется термин «оборотоспособный» и во французском языке – «transférable»²; как «оборотоспособность» интерпретируют отечественные правоведы термин «Transferability», используемый в заголовке ст. 2-105 Единообразного торгового кодекса США³.

Вместе с тем в современной российской науке гражданского права высказана точка зрения, согласно которой оборотоспособность объектов гражданских прав связана с понятием не *гражданского*, а *экономического* оборота⁴ (как уже было отмечено, в российской цивилистической доктрине данные понятия традиционно разграничивают: широко признано, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, то есть не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота). При таком подходе термин «оборотоспособность» может иметь различные смысловые оттенки, означая способность объекта (1) либо к экономическому обороту (суть, *фактической передаче*), (2) либо к гражданскому обороту (к *переходу прав* на объект). В случае признания отмеченной позиции, то есть при трактовке оборотоспособности, не связывающей ее с переходом прав на объекты, семантически точно передать смысл русскоязычного термина «оборотоспособность» при переводе его на иностранные языки несколько затруднительно.

¹ См.: Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch. Band II. S. 368; Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache = Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Russisch-deutsch. München, 2006. S. 188.

² См.: Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 526; Его же. Русско-французский юридический словарь. С. 173.

³ См.: Единообразный торговый кодекс США. М., 1996. С. 59. Доступ к оригинальному тексту Uniform Commercial Code : Legal Information Institute. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc>.

⁴ Ср.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть Т. II. Лица, блага, факты. М., 2011. С. 278–280.

Так, французский термин «transférable» как производный от «transfert» – «перенос; переход (*прав*)»¹ – изначально предполагает его корреляцию с гражданским оборотом (как переходом прав); если же говорить о способности объекта к фактической передаче, скорее всего, следует использовать другие термины – «circulation» («обращение») либо «tradition réelle» («вручение вещи»²), но как в этом случае корректно сформулировать «оборотоспособность» – сказать сложно.

Не является бесспорным и перевод русскоязычного термина «оборотоспособность» на английский язык: например, Е. Н. Васильева соотнесла его не с англо-американским «transferability», а с термином «alienability» – «отчуждаемость»³; можно перевести его и как «negotiability» – «обращаемость», относительно которого лингвисты уточняют: «способность акции, векселя и т. п. к обращению»⁴, либо, буквально, как «ability to circulation (of objects of civil rights)», сделав тем самым акцент на (экономический) термин «circulation» – «обращение»⁵.

Противоречивой является также трактовка немецкого термина «Verkehrsfähigkeit», который отдельные авторы толкуют как «способность вещей находиться в *обороте*», но в то же время относительно семантически близкого выражения «verkehrsfähige Sache» указывают: «вещь, не изъятая из *гражданского оборота*»⁶.

¹ См.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. С. 526.

² См.: Там же. С. 521.

³ См.: *Васильева Е. Н.* Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности // *Хозяйство, труд, право.* 2011. № 8. С. 26.

⁴ См.: *Борисенко И. И., Саенко В. В.* Современный русско-английский юридический словарь. М., 2009. С. 224.

⁵ См.: *Жданова И. Ф.* Русско-английский экономический словарь. М., 2008. С. 357. Именно термин «circulation» используется и в том случае, когда речь идет об изъятии объектов из обращения (оборота) (см.: *Борисенко И. И., Саенко В. В.* Указ. соч. С. 225, ст. «обращение»). Однако «оборот» (к которому способны либо не способны объекты) можно перевести не только как «circulation», но и как «turnover», в частности, в выражении «trade turnover» – «торговый оборот» (см.: Там же. С. 223), в связи с чем перевод термина «оборотоспособность» на английский язык может варьироваться и не является однозначным.

⁶ См.: *Немецко-русский юридический словарь.* С. 540.

Таким образом, сравнение определенных правовых норм или суждений, имеющих в законодательстве и праве различных государств, предполагает не только предварительное установление смысла (смыслов) используемых в них терминов, но и максимальную эквивалентность содержания обозначаемых этими терминами понятий, что, повторим, в случае неоднозначности внутринациональных подходов к трактовке отдельных правовых категорий бывает затруднительным.

Завершая рассмотрение вопроса о сравнительно-правовом (компаративистском) методе как возможном способе познания категории «гражданский оборот», следует признать, что его использование позволяет выявить определенные различия и сходство в законодательной фиксации и доктринальной трактовке данного понятия в различных государствах. В то же время полагаем, что сами по себе подобные результаты, хотя и представляют известный познавательный интерес и, действительно, способствуют преодолению «национальной ограниченности правового мышления»¹, вряд ли имеют значительную научную и практическую ценность, поскольку решить *проблему определения содержания* понятия «гражданский оборот» не в состоянии.

Напротив, уже в первом приближении можно обнаружить *наднациональный характер проблемы понимания гражданского оборота*, а именно в равной мере свойственную праву различных государств терминологическую и категориальную противоречивость характеристики гражданского оборота, что, как представляется, достаточно убедительно показало предпринятое нами исследование.

На этом основании можно заключить, что сравнительно-правовой метод не позволяет решить имеющуюся в российском праве проблему непротиворечивого понимания категории «гражданский оборот» и, таким образом, не является столь эффективным способом ее познания.

§ 3. Формально-логический метод

Можно утверждать, что задача построения стройной научной теории гражданского оборота не может быть решена и посредством

¹ Цвайгерт К., Кёту Х. Указ. соч. С. 28.

такого широко используемого в правоведении метода, как формально-логический.

В доктрине вопрос о его общенаучном либо частнонаучном значении является дискуссионным. Так, В. М. Сырых, повторим, относит формально-логический метод («толкования права» – добавляет ученый) к частнонаучным, «несмотря на то что в его основе лежат общие, логические и специальные грамматические методы»¹. Напротив, по мнению В. П. Малахова, формально-логическая методология относится к общенаучным, базовым методологиям научного познания в любой предметной области, в связи с чем имеет неспецифический (неспециализированный) характер²; из цивилистов данную позицию разделяет В. А. Белов, также выделяющий формально-логический метод в числе общенаучных методов исследования³. Высказываются в литературе и такие суждения, согласно которым формальная логика «сама по себе не является методом исследования, а только лишь способом построения теории, основанной на других методах»⁴.

Безотносительно к той или иной характеристике данного метода, его суть заключается в познании изучаемых объектов (предметов, явлений) посредством законов формальной логики, логического мышления, в результате чего реальная действительность отражается в по-

¹ См.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 12.

² См.: Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. С. 15.

³ См.: Белов В. А. Гражданское право. Т. 1. С. 73. Как отмечает ученый, среди частнонаучных методов познания (как следует из контекста суждений автора – в гражданско-правовой науке) «обыкновенно» выделяют: 1) догматический, 2) герменевтический, 3) компаративистский или сравнительно-правовой (см.: Там же). В данной связи можно заметить, что, в частности, к герменевтическому методу прибегают не только цивилисты: например, специалист в области педагогики Н. А. Переломова анализирует в аспекте указанного подхода вопрос об организации образовательного процесса (см.: Переломова Н. А. Развитие и самореализация личности в аспекте герменевтического подхода // Байкальский психологический и педагогический журнал. 2005. № 1–2 (5–6). С. 104–109). Исходя из этого, следует признать, что разделение методов научного познания на общенаучные и частнонаучные с последующим причислением к указанным группам тех или иных отдельных методов является крайне условным и, как представляется, не столь значимым.

⁴ См.: Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 11.

нениях, признаваемых «клеточками», самыми простыми элементами мышления¹.

Поскольку в области права основные понятия последнего находят отражение в юридических нормах, содержащих общеобязательные правила поведения, результатом и одновременно ключевым объектом формально-логического анализа в правоведении оказываются эти самые нормы, прежде всего – получившие закрепление в позитивном праве. Исходя из этого, в юриспруденции формально-логический метод небезосновательно связывают с догматическим методом, с догмой права², а именно, признают формальную логику *основой* догматизма³. Более того, в общетеоретической юридической литературе отмечается, что *формирование догмы* как смысловой основы «юриспруденции и практики нормирования, регуляции и суда» составляет «**назначение** формально-логической методологии»⁴.

Именно путем формально-логического анализа положений действующего законодательства выводят российские ученые и понятие гражданского оборота, в качестве «исходной точки» своих суждений избирая, как правило, формулировку п. 1 ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав»⁵. Подобный подход можно

¹ См.: *Иванов Е. А.* Логика. М., 1996. С. 44.

² Непосредственным объектом которой, по замечанию Д. Д. Гримма, являются абстрактные типы конкретных жизненных отношений – юридические институты, изучаемые «в порядке сосуществования» (см.: *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 42).

³ См., например: *Белов В. А.* Гражданское право. Т. 1. С. 73; *Филиппова С. Ю.* Указ. соч. С. 11.

⁴ См.: *Малахов В. П.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. С. 16.

⁵ См., например: *Галеева Р. Ф.* Указ. соч. С. 22–23; *Евстафьева И. В.* Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 31; *Ельникова Е. В.* Указ. соч. С. 21; *Романова В. В.* Указ. соч. С. 51; *Шаповалова Е. В.* Указ. соч. С. 91–92.

В поисках содержания рассматриваемой категории обращаются отечественные ученые и к иным законодательным положениям. Например, В. А. Петрушкин, задаваясь вопросом о том, включает ли в себя категория «гражданский оборот» оборот так называемых нематериальных объектов, заключает, что для ответа на данный вопрос «следует обратиться к содержанию гражданского законодательства», после чего рассматривает правила ст. 1042 ГК РФ (см.: *Петрушкин В. А.* Указ. соч. С. 10–11), а при соотношении категорий «гражданский оборот» и «имущественный оборот» апеллирует к норме п. 1 ст. 779 ГК РФ (см.: Там же. С. 11–12). Приводятся и анализируются ученым и

считать уже «классическим»: то, что в своих суждениях относительно понятия гражданского оборота ученые «отправляются по существу от одного и того же положения, а именно – от оборотоспособности вещей, от участия тех или иных объектов в обороте», отмечал еще О. А. Красавчиков¹.

Однако, используя один и тот же – формально-логический – инструментарий, ученые зачастую приходят к различным выводам, расходясь во многих существенных моментах. Наиболее яркой иллюстрацией в данной связи может служить вопрос о традиционной классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, во всех случаях основанной на положениях одной и той статьи – ст. 129 ГК РФ.

Несмотря на общее сходство современных подходов к решению данного вопроса, далеко не во всех моментах правоведы единодушны. Прежде всего, отсутствует единообразие относительно предмета рассматриваемой классификации. В основном в качестве такового указываются *объекты гражданских прав*, в отдельных случаях именуемые также объектами гражданских *правоотношений*. В то же время, ссылаясь на правила ст. 129 ГК РФ, посвященной оборотоспособности *объектов* гражданских прав, нередко пишут об оборотоспособности *вещей*², неоправданно сужая, на наш взгляд, тем самым сферу применения и умаляя значение категории «оборотоспособность».

По-разному обозначается в юридической литературе также критерий классификации. В одних случаях указывают (просто) «оборотоспособность»³; в других случаях деление объектов проводится «по *принципу свободы* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) оборота»⁴, «по *степени*» либо «по *началу их свободы* в экономическом обороте»⁵, «в зависимости от *возможности свободно* отчуждаться или переходить»

иные случаи использования термина «гражданский оборот» в ГК РФ, а также в иных федеральных законах и в иных нормативных правовых актах (см.: Там же. С. 12–14).

¹ См.: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот ... С. 5.

² См., например: Российское гражданское право. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 304–305.

³ См., например: Там же. С. 304; Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М., 2006. С. 176–177.

⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части. М., 2003. С. 130.

⁵ См.: Белов В. А. Гражданское право. Т. II. С. 278, 280.

к другому лицу¹; отдельные авторы принимают во внимание *объем оборотоспособности*².

Различно определяется в российском правоведении и само понятие «оборотоспособность». В частности, далеко не всегда его определяют именно как *способность* объектов, то есть как присущее им *свойство*³, хотя подобное понимание наиболее соответствует исходному смыслу соответствующего термина, образуемого путем сложения таких составляющих, как «оборот» и «способность». В ряде случаев при определении оборотоспособности объектов гражданских прав используют семантически иной термин – «допустимость»⁴ (от «допустимый» – «возможный, позволенный, разрешенный»⁵), связывая, таким образом, вопрос об оборотоспособности объектов с понятием «правовой режим объектов»⁶, как это делает и российский законодатель⁷.

Как следствие смешения понятий «оборотоспособность объектов» и «правовой режим объектов», в доктрине одни и те же виды (группы) объектов гражданских прав (либо виды вещей) попадают в

¹ См.: *Зенин И. А.* Гражданское право. М., 2010. С. 118.

² См.: *Астахова М. А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15.

³ В русском языке «способный» означает «обладающий каким-нибудь свойством» (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 757).

⁴ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / отв. ред. О. Н. Садиков. М., 2003. С. 315; Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 176.

⁶ По замечанию С. С. Алексеева, означающим порядок регулирования, выраженный «в характере и объеме прав по отношению к объекту» (см.: *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 374). Как совокупность существующего правового регулирования в отношении определенного явления объективной действительности понимается правовой режим и в цивилистической литературе (см., например: *Сенчищев В. И.* Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. М., 1998. С. 140, 157–158).

⁷ См.: п. 4 ст. 3 федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013.

рамки классификаций, осуществляемых по различным критериям. А именно, традиционно выделяемые группы «объекты (вещи), свободные в обороте», «объекты (вещи), ограниченные в обороте» и «объекты (вещи), изъятые из оборота» в одних работах приводятся в рубрике «Классификация по целевому назначению и *правовому режиму*»¹, а в других – в разделе «*Оборотоспособность вещей*»².

В новой редакции ст. 129 ГК РФ, вступившей в действие 1 октября 2013 г.³, указание на объекты, изъятые из оборота, как уже отмечалось выше, отсутствует. Данной категории объектов впредь придана характеристика ограниченных в обороте, что, на наш взгляд, является вполне оправданным, поскольку это адекватно отразило реально существующую ситуацию: нахождение большинства изъятых ранее из оборота объектов в собственности *государства*, по сути, означало, что такие объекты «могут принадлежать лишь определенным участникам оборота» (п. 2 ст. 129 ГК РФ), исходя из чего, по указанному признаку они изначально фактически являлись ограниченно оборотоспособными, на что справедливо указывали отдельные ученые⁴. Ограничение в (гражданском) обороте других объектов осуществлялось по второму из предусмотренных законом признаков – наличие специального разрешения на их отчуждение или иную передачу.

Возвращаясь в данной связи (см. § 1 настоящей работы) к вопросу о сохранении указания на изъятые из оборота объекты, в частности, в земельном законодательстве (в норме абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ), отметим, что, являясь допустимым с позиций системного толкования данной (специальной) нормы ЗК РФ и общего правила п. 3 ст. 129 ГК РФ⁵, оно, как представляется, вряд ли может быть признано удачным по отмеченной выше причине *фактической* (действительной) *ограниченности* оборота объектов, находящихся в собственности государства (а согласно п. 4 ст. 27 ЗК РФ изъяты из

¹ См.: Пиляева В. В. Гражданское право. Части общая и особенная. М., 2011. С. 97.

² См., например: Российское гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 304–305.

³ Приняты федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ.

⁴ См.: Лапач В. А. Указ. соч. С. 296.

⁵ Согласно которому земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

оборота именно земельные участки, занятые объектами, находящимися в федеральной собственности). Примечательно, что и сама ст. 27 ЗК РФ, устанавливающая правила об изъятых из оборота земельных участках, называется «*Ограничения оборотоспособности земельных участков*».

Можно полагать, что указание на изъятие из оборота призвано подчеркнуть специфику *правового режима* данного вида земельных участков¹, однако сведение вопроса об оборотоспособности объекта к вопросу о его правовом режиме представляется ошибочным.

По нашему мнению, необходимое разграничение данных понятий заключается в следующем: в отличие от правового режима, который отражает законодательно установленные возможности и должностования субъектов по отношению к тому или иному виду объектов, *оборотоспособность выступает характеристикой самих объектов реальной действительности* – наличия или отсутствия у них естественного свойства быть объектом оборота.

В соответствии с этим *по критерию оборотоспособности объекты гражданских прав следует классифицировать на оборотоспособные и необоротоспособные*. Именно дихотомия «оборотоспособные объекты – необоротоспособные объекты» представляется верной, поскольку она охватывает *все возможные виды объектов гражданских прав*.

¹ Именно по этому критерию специалисты в области земельного права разграничивают изъятые из оборота и ограниченные в обороте земельные участки (см., например: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Земельное право России. М., 2014. С. 88). Впрочем, высказывается также мнение, что установление особых правовых режимов отдельных территорий и объектов само может рассматриваться как «способ *ограничения оборотоспособности* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) данных земель» (см.: Земельное право / В. Х. Улюкаев [и др.]. М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс»). Так или иначе, тезис о взаимосвязи правового режима земель (земельных участков) и их оборотоспособности можно считать общепризнанным, хотя и не всегда характер их соотношения определяется учеными достаточно четко. Так, например, А. П. Анисимов и А. И. Мелихов завершают свою работу «*Правовой режим земельных участков ...*» выводом о ненужности проведения «жестких граней между нормами гражданского и земельного права, определяющих совместно и неразрывно *оборотоспособность* земельных участков» (см.: Анисимов А. П., Мелихов А. И. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права // Право и экономика. 2008. № 12. С. 8). См. также: Жернаков Д. В. Указ. соч. § 3.1 гл. 3; Чубаров В. В. Указ соч. С. 187.

Традиционное же деление объектов, в свете новой редакции ст. 129 ГК РФ уже только на две группы, – на свободные в обороте и ограниченные в обороте может повлечь явно ошибочный вывод, что все объекты гражданских прав так или иначе являются оборотоспособными, просто для оборота некоторых из них требуется специальное разрешение либо особый субъектный состав (п. 2 ст. 129 ГК РФ); наличия необоротоспособных объектов, то есть таких, которые буквально *не способны* к обороту, данная группировка не предполагает. В то же время некоторые из объектов гражданских прав, в частности, дематериализованные результаты творческой деятельности и нематериальные блага, такой способностью (свойством) не обладают, причем *объективно*, а не только в силу норм п. 4 ст. 129 и ст. 150 ГК РФ, соответственно.

Небезынтересно заметить, что в ст. 178 ГК Украины (аналог ст. 129 ГК РФ) наряду с объектами, которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, объектами, изъятыми из гражданского оборота, и ограниченными в обороте объектами указано на объекты, которые «являются неотъемлемыми от физического или юридического лица». В данном отношении положения ст. 178 ГК Украины следует признать более полными, поскольку в ст. 129 ГК РФ неотчуждаемые (что по смыслу данной статьи тождественно «необоротоспособные») объекты представлены только интеллектуальной собственностью (п. 4). Вместе с тем приведенный в п. 1 ст. 178 ГК Украины перечень видов объектов гражданских прав является именно *перечнем* (а не легальным основанием или отражением стройной доктринальной классификации), поскольку включенные в него отдельные виды объектов отвечают различным классификационным критериям. По критерию оборотоспособности в данном перечне, по нашему мнению, можно выделить только объекты, неотъемлемые от физического или юридического лица, охарактеризовав их в качестве необоротоспособных объектов.

Представляется, что в основании общепринятого деления объектов гражданских прав на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота лежит не собственно оборотоспособность объектов, а законодательно установленные в отношении отдельных видов объектов возможности и долженствования субъектов, то есть правовой режим объектов. Исходя из этого, более удачным видится иное название ст. 129 ГК РФ, как уже было отмечено, принимаемой

учеными за основание рассматриваемой классификации, – «Правовой режим объектов гражданских прав».

В то же время при установлении последнего законодатель не может, на наш взгляд, не учитывать естественных свойств самих объектов, в частности, их способность либо неспособность к обороту. Признается это и в доктрине. Например, Д. В. Жернаков обосновывает обусловленность гражданско-правового режима, в частности, земельного участка *возможностью* нахождения его в гражданском обороте, *физическими свойствами* земельного участка¹. М. А. Астахова отмечает, что ограничение оборотоспособности прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности «определяется в основном *природой блага*»². М. А. Рожкова, придерживаясь традиционного подхода в вопросе классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, далее делит объекты, изъятые из частного обладания и оборота на три группы: объекты, изъятые из оборота по причине их большой публичной значимости, объекты, изъятые из оборота из соображений общественной безопасности и *объекты, изъятые из оборота в силу их естественных свойств*³.

Таким образом, вопрос об оборотоспособности объекта оказывается первичным по отношению к вопросу о его правовом режиме⁴, в связи с чем верным представляется подход к классификации объек-

¹ Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 8, 9, 73.

² См.: Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... С. 16.

³ См.: Рожкова М. А. Указ. соч. С. 213–215. Полностью соглашаясь в том, что при классификации объектов должны учитываться их естественные свойства, тем не менее, полагаем, что все объекты, не способные к обороту в силу своих природных (естественных) свойств, необходимо относить к числу необоротоспособных, а не изъятых из оборота, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, изъять из оборота можно лишь то, что в принципе может в нем находиться (см.: Белов В. А. Гражданское право. Т. II. С. 279).

⁴ Так, В. А. Лапач писал, что правильная квалификация правового режима объекта правоотношения «позволяет правоприменителю успешно разрешать возникающие споры о праве собственности на те или иные объекты, об ответственности за незаконное владение, пользование и распоряжение ими», а вопрос о применимости к спорным правоотношениям норм той или иной отрасли законодательства и решается «по признаку товарности, оборотоспособности объектов» (см.: Лапач В. А. Указ. соч. С. 289–290). Иной является позиция В. В. Чубарова, который рассматривает оборотоспособность как важнейшую *составляющую* гражданско-правового режима «любой вещи» (см.: Чубаров В. В. Указ. соч. С. 187).

тов гражданских прав, при котором объекты сначала разделяются на оборотоспособные и необоротоспособные и лишь затем осуществляется их дальнейшее деление на те или иные группы.

Наиболее последовательно подобный подход представлен в работах В. А. Белова, который до внесения изменений в ст. 129 ГК РФ классифицировал объекты гражданских (частных) прав на 1) оборотоспособные и 2) не являющиеся оборотоспособными, выделяя далее в числе оборотоспособных объекты, свободные в обороте, и объекты, ограниченные в обороте, а в числе не обладающих оборотоспособностью – объекты, необоротоспособные в силу своих естественных свойств, и объекты, изъятые из оборота¹. При этом изъятые из оборота объекты ученый трактует как объекты, «лишенные свойства оборотоспособности предписаниями объективного права (ставшие необоротоспособными)»², что, исходя из нашего понимания оборотоспособности как *естественного* свойства объектов, видится спорным.

Вызывает возражения и критерий классификации, во-первых, единый для отстаиваемой В. А. Беловым двухуровневой четырехчленной классификации, и, во-вторых, сформулированный с привлечением категории «свобода», в частности, как степень свободы объектов в обороте³. Относительно первого заметим, что любая последующая градация предмета исследования, на наш взгляд, должна осуществляться по вновь избранному (или выявленному) исследователем признаку, суть критерия, детализирующему первоначальный критерий, но, тем не менее, иному в каждом последующем случае. Что касается свободы объектов в обороте, то вопрос о ее степени уместен, как представляется, лишь при условии принципиальной способности объекта к обороту (а по признанию самого ученого, такой способностью обладают не все объекты). Иными словами, только установив, что объект способен к обороту, можно ставить (следующий, другой) вопрос о том, насколько свободно он может обращаться; соответственно, отсутствие у объекта такого свойства, по сути, тождественно констатации «нулевой» степени его свободы в обороте, что с точки зрения правоведения вряд ли можно считать выводом, имеющим весомое значение.

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. М., 2003. С. 130–131; *Его же*. Гражданское право. Т. II. М., 2011. С. 280.

² См.: Белов В. А. Гражданское право. Т. II. С. 280.

³ См.: Там же. С. 278.

Так же по критерию свободы объектов в обороте, а именно в зависимости «от возможности свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому» делит объекты гражданских правоотношений на оборотоспособные и необоротоспособные И. А. Зенин. Аналогично В. А. Белову к необоротоспособным он относит объекты, «по прямому указанию закона» изъятые из оборота, характеризуя подобным образом и ограниченно оборотоспособные объекты, считая оборотоспособными, таким образом, только полностью свободные в обороте вещи и имущественные права¹. Наряду с уже сказанным относительно критерия рассматриваемой классификации и характеристики изъятых из оборота объектов, серьезные сомнения вызывает обоснованность отнесения к числу необоротоспособных тех объектов, оборот которых все же возможен и допустим, хоть и при наличии специального разрешения либо особого субъектного состава, то есть ограниченно оборотоспособных объектов. Учитывая изложенное, несмотря на изначально методологически верный подход, полагаем, что позиция И. А. Зенина в большей степени заслуживает критики, чем поддержки.

Не вполне логичными представляются и суждения М. А. Астаховой, которая, анализируя проблему оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности, оправданно выделяет в отдельную группу необоротоспособные права, но при указании на основание дифференциации отмечает, что «*наличием оборотоспособности* (курсив наш. – Ю. В.) характеризуется целый ряд прав, однако объем этой оборотоспособности весьма неоднороден»². На наш взгляд, приведенное замечание корректно лишь относительно двух других выделяемых данным ученым групп прав – свободно оборотоспособных и ограниченно оборотоспособных, но никак не *необоротоспособных* прав.

Недостаточно ясной осталась для нас позиция В. В. Байбака, который отмечает, что «в гражданском же праве такое свойство (оборотоспособности. – Ю. В.) присуще лишь *объектам гражданских прав*»³. Буквальное прочтение данной фразы дает основание для логического вывода, что, по мнению ее автора, все объекты гражданских прав обладают данным свойством. Более того, начиная рассуж-

¹ См.: Зенин И. А. Указ. соч. С. 118–119.

² См.: Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... С. 15.

³ Байбак В. В. Указ. соч. С. 42.

дения с указания: «ГК РФ *определяет* (здесь и далее курсив наш. — Ю. В.) оборотоспособность как способность объекта гражданских прав *свободно* отчуждаться и переходить от одного лица к другому (п. 1 ст. 129)»¹, В. В. Байбак, как можно заключить, не только усматривает наличие в российском гражданском праве легального определения понятия «оборотоспособность», но и признает все объекты гражданских прав свободными в обороте. Насколько верны приведенные умозаключения, можно лишь предполагать. Но если они все же верны и В. В. Байбак действительно считает все объекты гражданских прав оборотоспособными, неясно, какое место в системе объектов гражданских прав он отводит необоротоспособным и изъятым из оборота обязательственным требованиям, существования которых ученый не отрицает².

Отстаивая классификацию объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности на оборотоспособные и необоротоспособные, особо необходимо оговориться о том, в чем усматривается юридическое значение такого деления. Представляется, что помимо правового режима отдельных видов объектов (который, повторим, и лежит, по нашему мнению, в основании принятого деления объектов на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота), *таким свойством объектов, как их оборотоспособность детерминирован вид правоотношений, которые могут складываться по поводу тех или иных видов объектов*. Указанием на правовой режим определенного объекта последний вопрос, на наш взгляд, не решается. Полагаем, что необоротоспособные объекты гражданских прав могут выступать объектом только охранительных гражданских правоотношений (о чем свидетельствуют, в частности, положения п. 2 ст. 2, ст. 1225 ГК РФ³), в то время как по поводу оборотоспособных объектов могут складываться как охранительные, так и регулятивные гражданские правоотношения.

¹ См.: Байбак В. В. Указ. соч. С. 36.

² См.: Там же. С. 37, 38. Справедливости ради, следует отметить, что в свете новой редакции ст. 129 ГК РФ ученый, возможно, хотя бы частично изменил свою позицию.

³ Согласно первой из указанных норм, «нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»; ст. 1225 ГК РФ гласит о том, что «интеллектуальная собственность *охраняется* законом» и содержит перечень результатов творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым «предоставляется *правовая охрана*».

Детальное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей работы, в связи с чем позволим себе ограничиться некоторыми общими замечаниями. Признавая необходимость градации гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные и разделяя в понимании последних позицию представителей ярославской цивилистической школы, полагаем, что специфика охранительного субъективного права заключается в том, что оно обладает способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право¹. Данный, сформулированный в предельно общем виде, вывод покоится на понимании «должного» как *требования к воле другого лица*, в связи с чем обязанный субъект в регулятивном правоотношении имеет свободу выбора – представить или нет «предъявляемое ему извне веление *предметом собственной воли* (курсив наш. – Ю. В.), сознательного размышления и

¹ См.: Крашенинников Е. А. Право на защиту // Методологические вопросы теории правоотношений. Ярославль, 1986. С. 7; Его же. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 4; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 55. К числу сторонников данной позиции можно отнести А. Б. Бабаева и В. А. Белова (см.: Бабаев А. Б., Белов В. А. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 258–263). Следует заметить, что в отечественной цивилистике более традиционной является иная точка зрения – что любое субъективное право способно к принудительному осуществлению. Основываясь на ней, Д. Н. Кархалев отмечает, что субъективному охранительному праву на защиту (до момента нарушения являвшемуся правомочием на защиту) противостоит охранительная обязанность по восстановлению нарушенного права (см.: Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 30–31). Причем признаком, свидетельствующим о самостоятельности охранительного обязательства, по мнению ученого, является «возможность его *нарушения*», что влечет возникновение нового охранительного правоотношения, направленного на обеспечение защиты первого правоотношения (см.: Там же. С. 31–32). Представляется, что подобное понимание охранительных прав, как минимум, лишено практической значимости, поскольку предполагает бесконечное «наслоение» все новых и новых охранительных правоотношений, явившихся следствием нарушения одного регулятивного субъективного права, – конструкцию, *a priori* не способную обеспечить управомоченному лицу реализацию предоставленной ему возможности в отношении определенного блага. По этой причине данная позиция заслуживает критической оценки и не может, по нашему мнению, претендовать на концепцию, предлагающую адекватное и актуальное понимание охранительных прав.

самостоятельного решения»¹, иными словами, исполнить предъявляемое к нему требование или отступить от него. Исходя из этого, юридическая обязанность как мера должного поведения может быть исполнена только добровольными действиями; принуждение в отношении обязанного невозможно². Если же обязанный субъект не исполнил свою обязанность, происходит нарушение права управомоченного лица либо его охраняемого законом интереса, однако в этом случае возникает притязание, которое кардинально меняет характер нарушенного правоотношения и дает управомоченному либо возможность принуждения, либо возможность его односторонних действий³.

С изложенных позиций предоставленное законом лицу субъективное право требования в отношении определенного объекта будет реализовываться различно не столько исходя из того, каков правовой режим данного объекта, сколько в зависимости от того, содержание какого – регулятивного либо охранительного – правоотношения данная правовая возможность составляет. Представляется, что легально установленные возможности субъектов в отношении необоротоспособных объектов всегда имеют характер притязаний в том смысле, что обладают способностью принудительного осуществления. Впрочем, данный тезис нуждается в дальнейшем осмыслении и развитии.

Дополнительного исследования требует и такой ключевой (особенно – в рамках настоящей работы) вопрос, как *понятие оборота*, к которому «способны» либо «не способны» отдельные виды объектов. В российской цивилистической доктрине этот вопрос является открытым; более того, в контексте проблемы оборотоспособности объектов гражданских прав, равно как и проблемы определения понятия «гражданский оборот» учеными он, как правило, даже не ставится. Вместе с тем, повторим, в литературе высказана позиция о связи категории «оборотоспособность объектов гражданских прав» с понятием не *гражданского*, а *экономического оборота*⁴.

¹ См.: Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 47.

² См.: Там же. С. 46–47; См. также: Шемчук О. А. О некоторых особенностях гражданско-правовых обязанностей // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Иркутск, 2012. С. 171.

³ См.: Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 39–40, 53.

⁴ Ср.: Белов В. А. Гражданское право. М., 2003. С. 129; Его же. Гражданское право. Т. II. М., 2011. С. 278–280.

В данной связи следует заметить, что в российском гражданском законодательстве понятие «гражданский оборот», а точнее, соответствующее ему выражение используется в основном (более 20-ти раз) в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященной интеллектуальной собственности, в частности, в уже указанных выше нормах, содержащих такое словосочетание, как «введение (объектов) в гражданский оборот» (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ). Для сравнения, в части первой ГК РФ, закрепляющей общие положения, оно содержится в тексте лишь восьми норм, более половины из которых принята только в 2013–2014 гг.¹

Так, уже привычным является упоминание гражданского оборота в нормах: п. 2. ст. 15 ГК РФ «Возмещение убытков» – при определении упущенной выгоды (как неполученных доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено); п. 1. ст. 2 ГК РФ «Отношения, регулируемые гражданским законодательством», согласно которому гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота. Выражение «участники гражданского оборота» содержится также в нормах п. 1 ст. 1192 (часть третья ГК РФ), а с принятием федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ [вступил в силу 30 июня 2013 г.] – в абз. 3 п. 2 ст. 51 ГК РФ. В рамках сложившегося словоупотребления («участие в гражданском обороте», «обычные условия гражданского оборота») получил закрепление рассматриваемый термин в ряде норм, введенных федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ [вступил в силу 1 сентября 2014 г.] – п. 4 ст. 49, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 (новой) ГК РФ.

Новеллами, введенными федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ [вступил в силу 1 октября 2013 г.], являются правила, посвященные защите нематериальных благ (чести, достоинства, дело-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30 июня 2013; О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013; О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 5 мая 2014.

вой репутации, изображения и частной жизни гражданина) и устанавливающие, что изъятию и уничтожению без какой бы то ни было компенсации подлежат изготовленные *в целях введения в гражданский оборот* экземпляры материальных носителей, которые содержат сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2).

Что касается нормы п. 1 ст. 129 ГК РФ, на основании формально-логического анализа которой, повторим, в доктрине и формулируют определения понятия оборотоспособности объектов гражданских прав, а также определения самого гражданского оборота, то в ней выражение «гражданский оборот» не используется; не содержится в нормах данной статьи (равно как и в нормах российского гражданского законодательства в целом) и термина «экономический оборот».

Буквально норма п. 1 ст. 129 ГК РФ ныне гласит: «Объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте». Если исходить при формально-логическом толковании приведенной нормы (учитывая название статьи, в которой она закреплена) из традиционного в российской цивилистике разграничения понятий «гражданский оборот» и «экономический оборот» и связанного с этим постулата, что объектом гражданского оборота являются субъективные права (и обязанности), следует признать, что несмотря на использование термина «оборот», в ст. 129 ГК РФ имеется в виду именно гражданский оборот. В частности, согласно названию данной статьи – «Оборотоспособность объектов гражданских прав», она закрепляет правила *оборотоспособности* объектов гражданских прав; а поскольку это делается посредством установления *возможности отчуждения* или *перехода* объектов, при том что такое отчуждение или переход могут осуществляться в порядке *правопреемства*, логически следует вывод о том, что под оборотом в данном случае понимается переход прав (а не самих благ), то есть с позиций отмеченного противопоставления гражданского обо-

рота экономическому, действительно, гражданский (а не экономический) оборот объектов¹.

Однако означает ли это, что подобным образом (как *гражданский* оборот) следует трактовать термин «оборот», содержащийся в тексте других норм ГК РФ (п. 1 ст. 133, ст. 133.1, п. 2 ст. 152.1, подп. 2 п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 209, п. 1 ст. 260, ст. 357, п. 1 ст. 401 и др.)? Полагаем, что не всегда.

Отмеченное понимание термина «оборот» допустимо, как представляется, например, при толковании положений п. 1 ст. 133, ст. 133.1 ГК РФ, посвященных таким видам объектов гражданских прав, как неделимые вещи и единый недвижимый комплекс и содержащих выражения: «вещь... выступает в обороте как единый объект вещных прав», «вещью, участвующей в обороте как единый объект». Ввиду прямой отсылки к ст. 129 ГК РФ так же в значении гражданского оборота используется термин «оборот» в норме п. 3 ст. 209 ГК РФ, устанавливающей, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (статья 129) осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц». В системной связи с положениями ст. 129 ГК РФ следует толковать и правило п. 1 ст. 260 ГК РФ о том, что распоряжение земельным участком допускается постольку, «поскольку соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте». Исходя из формулировки нормы абз. 1 п. 2 ст. 15 ГК РФ, в частности, принимая во внимание содержащееся в ней выражение «обычные условия *гражданского* оборота», аналогичным образом – как гражданский оборот – следует трактовать, по нашему мнению, термин «оборот» в словосочетании «условия оборота», используемом в тексте правил абз. 2 п. 2 ст. 179, абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

В то же время иным, на наш взгляд, является смысл термина «оборот» в норме п. 2 ст. 152.1 ГК РФ, которая гласит: «Изготовленные в целях введения в *гражданский оборот*, а также находящиеся в

¹ Следует отметить, что в литературе высказана и иная позиция на сей счет. Так, анализируя «предписания ст. 129 ГК», В. А. Петрушкин заключает, что они свидетельствуют о синонимичности терминов «оборот» и «гражданский оборот». В качестве аргумента ученый пишет: «Такой вывод следует, в частности, из того, что речь в отмеченной статье идет об обороте именно объектов гражданских прав» (см.: *Петрушкин В. А. Указ. соч. С. 15*).

обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из *оборота* и уничтожению без какой бы то ни было компенсации». Представляется, что формулировка приведенной нормы, а именно, одновременное использование в ее тексте и термина «оборот», и выражения «гражданский оборот» дает основание для вывода о необходимости разграничения как самих указанных терминов, так и соответствующих им понятий. В противном случае (при их отождествлении), логично предположить, что формулировка данного правила была бы иной: «Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в нем...».

Однако в этом случае возникает вопрос о содержательном наполнении понятия «оборот»: в частности, следует ли трактовать его как (фактический) «экономический оборот» (самых объектов)? Полагаем, что да. Прежде всего, потому, что в самой рассматриваемой норме прямо говорится об изъятии *материальных* объектов, в то время как объектами гражданского оборота (которые можно было бы изъять из него), согласно общепринятому пониманию, являются *субъективные права*. Вывод о необходимости понимания термина «оборот» в п. 2 ст. 152.1 ГК РФ как *экономического* оборота следует, по нашему мнению, и при возможной интерпретации изъятия из оборота таким образом, что изъятие (самых) объектов осуществляется наряду с изъятием прав на них. При этом мы исходим из того очевидного обстоятельства, что «изъять» из гражданского оборота можно лишь то, что в нем *находится*, то есть, повторим, субъективные права. Однако права на объекты, о которых идет речь в анализируемой норме (тиражируемые и распространяемые экземпляры материальных носителей, *неправомерно* содержащих «чужое» изображение), изначально порочны, в связи с чем, следуя терминологии ГК РФ (в частности, п. 2 ст. 1274, ст. 1344), их нельзя признать «правомерно введенными в гражданский оборот»¹ и, соответственно, правомерно в

¹ Хотя, как уже отмечалось в начале настоящей работы, с точки зрения понимания гражданского оборота как оборота субъективных прав и обязанностей сомнительным является сам вопрос о «правомерном» или «неправомерном» введении (объектов) в гражданский оборот: либо фактическое действие субъекта по введению определенного объекта в гражданский оборот влечет соответствующий правовой результат – «введение», суть, появление в гражданском обороте нового, ранее отсутствовавшего в нем

нем находящимися. Грубо говоря, подобные права являются «неправомерными», в силу чего их вообще вряд ли можно считать частью гражданского оборота и, следовательно, подлежащими и способными к «изъятию» из него.

Таким образом, посредством формально-логического толкования отдельных норм российского гражданского законодательства один и тот же термин – «оборот» – может быть интерпретирован различно: и как гражданский оборот, и как экономический оборот. При этом однозначно и категорично утверждать, что именно то или иное его понимание является подлинным, по нашему убеждению, невозможно, в связи с чем справедливо замечание о том, что формально-логический метод служит средством «получения правильного, а не истинного научного знания»¹.

Какое, например, значение будет иметь термин «оборот» в норме подп. 2 п. 2 ст. 178 ГК РФ, устанавливающей, что достаточно существенным предполагается заблуждение (под влиянием которого совершена оспариваемая сделка), если «сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в *обороте* рассматриваются как существенные»? Где именно рассматриваются качества предмета сделки как существенные, и какие доводы должен привести субъект, оспаривающий сделку по данному основанию, на наш взгляд, не является очевидным. Равно как не вполне ясно, как следует толковать термин «оборот» в тексте правил ст. 357 ГК РФ «Залог товаров в обороте» (в частности, п. 2 данной статьи – в выражении «товары в обороте, отчужденные залогодателем»).

Отмеченная содержательная неоднозначность, а порой – неопределенность отдельных законодательных положений приводит к тому, что понимание категории «гражданский оборот», основанное на применении формально-логической методологии, напротив, скорее оказывается интуитивным, нежели логически обоснованным. Как следствие, в равной мере допустимыми являются трактовки гражданского оборота и как *совокупности* относительных *отношений*, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому², и как со-

права (обязанности), либо не влечет его ввиду неправомерности поведения действующего субъекта.

¹ См.: Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 23; Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 11.

² Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 96.

вокупности актов передачи прав¹, и как перехода или изменения в установленном законом порядке прав на те или иные объекты², и как процесса перехода самих объектов гражданских прав³. Но при таких обстоятельствах размываются не только границы самого понятия «гражданский оборот»; это колеблет общую систему цивилистических категорий, элементом которой данное понятие выступает.

Стремление найти выход из сложившейся познавательной ситуации, оставаясь при этом в рамках догмы, равносильно движению по замкнутому кругу: представители науки пытаются *объяснить* значение выражений (и соответствующих им понятий) «оборот», «гражданский оборот», избирая в качестве исходного то или иное нормативное установление, в то время как законодатель, в задачи которого, как уже отмечалось, не входит обязательное определение используемых *правовых понятий*, полагается в решении данного вопроса на доктрину, ожидая приемлемых дефиниций от ученых. Но поскольку на сегодняшний день такие дефиниции различны, использование в законе и интерпретация на практике тех или иных терминологических оборотов по интересующей нас проблеме являются произвольными.

Учитывая изложенное, следует заключить, что определения гражданского оборота, выводимые путем формально-логического анализа норм позитивного права, не могут способствовать дальнейшему развитию учения о гражданском обороте, поскольку при таком подходе главной задачей исследователя становится приведение к «общему знаменателю» существующих законодательных положений, содержащих выражение «гражданский оборот» и иные семантически близкие ему термины. Однако несогласованность таких норм, усугубляемая вариативностью смысла термина «оборот», делает указанную задачу трудновыполнимой, убеждая в неэффективности использования при исследовании гражданского оборота «махрового юридического позитивизма» (выражение В. М. Сырых⁴) и связанного с последним формально-логического метода.

¹ Туктаров Ю. Е. Указ. соч. С. 113–114.

² Ельникова Е. В. Указ. соч. С. 12, 25.

³ Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 34.

⁴ См.: Сырых В. М. Материалистическая философия частного права. М., 2014. С. 6.

§ 4. Категория правовой формы как методологическое основание концепции гражданского оборота

Как уже было отмечено, одним из постулатов, прочно укоренившихся в отечественной цивилистике, является тезис о том, что гражданский оборот следует понимать как правовую (юридическую) форму экономического оборота.

Представляется очевидным, что при таком подходе одной из ключевых категорий, лежащих в основании концепции гражданского оборота, выступает категория правовой формы. Следует пояснить, что, разделяя позицию Д. А. Керимова, под «основанием» в данном случае мы понимаем «некое базисное знание о соответствующих объектах, выступающее как начало научной системы, как отправной пункт в их дальнейшем исследовании»¹.

Исходя из этого, построение концепции гражданского оборота, осуществляемое с привлечением категории правовой формы, обуславливает необходимость предварительного определения содержания самой категории «правовая форма», поскольку от той или иной ее трактовки как отмеченного «отправного пункта» зависит и понимание гражданского оборота.

В отечественной юриспруденции понятие «правовая форма» (и отражающий его термин) является широко используемым: так, по соответствующему поисковому запросу в электронном каталоге юридической научной библиотеки «Спарк» было обнаружено 2408 релевантных работ (ноябрь 2014 г.). При этом, как показал анализ таких работ, крайне обширной является не только предметная сфера употребления (отраслевая «принадлежность») данного понятия, но и его контекстный диапазон.

В частности, к термину «правовая форма» отечественные ученые прибегают в рамках исследований по общей теории и истории права²,

¹ См.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 96.

² См., например: Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Калентьева Т. А. Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000; Рябко А. И. Социальный контроль и его правовые формы: Вопр. теории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

международному публичному¹ и частному² праву, по конституционному³, финансовому⁴, гражданскому и предпринимательскому⁵, жи-

¹ См., например: *Соколов В. А.* Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами. Саратов, 1965.

² См., например: *Дроздов-Тихомиров А. А.* Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выраженные в форме правовых принципов // Закон. 2009. № 8. С. 192–203; *Кудашкин В. В.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка // Законодательство и экономика. 2004. № 3. С. 64–77; *Седова Ж. И.* Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных экономических отношений. Пермь, 2003; *Секинаева З. А.* Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2009. № 3 (18). С. 149–156.

³ См., например: *Королева И. Н.* Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Гулордава Д.* Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления // Право и жизнь. 2002. № 48. С. 338–344; *Мирская О. А.* Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 3. С. 35–36.

⁴ См., например: *Артеменко Н. В.* Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика. Ч. 5. Иркутск, 2009. С. 33–35; *Грачева Е. Ю.* Правовая форма финансового контроля // Финансовое право. 2003. № 3. С. 3–6; *Маркелов В. В.* Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации // Финансовое право. 2004. № 4. С. 38–41; *Фролова Е. Е.* Правовые формы и содержание государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 160–164.

⁵ См., например: *Асосков А. В.* Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003; *Натарова О. А.* Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг // Закон и право. 2009. № 12. С. 71–74; *Попондопуло В. Ф.* Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования // Правоведение. 2013. № 2. С. 79–92; *Томилова Л. Н.* Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; *Чаркин С. А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая

лищному¹, природоресурсному², административному³ праву, уголовному и уголовно-исполнительному праву и криминологии⁴, криминалистике⁵.

Сообразно этому, в соответствующих (отраслевых) исследованиях российские ученые употребляют такие словосочетания, как «конституционно-правовая форма»⁶, «административно-правовая форма»⁷,

форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятельность // Ученые записки. Волгоград, 2010. № 10. С. 380–386.

¹ См., например: *Суслова С. И.* Жилищные отношения и их правовые формы. М., 2013.

² См., например: *Налетов К. И.* Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

³ См., например: *Матвеев С. П.* Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 9–12.

⁴ См., например: *Пленкин Ю. В.* Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

⁵ См., например: *Докучаев О. О.* Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 3 (27). С. 109–113; *Его же.* Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4 (28). С. 48–51.

⁶ См., например: *Гударенко Р. Ф.* Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество. Ставрополь, 2010. С. 163–170; *Назарова И. С.* Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатирования института народного представительства // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 116–119.

⁷ См., например: *Василевская Д. В.* Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 205–208; *Зеленцов А. Б.* Обращения граждан как административно-правовая форма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2003. № 1. С. 5–15.

«уголовно-правовая форма»¹, «международно-правовая форма»², «гражданско-правовая форма»³.

Наряду с указанными, в отечественной юридической литературе широко используется термин «организационно-правовая форма», не имеющий, как можно увидеть, строгой отраслевой «привязки»⁴.

¹ См., например: *Бязров В. Г., Козаев Н. Ш.* Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования // Конституция и проблемы укрепления законности. Владикавказ, 2011. С. 164–176.

² См., например: *Альтшулер А. Б.* Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 54–65; *Самакэ Исса.* Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1971. *Стоякин С. Г.* Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств // Аспирант и соискатель. 2005. № 2. С. 83–93.

³ См., например: *Буланов Р. Ю.* Гражданско-правовая форма экономических свойств денег // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2009. № 2. С. 60–66; *Волюнкина М. В.* Гражданско-правовая форма инновационной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; *Ершов О. Г.* Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск, 2011; *Его же.* Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск, 2012; *Кузнецова А. С.* Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. Хабаровск, 2009. С. 40–42; *Попов В. К.* Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1983; *Ушницкий Р. Р.* Гражданско-правовая форма корпоративного отношения : дис. ... канд. юрид. наук. Якутск, 2013.

⁴ См., например: *Алексеев Д. Б.* Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 182–187; *Аристаков Ю. М.* Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. М., 1989. С. 63–66; *Белокрылова О.* Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутривозвращенного распределения фонда накопления // Хозяйство и право. 1994. № 1. С. 54–59; *Винницкий А. В.* Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования // Современное право. 2010. № 11. С. 70–75; *Ермошин Г. Л.* Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. № 6. С. 10–16; *Калинова К. В.*

Отдельные авторы оперируют также такими терминами, как «государственно-правовая форма»¹; «нормативно-правовая форма»², «социально-правовая форма»³, «экономико-правовая форма»⁴; «негаторно-правовая форма»⁵, «социалистические правовые формы»⁶.

Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база // История государства и права. 2014. № 14. С. 34–37; Курбатов А. Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица // Хозяйство и право. 2008. № 4. С. 105–124; Смольянинов Е. С. Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Эстулин И. В. Указ. соч.

¹ См., например: Левин И. Д. Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР // Вопросы советского государства и права. 1957. С. 213–268; Муртаза-Оглы Ф. А. Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса // Вопросы теории права и государственного строительства. Вып. 3. Томск, 1979. С. 69–75.

² См., например: Махина С. Н. Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества // Правовая наука и реформа юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества. Вып. 19. Воронеж, 2006. С. 98–116.

³ См., например: Кудряшова О. А. Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6 (223), вып. 25. С. 54–57; Токарева Е. В. Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012.

⁴ См., например: Гриценко Е. А., Марченко О. С. Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности // Актуальные проблемы формирования правового государства. Харьков, 1990. С. 142–143; Лебединец О. Н. Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного // Актуальные проблемы частного и публичного права. Волгоград, 2013. № 5. С. 68–74.

⁵ См., например: Борякова С. А. Негаторно-правовая форма защиты права собственности // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. М., 2010. С. 81–85.

⁶ См., например: Шварц Х. Д. Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права // Основы

Изложенное свидетельствует о том, что в области (общественных) юридических наук *категория «правовая форма»* (отражаемая в соответствующем ей термине) применима к исследованию явлений, составляющих предмет различных отраслей правоведения, исходя из чего, можно утверждать, что она *является межотраслевой*.

Обширным является не только область употребления рассматриваемого понятия, но и спектр иных юридически значимых категорий, анализируемых через призму данного понятия (иными словами, *что* выступает в качестве правовой формы). Как правовую форму отечественные правоведы рассматривают, в частности, следующие явления: секундарные права, публичные ограничения и частные обременения гражданских прав, кредиторские обязанности, гражданско-правовой режим, гражданско-правовое значение, охраняемые законом интересы, взаимосвязи правовых явлений, отрицательные правовые формы (состояния отсутствия), коллективные правовые формы, гражданско-правовые связи с участием так называемых третьих лиц¹; договоры (соглашения)², в том чис-

немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. М., 1995. С. 102–112.

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Т. I. С. 320–321.

² См., например: Братусь С. Н. Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями // Советское государство и право. 1953. № 2–3. С. 74–88; Быковский В. К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 36–38; Галлов В. В., Зинченко С. А., Ломидзе О. Г. Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства // Закон. 2007. № 2. С. 65–72; Горбунов М. П. Договор как правовая форма хозяйственной инициативы // Правоведение. 1979. № 2. С. 76–81; Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления // Право и политика. 2007. № 9. С. 14–19; Машанский С. Е. Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции // Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии. М., 1975. С. 133–135; Монкявичюс Э. А. Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР // Правовые вопросы межхозяйственной кооперации. М., 1980. С. 51–58; Натарова О. А. Указ. соч.; Попондопуло В. Ф. Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства // Правоведение. 2007. № 6. С. 255–268; Пратьков Д. Ю. Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 136–141.

ле международные¹, а также понуждение к заключению договора²; гражданскую правосубъектность³; гражданское правоотношение⁴; доверительное управление⁵; банковскую гарантию⁶; казенное предприятие⁷; контроль⁸; надзор⁹; гражданство¹⁰; плебисцит¹¹;

¹ См., например: *Секинаева З. А.* Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 3 (18). С. 149–156; *Шуршалов В. М.* Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма // Советский Союз и международные договоры. Вып. 8. М., 1980. С. 42–55.

² См., например: *Хохлов С. А.* Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах // Антология уральской цивилистики, 1925–1989. М., 2001. С. 228–241.

³ См., например: *Красавчиков О. А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма; *Белов В. А.* Гражданское право. Т. I. С. 320.

⁴ См., например: *Красавчиков О. А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения; *Белов В. А.* Гражданское право. Т. I. С. 320.

⁵ См., например: *Беневоленская З. Э.* Доверительное управление как правовая форма распоряжения имущества // Закон. 2005. № 12. С. 85–98.

⁶ См., например: *Пометихина С. И.* Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 144–147.

⁷ См., например: *Куликова А. А.* Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2014.

⁸ См., например: *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987; *Докучаев О. О.* Контроль и запись переговоров как правовая форма ...

⁹ См., например: *Беляев В. П.* Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2000.

¹⁰ См., например: *Четвериков А. О.* Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС // Lex Russica. 2010. № 4. С. 860–872; *Чунаев К. Г.* Гражданство как правовая форма существования государства // Юридическая теория и практика в истории и современной России. М., 2010. С. 150–160.

¹¹ См., например: *Волова И. В.* Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. Ростов н/Д, 1967. С. 18–19.

регламенты¹; предписание²; стандарты³; документы⁴; (государственную) регистрацию⁵; иностранные инвестиции⁶; изоляцию осужденных⁷.

Таким образом, в качестве правовой формы учеными рассматриваются самые различные явления, бесконечное многообразие которых обуславливает возможность их систематики, на наш взгляд, лишь с позиций того, явлениями какого – *фактического* (реального) либо *правового* (идеального) порядка они являются.

В отличие от этого вопрос о том, правовой формой чего выступает то или иное явление, решается в доктрине относительно единообразно. Можно, конечно, встретить работы, в которых исследуют, например, правовые формы презумпций⁸. Однако в основном предмет научного интереса составляют:

¹ См., например: Королева И. Н. Указ. соч.; Матвеев С. П. Указ. соч.; Трунина Е. В. Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля // Право и экономика. 2012. № 1. С. 53–59.

² См., например: Ульянов И. А. Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов // Законодательство. 2011. № 2. С. 40–48.

³ См., например: Савицкая А. Н. Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения. Свердловск, 1978. С. 61–62; Семякин М. Н. Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978.

⁴ См., например: Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде. М., 2000.

⁵ См., например: Илезов М. Б. Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере // История государства и права. 2008. № 22. С. 11–14; Пойминова Я. В. Государственная регистрация прав как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы // Нотариус. 2009. № 3. С. 36–39.

⁶ См., например: Денчик Н. Иностранные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей // Хозяйство и право. 1996. № 6. С. 47–56.

⁷ См., например: Пленкин Ю. В. Указ. соч.

⁸ См., например: Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006.

– правовая форма (определенной) *деятельности*: государственной¹, бюджетной², надзорной³, инновационной⁴, правотворческой⁵, управленческой⁶;

– правовая форма (общественных) *отношений*⁷.

Анализируя доктринальные источники по рассматриваемому вопросу, можно также заметить, что нередко выражение «*правовая форма*» используют вместо иных обычно употребляемых в науке гражданского права терминов, в частности таких, как «*организационно-правовая форма*» юридических лиц⁸, «*форма*» сделки (договора)⁹;

¹ См., например: *Беляев В. П.* Указ. соч.; *Фридман В. С.* Правовая форма государственной деятельности // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник 2001. СПб., 2002. С. 289–312.

² См., например: *Маркелов В. В.* Указ. соч.

³ См., например: *Назаров С. Н.* Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма. Ростов н/Д, 2005; *Его же.* Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности // Северокавказский юридический вестник. 2006. № 4. С. 16–29.

⁴ См., например: *Волынкина М. В.* Указ. соч.

⁵ См., например: *Марченко Ю. В.* Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5 (63). С. 20–26.

⁶ См., например: *Илезов М. Б.* Указ. соч.; *Колокольцев А. Н.* Указ. соч.

⁷ См., например: *Белов В. А.* «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1. С. 6–16; *Суслова С. И.* Указ. соч.; *Суханов Е. А.* Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правоведения. М., 1994. С. 46–57; *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006. С. 23.

⁸ См., например: *Бакишинская В. Ю.* Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; *Дрыга М. А.* Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом // Юридический вестник РГЭУ. 2004. № 3. С. 56–60; *Куликова Т. В.* Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М., 2003. С. 501–507; *Лехтинен Л.* Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России // Хозяйство и право. 1995. № 8. С. 55–60; *Чаркин С. А.* Указ. соч.; *Его же.* Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав. Кострома, 2009. С. 18–19.

⁹ См., например: *Илюшина М. Н.* Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок // Вестник Российской правовой академии. 2007.

либо, напротив, термины «правовая форма», «организационно-правовая форма» заменяют словом (просто) «форма»¹.

Кроме того, представляется возможным выделить в отдельную группу многочисленные работы, авторы которых используют выражение не «правовая», а «юридическая форма»². Оставляя за рамками настоящей работы разбор соотношения данных терминов и соответствующих им понятий, можно констатировать, что в цивилистической литературе они, как правило, отождествляются (полагаем, вследствие семантически оправданного³ отождествления терминов

№ 2. С. 49–51; *Пак А. Б.* Правовая форма завещания // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества. Омск, 2009. С. 253–261; *Харитонов А. В.* Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения. Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. Уфа, 2009. С. 184–188.

¹ См., например: *Кузин А. В., Финогентова О. Е.* Товарищество как форма юридического лица. История и современность // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Вып. 1. М., 2006. С. 55–58.

² См., например: *Алгазинова Е. Э.* Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory). Воронеж, 2007. С. 390–396; *Бабайцева Е. А.* Коммерческая организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004; *Гена Е. И.* Собственность граждан и юридические формы ее реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Землянухина С. Г., Землянухина Н. С.* Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу // Экономический анализ права. Пермь, 2003. С. 147–154; *Конобеевская И. М.* К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса. Саратов, 2009. С. 159–161; *Попов А. В.* Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; *Самаркин К. И.* Юридические формы осуществления права на жилище // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 199–203; *Тонков Е. Е.* Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. М., 2009; *Чемагина Н. А., Ямбушев Ф. Ш.* Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации // Научные исследования высшей школы. Тюмень, 2004. С. 15–16.

³ «Юридический – относящийся к праву, правовой» (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 915).

«правовой» и «юридический»¹). Так, и признанный авторитет в данном вопросе О. А. Красавчиков в названии одной из своих работ использует выражение «юридическая форма» («Гражданское правоотношение – *юридическая* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) форма общественного отношения»), а другой – «правовая форма» («Гражданская правосубъектность как *правовая* форма»). Аналогичным образом В. Ф. Яковлев, отмечая, что российское право выступает единой *юридической* формой общественных отношений, при этом уточняет (в сноске), что «в данном случае термин “*правовая* форма”» употребляется в том значении, «когда все право рассматривается в качестве формы общественных отношений»².

Изложенное позволяет сделать еще один вывод, связанный с пониманием категории «правовая форма»: *четкое отграничение ее от иных смежных понятий* («юридическая форма», «организационно-правовая форма», «форма»), и, таким образом, *единообразное понимание данной категории* в отечественной доктрине *отсутствует*³. Можно предположить, что вызвано это:

¹ Впрочем, отдельные представители иных отраслей правоведения, в частности общей теории права, анализируя вопрос о юридической форме, термины «юридический» и «правовой» противопоставляют. Например, Г. М. Лановая рассуждает о соотношении юридической формы и «правового содержания» и использует при этом такой термин, как «*юридическое право*» (см.: Лановая Г. М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. 2010. № 6. С. 25). Для цивилиста, возвращенного на постулатах древнеримского права и отчетливо усматривающего в этимологическом основании термина «юридический» древнеримское «*ius, iuris*» – «право», подобное словоупотребление представляется не только тавтологичным, но и, действительно, парадоксальным, даже принимая во внимание замечание С. С. Алексеева о возможности существования наряду с правовыми законами неправовых законов и, «стало быть,.. “неправового права” – несправедного, не отвечающего высоким требованиям гуманистического правопонимания» (см.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 239).

² Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 23. Данному значению правовед противопоставляет смысл термина «форма», используемого для обозначения «формы самого права как самостоятельного общественного явления, имеющего также и свое содержание» (см.: Там же).

³ На то, что понятие правовой формы не имеет единого общепризнанного содержания, указывалось в отечественной юридической литературе и ранее (см., например: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988. С. 174). При этом, по замечанию Р. О. Халфиной, термин «правовая форма» применялся в различных смыслах – как вся совокупность правовых

– во-первых, общим невниманием ученых, особенно современных, к вопросу о значении тех или иных терминов и (или) пренебрежением требованием необходимости их вдумчивого, корректного употребления;

– во-вторых, тем, что в подавляющем большинстве случаев категория правовой формы привлекается учеными для познания других юридически значимых явлений и, таким образом, не получает должного анализа ввиду того, что не является непосредственным предметом научного анализа.

В данной связи следует заметить, что исследованию собственно понятия «правовая форма» в современном правоведении посвящено крайне незначительное количество научных работ.

Из числа исследований *общетеоретического* характера – это лишь указанная выше диссертационная (кандидатская) работа Ю. Б. Батуриной «Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права» (М., 2001)¹. К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» обращалась также О. Н. Петюкова², рассматривавшая, однако, данный вопрос не «сам по себе», а в связи с исследованием другой научной проблемы – юридической формализации отношений советского государства и Русской православной церкви³.

Отчасти долгожданным «принцем», явившимся к категории правовой формы под «алыми парусами» (используя образное выражение О. А. Красавчикова⁴), можно считать В. А. Белова – автора

норм, как система права, норма права и т. п. (см.: *Халфина Р. О.* О правовой форме экономических отношений // Советское государство и право. 1965. № 7. Прим. 1; *Ее же.* Право как средство социального управления. С. 174).

¹ См также ее работу: *Батурина Ю. Б.* Понятие «правовая форма» // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М., 2003. С. 36–44.

² См.: *Петюкова О. Н.* К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» // Векторы развития современной России. Ч. 2. М., 2010. С. 292–296.

³ См.: *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011; *Ее же.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : монография. М., 2012. Анализу понятия «правовая форма», в частности, его соотношению с понятиями «форма права» и «источник права» в указанных работах посвящены § 1 гл. 1 диссертации, разд. 1.1. гл. 1 монографии.

⁴ Который в свое время заметил, что категория правовой формы «еще только ждет своего “принца”, который явится к ней под “алыми парусами”» (см.: *Красавчиков О. А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 16).

единственного в настоящее время *общего* учения о правовых формах в области *гражданского права*. «Отчасти» – именно в силу *отраслевого* характера отмеченного учения¹; во всем остальном концепцию данного ученого, на наш взгляд, следует признать наиболее полным, хотя и не лишенным недостатков учением о правовых формах, автор которой не только предлагает свою модификацию определения анализируемой категории и приводит развернутую классификацию правовых (гражданско-правовых) форм, но и подробно² рассматривает отдельные гражданско-правовые формы.

В рамках отраслевых исследований выводы и суждения по проблеме понимания правовых форм, во многом построенные на критическом анализе концепции В. А. Белова, содержатся также в монографии С. И. Суловой «Жилищные отношения и их правовые формы» (М., 2013).

Что касается предлагаемых дефиниций рассматриваемого понятия, то в частности Ю. Б. Батурина, предпринявшая наиболее обстоятельное общетеоретическое исследование категории правовой формы, определяет ее как «юридическую комплексную *категорию*³ (курсив наш. – Ю. В.)», осуществляющую опосредование различных неправовых общественных явлений нуждающихся в юридической регламентации, а также служащую каркасом внутри самого права, объединяющим (цементирующим) различные элементы входящие в право⁴, предлагая также определение правовой формы как объективно выраженной и устойчивой *связи* между составляющими право элементами (частями), а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации⁵. В правовой форме, по ее мнению, «выделяются две составляющих»: внутренняя правовая форма, «определяемая как объективная связь между различными эле-

¹ В то время как О. А. Красавчиков справедливо указывал на настоятельную необходимость всестороннего сущностного научного анализа категории правовой формы с общетеоретических позиций (см.: Там же).

² В четырехтомном (учебном) издании общим объемом 3888 страниц.

³ Полагаем, что правовая категория как понятие предельной степени общности, как «продукт мышления», «познавательный образ правовых явлений и процессов» (см.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 89) комплексной быть не может, даже если она отражает различные стороны (признаки) явления.

⁴ См.: Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство ... С. 8.

⁵ См.: Там же. С. 36.

ментами составляющими право», и внешняя правовая форма – «связь права с неправовыми явлениями, нуждающимися в юридической регламентации»¹.

Отмеченное выделение внешней и внутренней правовой формы в целом соответствует философскому подходу к пониманию такой (родовой) категории, как «форма», видовой по отношению к которой является понятие «правовая форма». Так, в философском энциклопедическом словаре соответствующий термин «форма» определяется двояко: 1) как «*внешнее* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания»; 2) как «*внутренне* строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его “аморфного” материала (материи), содержания или содержимого»². Аналогичным образом, в качестве некой «прописной истины» (о чем свидетельствует лаконичность изложения), освещается вопрос о многозначности понятия формы в учебной литературе по философии: «Часто под формой понимается способ внешнего выражения содержания, иногда при этом указывается, что форма к тому же есть относительно устойчивая определенность связи элементов (точнее, компонентов) содержания и их взаимодействия, тип и структура содержания»³.

Возвращаясь к вопросу об определении понятия «правовая форма», считаем необходимым привести также точку зрения О. Н. Петюковой: предложенное ею определение правовой формы государственно-конфессиональных отношений, как представляется, позволяет судить и об авторском понимании правовой формы в общем. Абстрагировавшись от того, что речь идет о государственно-конфессиональных отношениях, можно заключить, что под правовой формой она понимает *комплекс* многообразных *юридических средств*, осуществляющих правовую регламентацию и опосредование правом неких взаимоотношений⁴. При этом правовые формы

¹ См.: Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство ... С. 8.

² См.: Философский энциклопедический словарь. С. 489.

³ Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 380.

⁴ Правовая форма государственно-конфессиональных отношений определяется как «комплекс многообразных юридических средств, осуществляющих правовую регламентацию и опосредование правом взаимоотношений государства и религиозных объединений, реализуемый в виде определенной деятельности субъектов государственно-конфессиональных

(классифицируемые ученым в зависимости от функционального содержания государственной деятельности на правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную и контрольную формы) О. Н. Петюкова противопоставляет неправовым формам государственного воздействия¹.

Дефиницию *гражданско-правовой* формы формулирует В. А. Белов, полагая, что она представляет собой «результат научного анализа случаев оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в *утверждении* либо *отрицании* возможности и (или) необходимости определенного поведения участников этих отношений»². Правовые формы «как таковые» он понимает как «абстрактные родовые понятия, охватывающие собой все конкретные формы такого рода»³, причем понятия не просто правовые, но «одной только *правовой науки*»⁴. В круг явлений, подлежащих отнесению к разряду гражданско-правовых форм, ученый, как уже было отмечено выше, относит более десятка (а именно 12) категорий юридической науки⁵, выделяя наряду с этим восемь видов правовых форм, а именно: формы собственно отношений и формы иных явлений; абстрактные и конкретные формы; абсолютные и относительные правовые формы; положительные и отрицательные правовые формы; формы-эффекты прямого и обратного (рефлексивного) действия; формы-эффекты активного и пассивного действия права; эгоистические и альтруистические правовые формы; индивидуальные и коллективные правовые формы⁶.

С. И. Суслова в рамках анализируемого ею вопроса о правовых формах жилищных отношений авторское определение правовой формы не предлагает, избирая в качестве общего методологического основания своего исследования концепцию В. А. Белова. В то же время отдельные положения данной концепции она подвергает критике⁷,

правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур» (см.: Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. ... С. 58).

¹ См.: Там же. С. 59.

² Белов В. А. Гражданское право. Т. I. С. 319.

³ См.: Там же. С. 312.

⁴ См.: Там же. С. 320.

⁵ См.: Там же. С. 320–321.

⁶ См.: Там же. С. 322–331.

⁷ В частности, она обращает внимание на нечеткость позиции правоведа в отношении количества типов выделяемых правовых форм, на неясность связи

особо отмечая, что о правовых формах общественных отношений следует говорить не только с позиций логико-нормативного учения о праве, в рамках которого нормы права воспринимаются в качестве логических суждений и, таким образом, право полностью абстрагируется от мира реальности, но и, в том числе, с позиций социологического подхода, ставящего на первое место уровень единичного, а не общего¹. Таким образом, ученый акцентирует внимание на методологических основаниях познания правовых форм.

Отдельные общие замечания относительно понятия «правовая форма» высказаны В. Ф. Яковлевым, который, в частности, особо отмечает, что «термин “правовая форма” отношений употребляется и во множественном числе»². Последующее пояснение ученого, что «пишут и говорят об административно-правовой, гражданско-правовой и других формах отношений», а также его утверждения, что «термин “правовая форма” обозначает право в целом», а «под различными правовыми формами понимаются прежде всего отдельные отрасли права»³, позволяют сделать вывод, что: во-первых, правовед признает существование некоторого количества различных правовых форм общественных отношений; во-вторых, он осуществляет их разграничение, прежде всего, по отраслевому критерию.

Самостоятельный подраздел «Гражданско-правовые формы имущественных отношений» (п. 3 § 2 «Предмет гражданского права» гл. 2 «Гражданское право как отрасль права» разд. I) в рамках учеб-

двух предложенных им групп правовых форм (а именно на то, что дихотомии предлагаемых В. А. Беловым классификационных групп охватывают далеко не все прямо поименованные им самим правовые формы), на неоднозначность выделения отдельных видов правовых форм (например, охраняемого законом интереса, взаимосвязи правовых явлений) (см.: *Суслова С. И.* Указ. соч. С. 157–160). Соглашаясь с отмеченными замечаниями, в качестве примера, можно привести позицию В. А. Белова относительно такой категории, как «право участия» (см. об этом: *Виниченко Ю. В.* Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике // *Известия Иркутской государственной экономической академии.* 2013. № 4 (90). С. 88–92).

¹ См.: *Суслова С. И.* Указ. соч. С. 149–150, 153–155. «Именно уровень единичного, конкретного отношения и его соотносимость с теми логическими суждениями, которые позволили сконструировать представления о возможном и должном», по мнению автора, представляет важность для «юриста-ученого (в первую очередь отраслевика) и юриста-практика» (см.: Там же. С. 155).

² *Яковлев В. Ф.* Указ. соч. С. 23.

³ См.: Там же.

ника по гражданскому праву выделял в свое время Е. А. Суханов, заключая, что «основными гражданско-правовыми формами имущественных отношений и соответственно главными подразделениями (подотраслями) гражданского права являются: вещное право; обязательственное право; исключительные (интеллектуальные) права; корпоративное право»¹. Определения гражданско-правовых форм в указанной работе нам обнаружить не удалось.

Говоря о понимании категории правовой формы, следует заметить, что основу соответствующих современных цивилистических воззрений во многом составляют работы ученых так называемого советского периода, в частности: О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского – «Вопросы теории права» (М., 1961)²; Р. О. Халфиной – «О правовой форме экономических отношений» (1965 г.), «Право как средство социального управления» (М., 1988)³; В. Г. Вердникова и А. Ю. Кабалкина – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений» (М., 1970); уже указанные нами ранее работы

¹ См.: Гражданское право. Общая часть. Т. 1 / В. С. Ем [и др.]; под ред. Е. А. Суханова. М., 2008. Примечательно, что в более позднем издании (2011 г.) данный подраздел ученым уже не выделяется; однако итоговый вывод соответствующей части учебника – п. 3 «Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом» § 2 «Гражданское право как отрасль права» – по сути является идентичным: каждая из «групп экономических (имущественных) отношений оформляется (регулируется) различными подотраслями и институтами гражданского права: вещным правом, корпоративным правом, исключительными (интеллектуальными) правами, обязательственным правом, наследственным правом» (см.: Российское гражданское право. Т. I. / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 68).

² О правовой форме авторы пишут, в частности, в § 1 «Понятие нормы права. Форма и содержание права» гл. III указанной работы.

³ Глава VI данной книги посвящена вопросу о соотношении правовой формы и содержания регулируемых отношений. См. также: Халфина Р. О. О формах воздействия социалистического права на экономику // Советское государство и право. 1961. № 11. С. 35–46; Её же. Об объективной обусловленности правовых форм их экономическим содержанием // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 31–34; Её же. Роль права в экономическом развитии социалистического общества // СССР – Япония: право и социальный прогресс : материалы советско-японского юридического симпозиума 1980 и 1982 гг. М., 1983. С. 20–25; Её же. Правовое регулирование экономических отношений (вопросы теории) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 29. М., 1984. С. 82–95.

О. А. Красавчикова «Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения» (Свердловск, 1975) и «Гражданская правосубъектность как правовая форма» (Свердловск, 1978).

Так, В. Ф. Яковлев, рассуждая о понятии правовой формы, прямо ссылается на указанную работу О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского¹. Сами же ученые, указывая на необходимость разграничения понятий «правовых форм» и «формы права», отмечали, что когда говорят «правовые формы», имеют в виду «право как определенное *социальное явление* (курсив наш. – Ю. В.), отличающееся от иных идеологических форм (таких, как политика, нравственность, религия и т. п.), которые вместе с правом определяются материальными условиями жизни данного общества, его экономическим базисом»². Понятие «правовая форма», согласно их позиции, «ориентируется на право в целом», выступающее в качестве формы «по отношению к экономическому базису общества, который со своей стороны по отношению к праву в целом выполняет функцию содержания»; при этом экономические отношения находятся за пределами права и лишь отражаются в нем «в “снятом” виде, в виде, переработанном сознанием господствующего класса»³. «Отсюда, – заключают авторы, – и известная самостоятельность права, которая приводит к тому, что, будучи формой в сопоставлении с экономическими отношениями, оно в то же время обладает как своей собственной формой, так и своим особым содержанием»⁴.

То, что, оперируя понятием правовой формы, «мы в известной мере выходим за пределы права», отмечала и Р. О. Халфина⁵, одна из первых обратившаяся к проблеме содержательного наполнения категории правовой формы. В своих суждениях она исходила из понимания последней как «*комплекса норм и институтов* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.), опосредующих определенный вид общественных отношений»⁶, последовательно развивая при этом тезис о том, что в данное понятие «включаются нормы и институты

¹ См.: Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 23.

² Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 133.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. С. 175.

⁶ См.: Там же. С. 174.

различных отраслей права»¹. Отмеченное, а также ее выражение «формы *правового регулирования*»², равно как и суждения о том, что в отдельные периоды «форма *гражданского права* придавалась отношениям, выражающим по существу подчинение одной стороны другой» и что «*гражданское право*... может служить адекватной *формой* имущественных отношений»³, позволяет заключить, что под правовой формой Р. О. Халфина понимала *само позитивное (объективное) право*. Из числа современных цивилистов сторонником подобного понимания правовой формы (как объективного права), на наш взгляд, можно считать, например, Е. А. Суханова, который, повторим, пишет об оформлении отдельных групп экономических (имущественных) отношений различными подотраслями и институтами гражданского права.

Иначе трактовал данное понятие О. А. Красавчиков, отмечая относительно позиции Р. О. Халфиной, что правовая форма «охватывает не только и столько самое право (его нормы, институты и отрасли)»⁴; последние, по его мнению, «являются скорее формой права, нежели правовой формой»⁵. Объективное право ученый рассматривал лишь в качестве «непременной основы» обретения отдельными явлениями социальной действительности тех или иных юридических форм и «очертаний»; саму же правовую форму в предельно общем виде («предварительно») он определял как «основанную на нормах права *меру* возможного или должного поведения»⁶. Гражданско-правовые формы, по мнению О. А. Красавчикова, представляют собой «систему установленных законом мер, определяющих границы: а) юридически возможного и юридически необходимого поведения субъектов; б) их юридического состояния или в) применительно к социальным образованиям —

¹ Там же. С. 175. В более ранней работе она пояснила, что использует термин «правовая форма» для обозначения необходимого, по ее мнению, общего понятия, охватывающего «всю совокупность норм (а иногда и институтов), регулирующих *все стороны* (курсив наш. — Ю. В.)» конкретных групп и видов экономических отношений (см.: Халфина Р. О. О правовой форме экономических отношений. Прим. 1).

² См.: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. С. 184.

³ См.: Там же. С. 188.

⁴ См.: Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение ... С. 18.

⁵ См.: Там же. С. 19.

⁶ См.: Там же. С. 20–21.

“организованности” и основных видов деятельности»¹. Развитием идей О. А. Красавчикова в современном гражданском правоведении является, по нашему убеждению, концепция В. А. Белова, у которого предложенное корифеем отечественной цивилистики определение правовой формы как основанной на нормах закона мере возможного или должного поведения не только «не вызывает возражений»², но, более того, кладется в основание формулируемых им определений (признаков, характеристик) *отдельных* гражданско-правовых форм³.

Так же, как В. Г. Вердников и А. Ю. Кабалкин, товарно-денежный характер имущественных отношений, входящих в предмет отрасли гражданского права, подчеркивает Е. А. Суханов⁴. Что касается отмеченной работы самих советских ученых, то, несмотря на широкое название – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений», в целом, не считая ряда общих замечаний⁵, посвящена она

¹ См.: Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение ... С. 25.

² См.: Белов В. А. Гражданское право. Т. I. С. 318.

³ Так, относительно гражданского правоотношения (как одной из правовых форм) В. А. Белов отмечает, что традиционно она определяется как «юридическая связь субъектов – участников фактического (жизненного) отношения, выражающаяся в наличии у них субъективных прав и юридических обязанностей», продолжая, что «в свою очередь субъективные права определяются как *мера возможного*, а юридические обязанности – как *мера должного* (юридически необходимого) *поведения*» (см.: Там же. С. 320). Другая выделяемая им гражданско-правовая форма – кредиторские обязанности – «представляют собой *меру юридически необходимого поведения* активного участника обязательства (кредитора)» (см.: Там же. С. 321). Указание на «*возможности совершения конкретных юридических действий*» содержится в определении еще одной выделяемой ученым гражданско-правовой формы – секундарные права (см.: Там же).

⁴ См.: Российское гражданское право. Т. I / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 66–67. Ср.: «... виды имущественных отношений регулируются нормами советского гражданского права, поскольку они хотя бы в конечном счете обусловлены использованием товарно-денежной формы» (см.: Вердников В. Г., Кабалкин А. Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. С. 13).

⁵ В частности, что «нет оснований для признания гражданско-правовой формой товарно-денежных отношений обязательства, возникающего из административных актов» (см.: Вердников В. Г., Кабалкин А. Ю. Указ. соч. С. 29), и что «правовыми формами товарно-денежных отношений служат не все обязательства гражданского оборота, даже при понимании последнего как совокупности гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег, которые

она рассмотрению (только) гражданско-правовых договоров и возникающего вследствие их заключения договорного обязательства, признаваемого В. Г. Вердниковым и А. Ю. Кабалкиным основной гражданско-правовой формой товарно-денежных отношений.

Анализируя приведенные позиции, нетрудно заметить, что при определенном сходстве (которое, в частности, заключается в том, что в большинстве случаев речь идет о правовой форме *общественных отношений*, а также в признании *множественности* правовых форм) взгляды отдельных ученых по интересующему нас вопросу порядком разнятся.

Так, правовой формой признают и *нормы* (институты, отрасли) *права* (Р. О. Халфина, Е. А. Суханов, В. Ф. Яковлев), и *юридические средства* (О. Н. Петюкова), и основанную на нормах права *меру поведения субъектов* (О. А. Красавчиков), и *категории правовой науки* (В. А. Белов).

При этом, признавая существование различных правовых форм, сторонники одной позиции, а именно трактующие правовую форму как объективное право, используют при их выделении различные критерии:

1) либо отраслевой – правовые формы соотносят с *отдельными отраслями* (российского) права (В. Ф. Яковлев);

2) либо подотраслевой (внутриотраслевой) – выделение правовых форм осуществляется соответственно *подотраслям* определенной отрасли права (Е. А. Суханов);

3) либо межотраслевой – ту или иную (одну) правовую форму образуют нормы и институты *различных отраслей* права (Р. О. Халфина).

Некоторые нюансы имеет и смысловое наполнение термина «правовой» (как составляющей выражения «правовая форма»). Как правило, его использование призвано подчеркнуть *противопоставление* (1) *фактическому* (фактическим («жизненным», по терминологии В. А. Белова) общественным отношениям, экономическому базису) как содержанию соответствующей правовой формы. Вместе с тем, например, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский противопоставляли правовую форму (2) *иным идеологическим формам* (политике, нравственности, религии и т. п.) общественных отношений, а

возникают из правомерных действий» (см.: Там же. С. 30; в понимании гражданского оборота авторы ссылаются на позицию О. А. Красавчикова).

О. Н. Петюкова пишет о наличии помимо правовых (3) *неправовых форм государственного воздействия*.

Кроме этого, можно заметить, что правовая форма рассматривается:

– либо в качестве *категории (понятия)* – «абстрактного родового понятия (правовой науки)» (В. А. Белов), «юридической комплексной категории» (Ю. Б. Батурина);

– либо в качестве (самого) определенного *явления* – «связи между правом и неправовыми явлениями» (Ю. Б. Батурина), «комплекса юридических средств» (О. Н. Петюкова), «права как социального явления» (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский) и т. д.

Обращаясь в данной связи собственно к тезису о том, что гражданский оборот является правовой формой экономического оборота, следует признать, что имеющиеся взгляды на понятие правовой формы ввиду их немногочисленности и, главное, разрозненности не могут претендовать на то, чтобы быть признанными достаточным основанием (началом) соответствующей научной теории – общего учения о гражданском обороте.

В свете указанных замечаний обратим внимание также на то, что последнее из них может быть сделано и относительно характеристики гражданского и экономического оборотов, соотносимых при анализируемом подходе как форма и содержание. Иными словами, и гражданский оборот, и экономический оборот можно рассматривать либо в качестве понятия, либо в качестве явления.

Четко понимать, *что* именно подлежит сопоставлению – *понятия* «гражданский оборот» и «экономический оборот» или же гражданский оборот и экономический оборот как реально существующие явления, полагаем, крайне важно. При этом, разделяя точку зрения В. Д. Рузановой¹, считаем некорректным соотносить понятие – с одной стороны и явление реальной действительности – с другой стороны. Подобная ремарка обусловлена тем, что в цивилистической литературе подобные случаи, увы, имеют место. Так, например, А. А. Морозов отмечает, что «по своему содержанию *понятие* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) “гражданский оборот” является частью

¹ Которая, в частности, справедливо отмечает, что «не совсем корректно проводить сравнение явления правовой действительности с правовой категорией как таковой» (см.: Рузанова В. Д. Соотношение системы гражданского права и системы гражданского законодательства: грани взаимодействия // Юрист. 2012. № 3. URL: journal.zakon.kz).

более широкого явления – “экономический оборот”»¹; встречаются и суждение типа: «понятие “коммерческий оборот” является по сравнению с понятием “гражданский оборот” значительно более узким явлением»².

Безусловно, и гражданский, и экономический оборот в равной мере допустимо рассматривать как в качестве понятия, так и в качестве явления реальной действительности. В то же время, несмотря на то, что отдельные авторы пишут о форме и содержании (определенной) категории³, гражданский и экономический обороты при соотношении их через призму категорий «форма» – «содержание», на наш взгляд, следует воспринимать именно как явления. В противном случае, если сопоставлять понятия «гражданский оборот» и «экономический оборот», выступающие *видовыми по отношению к родовому понятию «оборот»*, придется признать, что одно из видовых понятий составляет содержание другого видового понятия, что является очевидно неверным.

В данной связи следует также заметить, что само использование понятия экономического оборота мыслится, на наш взгляд, только в контексте наличия какого-то иного оборота, которому противопоставляется оборот *экономический*. Так, экономисты не считают необходимым подчеркивать всякий раз, что они имеют в виду экономический оборот. Более того, далеко не всегда употребляют они и такое (родовое) понятие, как «оборот», яркой иллюстрацией чего является отсутствие в экономических словарях отдельной статьи, посвященной раскрытию содержания данного понятия и соответствующего ему термина⁴. Гораздо чаще в экономической теории используются понятия «товарооборот», «обращение», «обмен».

Сказанное убеждает в том, что понятие «экономический оборот» является значимым именно для цивилистов, которые посредством сопоставления его с понятием гражданского оборота стре-

¹ См.: Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : автореф. дис. ... С. 15.

² См.: Илюшина М. Н. Правовой режим сделок ... С. 43–44.

³ См., например: Кунаков П. А. Форма и содержание категории «социально-правовая активность» // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 3. С. 109–110.

⁴ См., например: Большая экономическая энциклопедия. М., 2007. С. 423; Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 1994. С. 262; Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М., 2013. С. 463.

маться выявить признаки последнего. При этом в соответствующих выражениях смысловой акцент делается на термины «экономический» и «гражданский» (воспринимаемый как «правовой», «гражданско-правовой»); термин «оборот» выступает в качестве константы, значение которой сущностно неизменно. Исходя из этого, более точно, как представляется, говорить не о понятии «гражданский оборот», а о понятии «*оборот*» в правовом (гражданско-правовом) смысле (и, соответственно, не «экономический оборот», а оборот в экономическом смысле).

В контексте вопроса о словоупотреблении небезынтересно и то, почему при определении гражданского оборота и при его соотношении с экономическим оборотом ученые используют именно термин «(правовая) *форма*», а не, скажем, такой набирающий популярность в новейшей цивилистической литературе термин, как «(правовая) *модель*»?

Выражение «правовая модель» употребляет, например, в работе о системе гражданского оборота недвижимости В. А. Петрушкин¹, обоснованно уделяя вопросу о дефиниции соответствующего понятия отдельный параграф монографии. При этом автор констатирует, что термину «правовая модель» не всегда «придается должное значение»², после чего предпринимает обзор связанных с этим вопросом теоретических концепций и приходит к выводу, что «“правовая мо-

¹ Термин «модель» использует также А. Н. Левушкин – в словосочетании «теоретическая модель», которое в свою очередь трактуется автором как «комплекс доктринальных положений», «концепция» (см.: *Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств-участников СНГ : монография. М., 2014. С. 8; Его же. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 14*). Вслед за ним оперирует термином «модель» И. С. Данилова, предлагающая «новую модель (конструкцию) института приемной семьи», «правовую модель приемной семьи» (см.: *Данилова И. С. Институт приемной семьи в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10, 12, 18*). О модели правового регулирования отношений пишет С. А. Никогосян (см.: *Никогосян С. А. Правовое регулирование заключения и прекращения брака с участием иностранных граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 10, 12, 13*).

² *Петрушкин В. А. Указ. соч. С. 42.*

дель” является самостоятельной правовой категорией»¹, которая отличается от иных смежных категорий – «правовая парадигма», «правовая конструкция», «правовая форма», «правовое средство», «правовая технология»².

В рамках настоящего исследования наибольший интерес вызвала позиция В. А. Петрушкина относительно соотношения понятий «правовая модель» и «правовая форма». Однако, обратившись к соответствующей части его работы, мы обнаружили, что, обозначив данный вопрос, его анализу ученый посвятил лишь один абзац из восьми строк, содержательно сводящийся к двум цитатам – воспроизведению «базового определения» правовой формы, сформулированного О. А. Красавчиковым³, и основанной, по указанию автора, на данном определении позиции А. С. Безрукова. Последний полагает, что «правовая модель – это форма отражения правовой действительности, несущая информацию об объекте. Правовая же форма является неотъемлемой частью этой правовой действительности, а не продуктом ее отражения»⁴. Отсутствие каких-либо иных, действительно авторских суждений дает основание для вывода, что в части соотношения указанных понятий В. А. Петрушкин всецело разделяет точку зрения А. С. Безрукова⁵.

¹ Полагаем, что «самостоятельных», так же как и «комплексных» правовых категорий быть не может: либо категория существует, либо нет.

² См.: *Петрушкин В. А.* Указ. соч. С. 43–59. В итоговых выводах ученый предлагает следующее «авторское определение правовой модели: правовая модель системы оборота недвижимости – это созданная в результате абстракции, идеализации форма отражения системы оборота недвижимости, находящаяся в отношении соответствия с ней, служащая средством отвлечения и выражения ее внутренней структуры и содержащая основные положения правового регулирования отношений, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением прав на недвижимое имущество» (см.: Там же. С. 59–60).

³ Что правовая форма – это основанная на нормах права мера возможного или должного поведения.

⁴ См.: *Петрушкин В. А.* Указ. соч. С. 48; делается ссылка на кандидатскую диссертацию А. С. Безрукова «Правовая модель как инструмент юридической науки и практики» (Владимир, 2008. С. 40).

⁵ Позволим заметить, что указанных авторов объединяет не только сходство научных взглядов, но и поверхностное отношение к исследуемым вопросам. Так, А. С. Безруков, задавшись вопросом о соотношении понятий «правовая модель» и «правовая форма» и указав, что их сходство является только кажущимся, оправданно обращается к определению правовой формы,

Данная позиция видится небесспорной, исходя из разделяемого нами подхода к пониманию категории «правовая действительность» («правовая реальность»). Как справедливо отмечает Н. П. Асланян, «вполне допустимо двухаспектное рассмотрение правовой реальности, с одной стороны, представляющей перед субъектом в виде правовых норм, действующих правовых учреждений, различного рода юридических документов, процедур и т. д., а с другой – в виде *идеального объекта* (курсив наш. – Ю. В.), описываемого в учебниках по праву, научных монографиях, а также закрепляемого в различных законодательных конструкциях»¹. При этом по замечанию другого отечественного ученого С. С. Алексеева, «фрагментами правовой действительности», «основными гранями», «звеньями», «пластами правовой материи» в том числе являются *правовые идеи*²; а именно идею (концепцию, учение), на наш взгляд, по существу представляет собой (теоретическая) модель, «несущая информацию» о правовой действительности, о которой пишут А. С. Безруков и В. А. Петрушкин.

Что касается терминологии, то в числе возможных смысловых компонент терминов «модель» и «форма» языковеды выделяют такое значение, как «образец»³, означающий в свою очередь: 1) «то, чему нужно следовать»; 2) «способ устройства»⁴. Отмеченная этимологическая близость рассматриваемых терминов (и соответственно, выражений «правовая модель» и «правовая форма») позволяет заключить о допустимости их аналогового использования⁵; причем в случае

сформулированному О. А. Красавчиковым. Непосредственно после цитаты с указанным определением автор пишет: «В целях *достоверности научного анализа* (курсив наш. – Ю. В.) приведем и другие дефиниции рассматриваемой категории» и затем приводит дефиниции правовой формы Р. О. Халфиной и Е. Кучера, ссылаясь при этом на работу... самого О. А. Красавчикова, непритязательно указывая: «Цит. по:» (см.: Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 39–40). «Достоверность» подобного научного анализа, равно как и убедительность сделанных в итоге выводов вызывает некоторые сомнения.

¹ См.: Асланян Н. П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы. С. 103–104.

² См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 275.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 361, 855 (словарные статьи «модель» и «форма»).

⁴ См.: Там же. С. 435.

⁵ Заметим, что и сам А. С. Безруков определяет правовую *модель* как *форму* отражения правовой действительности.

понимания правовой формы как совокупности правовых норм (институтов, отраслей) термин «модель» как «образец» (в первом из выделенных значений – «того, чему нужно следовать»), на наш взгляд, является более удачным по сравнению с термином «форма»¹. Исходя из этого, гражданский оборот в равной мере допустимо именовать как правовой формой, так и правовой моделью экономического оборота, в связи с чем тезис «гражданский оборот – правовая *форма* экономического оборота» предстает уже не столь бесспорным и однозначным.

Резюмируя: предпринятый анализ положений отечественной доктрины свидетельствует о том, что, несмотря на широкое использование при освещении самых различных юридических вопросов, единообразное понимание категории правовой формы отсутствует. Ученые не сходятся во мнениях ни относительно того, *что* признается правовой формой (категории (понятия) либо явления, а если явления, то какие), ни относительно того, о правовой форме *чего* следует говорить (отношений либо деятельности), ни относительно того, *какие* правовые формы и (или) их виды следует выделять, ни относительно того, *как соотносятся* отдельные правовые формы с нормами (институтами, отраслями) права (в частности, имеют ли они подотраслевой, отраслевой либо межотраслевой характер).

Учитывая изложенное, следует признать, что принципиально допустимый с позиций доктрины подход к пониманию гражданского оборота как правовой формы экономического оборота нуждается в *предварительной конкретизации и развитии* – как в части уточнения тех отдельных правовых форм, в которые облекаются соответствующие общественные отношения, так и в части решения вопросов о круге самих общественных отношений, составляющих «базис» (содержание) подобных правовых форм, и их отраслевой принадлежности. Простой констатации того, что гражданский оборот является правовой формой экономического оборота явно недостаточно.

¹ Так, и В. А. Белов, признающий гражданско-правовыми формами правовые категории, отмечает, что последние «являют собой *идеальные модели* (курсив наш. – Ю. В.)» того, каким «реально существующее положение вещей» должно быть (см.: Белов В. А. Гражданское право. Т. I. С. 310).

§ 5. Основания системного исследования гражданского оборота

Итак, ни исторический (в его понимании как ретроспективного обзора ранее действовавшего законодательства либо воспроизведения/изложения положений древнеримского и «дореволюционного» отечественного права), ни сравнительно-правовой, ни (преобладающий) формально-логический методы научного познания не способствуют решению научной задачи построения целостной непротиворечивой концепции гражданского оборота. Нуждающимся в предварительном развитии, повторим, является учение о гражданском обороте как о правовой (юридической) форме экономического оборота; заметим также, что, по признанию ученых, «“форма” и “содержание” фиксируют лишь *общие* связи и закономерности в явлениях, а в подробном, детальном исследовании они малоэффективны»¹.

Единственно возможным выходом в данной познавательной ситуации, характеризующейся отсутствием общей научной концепции гражданского оборота при одновременном наличии немалого количества работ, раскрывающих отдельные грани последнего, на наш взгляд, является *изменение методологии* исследования как категории «гражданский оборот», так и отражаемого в ней явления, поскольку, как признается в общетеоретической литературе, именно «поиск новых исследовательских средств, новых методов обеспечивает прирост теоретических знаний, углубление представлений о свойственных предмету закономерностях»².

Представляется, что исследование гражданского оборота как юридически значимого явления следует проводить на основе системного подхода, который позволит перейти от описательного изучения его отдельных аспектов (как то: субъекты гражданского оборота, его объекты, порождающие гражданский оборот либо составляющие его юридические факты, образующие его правоотношения) к познанию его *сущности*. Последняя, вне всяких сомнений, не может быть выявлена путем простого перечисления и изолированного рассмотрения тех или иных частей той или иной «совокупности» (фактов, правоотношений, норм либо отдельных правовых форм и т. п.), без определения связи между ними, анализа функционирования их как единого

¹ См.: Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 5.

² Теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 16.

целого. Эвристический потенциал системного подхода отмечается и в юридической литературе. В частности, Ц. А. Ямпольская указывала, что «использование выводов общей теории систем с учетом особенностей предмета, т. е. данной конкретной системы, и есть ключ к познанию многих еще неизвестных сторон изучаемых явлений и процессов»¹.

Формирование целостного представления о гражданском обороте образно можно сравнить с игрой «в паззлы». Цель этой игры, как известно, заключается в том, чтобы из отдельных фрагментов сложить одно изображение. При этом важно не потерять ни одной детали – иначе «картинка» будет неполной; важно и то, что контуры каждой детали таковы, что она может занять лишь строго определенное место. Задача усложняется, если у игрока нет образца, по которому «картинка» собирается. Однако данное обстоятельство не меняет цели и правил (принципа) игры: изображение будет собрано лишь при условии наличия полного набора деталей и помещения каждой из них на «свое» место. При этом очевидно, что отдельные элементы, сколь велики бы они не были, не могут восприниматься как самостоятельные образы, позволяющие однозначно утверждать, что изображено на «картинке» в целом.

С научных позиций следует заметить, что *возможность* системного анализа определенного предмета или явления бесспорна во всех случаях, поскольку, как отмечается специалистами в области общей теории систем, «один объект может быть исследован и как системный, и как несистемный»², *любые объекты могут быть представлены как некоторые системы»*³. Данный взгляд получил признание и в правоведении. Так, В. Н. Протасов пишет, что «категория “система” относится к числу *всеобщих* категорий, то есть она применима к характеристике любых предметов и явлений, *всех* объектов», замечая также, что «как система может быть рассмотрено, в принципе, любое явление, хотя и не всякий объект научного анализа в этом нуждается»⁴. Аналогично И. В. Блаубергу В. А. Белов отмечает, что «не существует предметов или явлений, *являющихся* система-

¹ Ямпольская Ц. А. К методологии науки управления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 21.

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969. С. 25, 29.

³ Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 22.

⁴ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 17, 7.

ми или *не являющихся* таковыми *по своей природе*»¹. То, что понятие системы относительно и в зависимости от методологии исследования любой объект познания может быть рассмотрен либо как система, либо как не-система, признают и иные авторы².

Таким образом, в части выбора системного метода для познания отдельных объектов вопрос заключается не в возможности его применения, а в том, насколько использование данного метода является *необходимым* (перспективным, целесообразным).

На наш взгляд, при исследовании гражданского оборота в целях построения научной концепции, способной дать целостное, возможно более полное и непротиворечивое представление о гражданском обороте как явлении действительности, применение системного подхода не только допустимо, но и с позиций современной науки гражданского права остро необходимо.

В данной связи можно заметить, что тезис о необходимости применения системного подхода к исследованию гражданского оборота уже высказывался в юридической литературе. Однако признать соответствующие попытки отдельных авторов удачными не представляется возможным³.

Так, М. А. Астахова, анализируя научные определения понятия «гражданский оборот» отметила принципиальные различия в понимании «как содержания гражданского оборота в целом, так и составляющих его элементов», в связи с чем пришла к выводу, что «нали-

¹ Белов В. А. Наука гражданского права как система // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. С. 163. И. В. Блауберг указывал, в частности, что «объект как таковой, безотносительно к задачам его исследования и используемым при этом познавательным средствам, не может получить абсолютную характеристику системного или несистемного» (Блауберг И. В. Философско-методологические проблемы системного исследования: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1983. С. 149).

² См., например: Григорьева М. А. Гражданский правопорядок (опыт системного исследования). Красноярск, 2010. С. 28.

³ Данное замечание относится и к нашей собственной работе (см.: Виниченко Ю. В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6), в которой мы писали о гражданском обороте как о параллельной («сосуществующей») по отношению к объективному гражданскому праву самоорганизующейся *системе* (см.: Указ. соч. С. 61), однако без должного обоснования.

чие доктринальных противоречий требует выработки особых теоретических подходов в целях установления истинного смысла рассматриваемого явления», заключив: «Это представляется возможным за счет проведения *системного анализа* (курсив наш. – Ю. В.) семантического понятия категории “оборот” и отдельных нормативных положений гражданского законодательства»¹.

Однако сделанная в начале работы «заявка» на «системный анализ», увы, осталась нереализованной, равно как не получили должного научного обоснования ни само название статьи, содержащее термин «структура» (являющийся атрибутом системного подхода), ни принципиально верное суждение автора о необходимости системного исследования гражданского оборота. В данной связи достаточно указать на итоговый вывод М. А. Астаховой, согласно которому «в условиях современной реальности гражданский оборот представляет собой правовую форму экономического оборота и является его юридическим “отражением”»². Подобный вывод представляется нелогичным, поскольку категориальная пара «форма» – «содержание» методологически является иной «системой координат» и, как отмечается в юридической литературе, использование категорий «форма» и «содержание» означает рассмотрение объекта как «не-системы»³.

Критической оценки заслуживают и иные положения указанной работы, иллюстрирующие неосведомленность автора об элементарных категориях системного подхода⁴. Более того, фраза М. А. Астаховой о том, что «наличие доктринальных противоречий *требует выработки* особых теоретических подходов» (имея в виду, как следует из последующего изложения, именно «системный анализ»), вообще ставит под сомнение знание автора о *существовании* системного подхода. Можно допустить, что подразумевалась необходимость *применения* этого метода научного познания к исследованию гражданского оборота как явления действительности. Хотя таким образом

¹ См.: Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2.

² Там же. С. 5.

³ См.: Григорьева М. А. Указ. соч. С. 28.

⁴ Взять хотя бы следующий тезис: «Таким образом, в *структурном* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) плане оборот может рассматриваться как системное явление, к *внешним* составным *элементам* которого относятся его объекты и субъекты, а к *внутренним* – *содержание*» (Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2).

можно додумывать за автора и то, что под «*смыслом* рассматриваемого явления» (гражданского оборота) он имел в виду его *сущность*, либо, напротив, буквально говорил о смысле *термина (слова)* «гражданский оборот». Последнее, кстати, более вероятно, поскольку далее в работе прямо указывается на необходимость «проведения системного анализа *семантического* понятия категории “оборот”».

Помимо проявления крайней непоследовательности приведенных суждений усматривается абсолютная некомпетентность автора относительно понятийно-категориального аппарата науки в целом. Обозначив гражданский оборот как явление, М. А. Астахова пытается «установить» «истинный смысл» этого явления посредством системного анализа, повторим, «*семантического понятия категории “оборот”*», упуская из вида, что «категория» – это *понятие* предельной степени общности, что термин «семантика» в русском языке означает «значение, смысл» и относится к языковым единицам, то есть *словам*, не тождественным, в свою очередь, понятиям (категориям), в связи с чем сконструированный ею словесный оборот следует расценивать как многоуровневую тавтологию.

«Намек» на использование системной методологии при исследовании понятия «гражданский оборот» содержится, на наш взгляд, также в монографии В. А. Петрушкина «Актуальные проблемы правовой модели *системы* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) оборота недвижимости». В частности, один из разделов указанной работы автор назвал «Сущность гражданского оборота: определение, *структура*, условия», поместив его в гл. 1 «Оборот недвижимости как *система*: общая характеристика правовой модели»¹. Однако изучение положений указанной монографии позволяет заключить, что и данный ученый использовал системологическую терминологию весьма произвольно.

Так, говоря о структуре гражданского оборота, В. А. Петрушкин отмечает, что «в самом общем виде указанная структура включает»: 1) участников, 2) объекты и 3) собственные условия гражданского оборота². Вместе с тем общепризнанным в системном подходе является понимание *структуры как отношений (связи)*

¹ См.: Петрушкин В. А. Указ. соч. С. 7.

² См.: Там же. С. 12–13, 35.

между элементами системы¹; для обозначения набора (перечня) таких элементов используют иное понятие – состав системы².

Одновременно с этим участников оборота и объекты, находящиеся в обороте, ученый называет «внутренними характеристиками оборота», которыми, наряду с «его (оборота. – Ю. В.) установленными правом пределами», по мнению правоведа, определяется сущность оборота³.

Ученый называет гражданский оборот и «совокупностью сделок», и «особой правовой областью», отмечая также, что в отношении договора возмездного оказания услуг «точнее будет использовать термин “гражданский оборот” как обозначающий более широкое понятие, охватывающее и имущественную, и неимущественную (процедурную – процесс оказания услуги) составляющую отмеченного договора»⁴. Допустимым считает автор указание на то, что речь может идти «не только о гражданском обороте в целом, но и о его отдельных *участках*»⁵; одним из таких «участков гражданского оборота» является рассматриваемый ученым оборот недвижимости⁶. Используется им и такое выражение, как «стадии гражданского оборота»⁷.

Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на использование отдельных категорий и приемов, присущих системному подходу, исследование В. А. Петрушкина, так же как и отмеченная ста-

¹ См., например: *Малиновский А. А.* Теория структур и ее место в системном подходе // Системные исследования. Ежегодник 1970. М., 1970. С. 28; *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 243, 277, 322–323; *Юдин Б. Г.* Становление и характер системной ориентации // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972. С. 30.

² В данной связи справедливым является замечание А. Г. Кузнецовой о том, что «отдавая себе отчет в различии понятий “состав” и “структура”, большинство исследователей, характеризуя структуру системы, на самом деле больше внимания уделяли ее составу, чем характеру связей между компонентами» (см.: *Кузнецова А. Г.* Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х–80-х годов XX века : дис. ... д-ра пед. наук. Хабаровск, 2000. С. 264–265).

³ См.: *Петрушкин В. А.* Указ. соч. С. 15.

⁴ См.: Там же. С. 10, 12.

⁵ См.: Там же. С. 16, 18.

⁶ См.: Там же. С. 17.

⁷ См.: Там же. С. 29, 35.

тья М. А. Астаховой, в действительности системологическим не является.

Использование системного подхода, повторим, нуждается в обосновании. В свою очередь, это предполагает определенную ясность относительно особенностей данного метода.

В частности, предпринимая системное исследование того или иного объекта, следует понимать, что использование системного подхода ориентирует исследователя на выявление системных характеристик изучаемого объекта и обнаружение закономерностей его функционирования. При этом системные характеристики объекта выявляются в целях получения возможно более полного системного описания объекта, которое проводится с привлечением системного категориального аппарата.

Кроме этого, следует иметь в виду, что существует множество вариантов («категориальных каркасов»¹) системного подхода, исходя из чего, предпринимая системное исследование, надлежит конкретизировать ту модель (алгоритм), на которой будет основываться последующее системное описание объекта.

Наиболее удачным и приемлемым для исследования сложных юридически значимых явлений (к числу которых относится, по нашему убеждению, и гражданский оборот) признается использование системных алгоритмов, предложенных А. И. Уёмовым² и В. Н. Сагатовским. Так, в частности, В. Н. Протасов, осуществивший системное изучение правоотношения, в числе «выгодных» отличий варианта системного подхода В. Н. Сагатовского называет его «ярко-выраженную практически-прикладную направленность в сочетании с достаточно глубоким философским обоснованием, четкость и отработанность исследовательского алгоритма, существенные в практической реализации системного подхода понятность и простоту, а также

¹ Выражение В. Н. Сагатовского (см.: *Сагатовский В. Н.* Указ. соч. С. 411).

² Являющимся сторонником параметрического варианта общей теории систем, при котором общесистемные закономерности выявляются в результате логического анализа системных параметров («свойств особого типа») объектов (см.: *Уемов А. И.* Указ. соч. С. 144 и след.; *Его же.* Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969. С. 90 и след.).

немаловажную для юриспруденции ориентацию этого алгоритма на решение проблемных ситуаций в гуманитарной сфере»¹.

Наиболее значимыми категориями системного подхода в рамках указанной модели являются следующие²:

- 1) система (объект, представляющий собой целостность);
- 2) элемент системы (исходная функциональная единица системы);
- 3) состав системы (набор элементов системы);
- 4) структура системы (связь между элементами системы);
- 5) цель системы (результат, для достижения которого существует система);
- 6) функции системы (способы действия системы);
- 7) функционирование системы (деятельность системы на пути достижения цели).

Возвращаясь к вопросу о необходимости использования системного подхода к изучению гражданского оборота, укажем, что обусловлена она, прежде всего, *характером имеющихся представлений* о данной категории и отражаемом в ней явлении реальной действительности.

Анализ соответствующих научных взглядов свидетельствует о том, что:

– во-первых, будучи основанными на положениях позитивного права, представления о гражданском обороте в отечественной цивилистике являются *преимущественно описательными*. Зачастую эти «знания» выводятся путем логического толкования легально закрепленных нормативных установлений, содержащих понятие «оборот» (и его производных). Однако, как образно и вполне справедливо заметил В. А. Белов, «закон – не *источник* правовой действительности; он лишь *зеркало*, в котором эта действительность... более-менее полно и точно отражается»³.

Подобный нормативистский подход к изучению гражданского оборота может быть охарактеризован как первичное, досистемное

¹ См.: Протасов В. Н. Указ. соч. С. 26.

² Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Ежегодник 1980. М., 1981. С. 64–67; Его же. Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. Гл. II, III.

³ Белов В. А. Наука гражданского права как система. С. 169.

описание рассматриваемого объекта, дающее представление о его отдельных свойствах или элементах. Данное досистемное описание, безусловно, необходимо, но недостаточно.

– во-вторых, конструируя понятие гражданского оборота, ученые, по сути, оперируют *одними и теми же категориями* («правоотношение», «юридические факты», «форма» и др.), просто ставя во главу угла одну из них в качестве определяющей. Данное обстоятельство делает выделение тех или иных подходов к определению понятия гражданского оборота крайне условным. Кроме этого, делая акцент на одной из характеристик гражданского оборота, авторы подвергают детальному рассмотрению именно этот, ключевой, по их мнению, признак. Даже если и предпринимается анализ иных признаков понятия «гражданский оборот», взаимосвязь отдельных признаков между собой из поля зрения исследователей выпадает.

В этих условиях наиболее очевидной представляется необходимость установления связи между категориями, используемыми в науке для определения понятия «гражданский оборот». А поскольку категория «связь» (или «структура») является одной из ключевых в рамках именно системного подхода, применение последнего к познанию гражданского оборота видится несомненно актуальным.

– в-третьих, сами имеющиеся дефиниции гражданского оборота либо прямо указывают на наличие в данном объекте *множества* элементов («совокупность»), либо имплицитно содержат такое указание. При этом существуют два основных подхода к пониманию гражданского оборота: в соответствии с первым, гражданский оборот есть совокупность юридических фактов; согласно второму, он представляет собой совокупность (гражданско-правовых) отношений.

Так, С. А. Муромцев отмечал, что «гражданский оборот есть *совокупность* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) всех актов распоряжения», совершаемых субъектами «в данном гражданском обществе и в пределах гражданско-правового порядка»¹. Как «*совокупность* всех вообще юридических сделок, совершаемых членами данного гражданского общества», трактовал гражданский оборот Г. Ф. Шершеневич². «*Совокупность* сделок, административных актов и иных юридических фактов, в силу которых возникают гражданско-правовые имущественные отношения», вкладывал в содержание понятия гражданского оборота

¹ См.: Муромцев С. А. Указ. соч. С. 67.

² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1. Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 36.

С. Н. Братусь¹. По мнению Ю. Е. Туктарова, оборот в правоведении необходимо понимать как «*совокупность* актов передачи прав»². А. В. Руденко полагает правильным относить к гражданскому обороту «активные, правомерные, волевые действия, которые обеспечивают переход права собственности», допуская включение в его содержание также тех действий, «которые сами по себе не переносят право собственности, но обеспечивают это, т. е. выполняют вспомогательные функции (например, договоры комиссии, поручения и пр.)»³. Гражданский оборот, в частности, драгоценных металлов и драгоценных камней Р. М. Олимова определяет как «*совокупность* гражданско-правовых сделок, оформляющих переход права собственности и иных имущественных прав на драгоценные металлы и драгоценные камни»⁴. А. А. Морозов исходит из предположения, что гражданский оборот представляет собой «*совокупность* правомерных действий субъектов, осуществляемых в границах закрепленной за ними правосубъектности, направленных на перемещение в пространстве материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих различные потребности участников правоотношений»⁵.

В. И. Синайский, повторим, полагал, что гражданский оборот составляет «*совокупность* жизненных отношений (потребностей, интересов) как юридических отношений частноправового порядка»⁶. А. В. Дозорцев определял гражданский оборот как «*совокупность* отношений в сфере производства и обмена, регулируемых гражданским правом, независимо от того, возникли ли они из гражданско-правовой сделки, административно-распорядительного акта или их сочетания»⁷. По мнению О. А. Красавчикова, гражданский оборот представляет собой «*совокупность* гражданско-правовых имущественных

¹ См.: Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. С. 71.

² См.: Туктаров Ю. Е. Указ. соч. С. 113–114.

³ Руденко А. В. Указ. соч. С. 109.

⁴ Олимова Р. М. Указ. соч. С. 9.

⁵ Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте: дис. ... С. 34.

⁶ Синайский В. И. Указ. соч. С. 54–55.

⁷ См.: Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 57; Его же. Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук // Там же. № 11. С. 72.

обязательств, возникающих из правомерных действий, направленных на передачу имущества, выполнение работ и оказание услуг»¹. Б. Б. Эбзеев заключает, что гражданский оборот есть «*совокупность* гражданско-правовых отношений имущественного характера, существующих на определенной территории и возникающих на основании различного рода юридических фактов»². Как «*совокупность* социальных связей в сфере экономической жизнедеятельности общества, возникающих по поводу приобретения, пользования и передачи благ, которые, будучи урегулированными нормами гражданского права, обладают гражданско-правовыми формами» определяет гражданский оборот А. В. Головизнин³. В понимании С. Б. Цветкова гражданский оборот – это «урегулированная нормами гражданского права *совокупность* общественных отношений, возникающих на основе заключаемых их участниками сделок или иных юридических фактов (юридических составов) в определенных сферах экономической деятельности (связанных с передачей имущества, выполнением работ, оказанием услуг, реализацией результатов интеллектуального труда, уплатой денежных средств) в целях удовлетворения материально-правовых интересов участников, содержанием которых являются их индивидуальные потребности»⁴. «*Совокупность* гражданско-правовых обязательственных отношений, возникающих из правомерных действий, в рамках которых осуществляются приобретение и передача благ» представляет собой гражданский оборот, по мнению Р. А. Ражкова⁵. Е. А. Шаповалова предлагает понимать под гражданским оборотом «*совокупность* относительных отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому»⁶.

В данной связи следует заметить, что в системологической литературе все множества разделяются на два вида – суммативные комплексы и системы (целостные единства), главное различие между которыми заключается в различии «объектов, образующих устойчивые целостные единства со строго заданной структурой, и объектов, ко-

¹ Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот ... С. 20.

² Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа // Государство и право. 1999. № 2. С. 35.

³ Головизнин А. В. Указ. соч. С. 88.

⁴ Цветков С. Б. Указ. соч. С. 154.

⁵ Ражков Р. А. Указ. соч. С. 8.

⁶ Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 96.

торые хотя и образуют некие единства, но без строго фиксированной... структуры»¹.

Полагаем, что гражданский оборот представляет собой не просто «совокупность» тех или иных элементов (суммативный комплекс), а устойчивое целостное единство, целостность которого обусловлена наличием связей между элементами, обусловливающих «появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности»².

Решая вопрос о выборе методологических средств познания гражданского оборота нельзя не учесть замечание специалиста в области методологии права Д. А. Керимова о том, что отдельные правовые нормы, акты или отношения, являясь конкретными правовыми явлениями, имеют самые разнообразные характеристики и обладают разнообразными связями как между собой, так и с другими явлениями, и «для того чтобы в них разобраться, понять тенденцию их движения, назначение и роль в общественной жизни, необходимо прежде всего выяснить то, что их объединяет, вскрыть “ядро”, основу, общую закономерность развития всех правовых явлений, т. е. обнаружить и определить их общую *сущность* (курсив наш – Ю. В.)»³. При этом понятие «сущность» трактуется ученым как «внутренняя субстанция», «устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений», то, что отражает объекты в их необходимости «в “очищенном” от случайностей виде», а сущностное понятие права предполагает, по мнению ученого, «обнаружение тех внутренних и необходимых, общих и основных, главных и устойчивых свойств, признаков, черт правовых явлений и процессов, единство и взаимообусловленность которых определяет их специфику и закономерности развития»⁴.

Признавая справедливость приведенных суждений, и учитывая то, что гражданский оборот является не только понятием, используемым при формулировании законодательных установлений, но в первую очередь – явлением реальной действительности, гражданско-правовым бытием, мы приходим к выводу, что его действительное познание возможно лишь посредством постижения сущности данного юридически

¹ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 47.

² Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978. С. 180.

³ См.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 154.

⁴ См.: Там же. С. 154–155.

значимого явления. Для этого, в свою очередь, необходимо иметь *целостное* представление о гражданском обороте, что и является одним из оснований выбора системного подхода в его исследовании.

Полагаем, что в современной познавательной ситуации состояние цивилистического знания настоятельно требует перехода на новый уровень познания такого сложного и значимого цивилистического явления, как гражданский оборот. По нашему мнению, указанный переход способно обеспечить применение системного подхода к его исследованию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящую работу, следует подчеркнуть, что она — лишь первый шаг на подступах к истинному познанию гражданского оборота как одной из ключевых цивилистических категорий и явлений реальной действительности. Бесспорным свидетельством значимости данной категории является использование ее при освещении самых различных юридических вопросов, причем не только частного-правового характера.

В то же время изложенное, как представляется, не оставляет сомнений и в том, что описательного изучения гражданского оборота, в большинстве случаев сводящегося к формально-логическому анализу законодательных предписаний, явно недостаточно. Следующим, перспективным и актуальным, на наш взгляд, шагом в направлении его познания должно стать формирование *концепции гражданского оборота* — целостной и непротиворечивой научной теории, которая, обобщив накопленный массив представлений о гражданском обороте, позволит объяснить сущность последнего, основные начала его функционирования и, как следствие, значимые с позиций интересов отдельных субъектов, общества и правовой политики государства возможные, целесообразные и эффективные механизмы воздействия на него.

Методологическое основание такого учения, по нашему убеждению, может составить только системный подход.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : (в ред. от 5 мая 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ : (в ред. от 5 мая 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ : (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : (в ред. от 24 нояб. 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : федер. закон РФ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ : (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.

О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан : федер. закон РФ от 15 апр. 1998 г. № 66-ФЗ : (в ред. от 14 окт. 2014) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1801.

О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон РФ от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ : (в ред. от 1 дек. 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон РФ от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ : (в ред. от 4 нояб. 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 48. – Ст. 4746.

Об исполнительном производстве : федер. закон РФ от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ : (в ред. от 14 окт. 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 8 мая 2013.

О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013.

О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 5 мая 2014.

Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ) [Электронный ресурс] : утв. решением Совета руководителей таможенных служб государств-участников Содружества Независимых Государств от 22 июня 2012 г. № 5/55 (Т. 2. Разд. VI–VIII. Группы 29–43) : (в ред. от 21 окт. 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 дек. 2014).

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. : введен в действие постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904 (документ утратил силу).

Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР : постановление Совмина СССР от 13 авг. 1958 г. № 914 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1958. – № 14. – Ст. 112 (документ утратил силу).

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. : утв. законом РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406 (документ утратил силу).

Нормативные правовые акты зарубежных государств

Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] : принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 дек. 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 7 нояб. 2014 г.) // ИС «Параграф». – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Гражданский кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І (Особенная часть) (с изм. и доп. по состоянию на 7 нояб. 2014 г.) [Электронный ресурс] // ИС «Параграф». – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880 (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Гражданский кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. законом Азербайджанской Республики от 28 дек. 1999 г. № 779-ІQ (с изм. и доп. по состоянию на 20 июня 2014 г.) // ИС «Параграф». – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111 (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Земельный кодекс України від 25.10.2001 р. № 2768-ІІІ (ред. від 06.09.2014) [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2768-14> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. № 435-ІV (ред. від 06.11.2014) [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. № 436-ІV (ред. від 25.11.2014) [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/436-15> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Про захист економічної конкуренції [Электронный ресурс] : закон України від 11.01.2001 р. № 2210-ІІІ (ред. від 11.08.2013) // Верховна Рада України. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2210-14> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

О перечне предметов, которые могут принадлежать определенным участникам гражданского оборота и включение которых в гражданский оборот допускается по специальному разрешению (гражданский оборот ограничен) [Электронный ресурс] : закон Азербайджанской Республики от 23 дек. 2003 г. № 565-ІІQ (с изм. и доп. по состоянию на 2 мая 2014 г.) // ИС «Параграф». – Режим досту-

па: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30614732 (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Code civil (Version consolidée au 6 août 2014) [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. – Режим доступа: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Code de commerce (Version consolidée au 8 novembre 2014) [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. – Режим доступа: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20141113&cidTexte=LEGITEXT000005634379> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Uniform Commercial Code [Электронный ресурс] // Legal Information Institute. – Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения: 30 нояб. 2014).

Законопроектные документы

О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект федер. закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апр. 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

По проекту федерального закона № 159631-4 «Об электронной подписи» [Электронный ресурс] : решение Комитета по энергетике, транспорту и связи от 14 сент. 2005 г. № 3.25-12/52 // СПС «КонсультантПлюс»: Законопроекты.

Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Акты органов судебной власти

По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В. А. Мостипанова : постановление Конституционного Суда РФ от 3 нояб. 1998 г. № 25-П // Российская газета. – 1998. – 12 нояб.

По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядаильная фабрика» : постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П // Российская газета. – 2000. – 15 июня.

По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева : постановление Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П // Российская газета. – 2003. – 26 апр.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества «Викон» и гражданки Лоховой Алевтины Павловны на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2010 г. № 456-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 5.

О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 5.

Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 дек. 2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 окт. 2011 г. № ВАС-13314/11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Кассационное определение Магаданского областного суда от 13 дек. 2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 окт. 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 31 окт. 2014 г. № А33-4087/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 2 нояб. 2014).

Решение АС Забайкальского края от 30 окт. 2014 г. по делу № А78-9878/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 2 нояб. 2014).

Специальная литература

Аверьянова М. В. Защита добросовестного приобретателя имущества в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Аверьянова. – М., 2001. – 215 с.

Агапеева Е. В. Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Агапеева. – М., 2006. – 176 с.

Алгазинова Е. Э. Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли / Е. Э. Алгазинова // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory) : материалы междунар. науч. конф. Воронеж, 4–6 сент. 2007 г. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. – С. 390–396.

Алексеев Д. Б. Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности / Д. Б. Алексеев // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 182–187.

Алексеев П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : Теис, 1996. – 504 с.

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.

Альтшулер А. Б. Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества / А. Б. Альтшулер // Советское государство и право. – 1964. – № 10. – С. 54–65.

Анисимов А. П. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права / А. П. Анисимов, А. И. Мелихов // Право и экономика. – 2008. – № 12. – С. 4–8.

Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Ю. Аракелян. – Краснодар, 2008. – 225 с.

Аристаков Ю. М. Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия / Ю. М. Аристаков // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 63–66.

Артеменко Н. В. Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности / Н. В. Артеменко // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Ч. 5. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 33–35.

Асланян Н. П. Основные начала российского частного права / Н. П. Асланян. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2001. – 270 с.

Асланян Н. П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы / Н. П. Асланян // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 5 (85). – С. 100–108.

Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте / А. В. Асосков. – М. : Статут, 2003. – 349 с.

Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности / М. А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 4. – С. 2–6.

Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Астахова. – Тюмень, 2007. – 182 с.

Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Астахова. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

Бабаев А. Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении / А. Б. Бабаев, В. А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 258–263.

Бабайцева Е. А. Коммерческая организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. А. Бабайцева. – Волгоград, 2004. – 204 с.

Базаров В. Б. История развития представлений о комплексных субъектах гражданского права В Древнем Риме / В. Б. Базаров // Известия ИГЭА (Байкальский государственный университет экономики и права) – электронный научный журнал. – 2014. – № 2. – Режим дос-

тупа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19031> (дата обращения: 20 дек. 2014).

Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. В. Байбак. – СПб., 2004. – 201 с.

Бакшинская В. Ю. Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. Ю. Бакшинская. – М., 1997. – 221 с.

Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. Б. Батурина. – М., 2001. – 149 с.

Батурина Ю. Б. Понятие «правовая форма» / Ю. Б. Батурина // Научные труды РАЮН. В 3 т. Вып. 3, т. 1. – М. : Юрист, 2003. – С. 36–44.

Безик К. С. Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации : монография / К. С. Безик. – Иркутск, 2012. – 220 с.

Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Безруков. – Владимир, 2008. – 151 с.

Беликова К. М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / К. М. Беликова. – М., 2012. – 438 с.

Белов В. А. Гражданское право. Общая и Особенная части : учебник / В. А. Белов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.

Белов В. А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : учебник. – М. : Юрайт, 2013. – 1085 с.

Белов В. А. «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма / В. А. Белов // Наследственное право. – 2014. – № 1. – С. 6–16.

Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 521 с.

Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 1093 с.

Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики [Электрон-

ный ресурс] / В. А. Белов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 96 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 окт. 2013).

Белов В. А. Наука гражданского права как система / В. А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 161–196.

Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 6–77.

Белов В. А. Отчуждение и приобретение по российскому гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) / В. А. Белов // Законодательство. – 2006. – № 7. – С. 8–14.

Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 124–160.

Белокрылова О. Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутрихозяйственного распределения фонда накопления / О. Белокрылова // Хозяйство и право. – 1994. – № 1. – С. 54–59.

Беляев В. П. Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. П. Беляев. – Белгород, 2000. – 183 с.

Беляев С. О. Риск как категориальная форма правовой реальности / С. О. Беляев // Философия права. – 2009. – № 2. – С. 17–19.

Беневоленская З. Э. Доверительное управление как правовая форма распоряжения имущества / З. Э. Беневоленская // Закон. – 2005. – № 12. – С. 85–98.

Блауберг И. В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – М. : Знание, 1969. – 48 с.

Блауберг И. В. Философско-методологические проблемы системного исследования : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / И. В. Блауберг. – М., 1983. – 306 с.

Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве : монография / Д. Е. Богданов. – М. : Проспект, 2013. – 232 с.

Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Е. Е. Богданова. – М., 2010. – 63 с.

Борисенко И. И. Современный русско-английский юридический словарь / И. И. Борисенко, В. В. Саенко. – М. : ABBYYPress, 2009. – 489 с.

Борякова С. А. Негаторно-правовая форма защиты права собственности / С. А. Борякова // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права : материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 15 дек. 2009 г. – М. : Изд-во СГУ, 2010. – С. 81–85.

Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 71.

Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.

Братусь С. Н. Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1953. – № 2–3. – С. 74–88.

Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Н. Бритвин. – Волгоград, 2006. – 28 с.

Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Бронникова. – Самара, 2006. – 205 с.

Булаевский Б. А. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях / Б. А. Булаевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6 (92). – С. 121–125.

Буланов Р. Ю. Гражданско-правовая форма экономических свойств денег / Р. Ю. Буланов // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2009. – № 2. – С. 60–66.

Быковский В. К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов / В. К. Быковский // Предпринимательское право. – 2008. – № 2. – С. 36–38.

Бязров В. Г. Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования / В. Г. Бязров, Н. Ш. Козаев // Конституция и проблемы укрепления законности : материалы VI Северо-Кавказской региональной науч.-практ. конф. – Владикавказ : Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. – С. 164–176.

Василевская Д. В. Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений / Д. В. Василевская // Бизнес в законе. – 2009. – № 2. – С. 205–208.

Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Василенко. – Краснодар, 2012. – 27 с.

Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М. : Юрид. лит., 1976. – 264 с.

Васильева Е. Н. Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности Васильева Е. Н. // Хозяйство, труд, право. – 2011. – № 8. – С. 26.

Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.

Вердников В. Г. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений / В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин. – М. : Юрид. лит., 1970. – 224 с.

Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде : учеб.-практ. пособие / А. П. Вершинин. – М. : Городец, 2000. – 248 с.

Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России : монография / Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Институт законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского, 2012. – 84 с.

Виниченко Ю. В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 6. – С. 58–62.

Виниченко Ю. В. Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4 (90). – С. 88–92.

Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Виниченко. – Иркутск, 2003. – 190 с.

Виниченко Ю. В. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию : монография / Ю. В. Виниченко, Н. П. Асланян, О. А. Поротикова. – М. : Юриспруденция, 2014. – 152 с.

Виниченко Ю. В. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) / Ю. В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 21–31.

Винницкий А. В. Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования / А. В. Винницкий // Современное право. – 2010. – № 11. – С. 70–75.

Волова И. В. Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран / И. В. Волова // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1967. – С. 18–19.

Волчихина Л. А. Судебно-правовая политика в сфере гражданского судопроизводства и гражданская процессуальная форма / Л. А. Волчихина // XVIII Державинские чтения. Институт права : материалы общерос. науч. конф. февр. 2013 г. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 172–176.

Волынкина М. В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Волынкина. – М., 2007. – 331 с.

Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ф. Галеева. – М., 2011. – 30 с.

Галов В. В. Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства / В. В. Галов, С. А. Зинченко, О. Г. Ломидзе // Закон. – М., 2007. – Февраль. – С. 65–72.

Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1 / Ю. С. Гамбаров. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.

Гена Е. И. Собственность граждан и юридические формы ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. И. Гена. – М., 1993. – 19 с.

Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Головизнин. – Екатеринбург, 2006. – 226 с.

Горбунов М. П. Договор как правовая форма хозяйственной инициативы / М. П. Горбунов // Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 76–81.

Горшенев В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенев, И. Б. Шахов. – М. : Юрид. лит., 1987. – 176 с.

Гражданское право Общая часть : учебник. В 4 т. Т. 1 / В. С. Ем [и др.]; под ред. Е. А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.

Гражданское право. В 2 т. Т. 1 : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. – М., 1998. – 785 с.

Гражданское право. Т. 1. Общая часть : учеб. для вузов (акад. курс) / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2013. – 776 с.

Грачева Е. Ю. Правовая форма финансового контроля / Е. Ю. Грачева // Финансовое право. – 2003. – № 3. – С. 3–6.

Григорьева М. А. Гражданский правопорядок (опыт системного исследования) / М. А. Григорьева; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2010. – 235 с.

Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм; под ред. и предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 496 с.

Гриценко Е. А. Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности / Е. А. Гриценко, О. С. Марченко // Актуальные проблемы формирования правового государства : краткие тез. докл. и науч. сообщ. республ. науч. конф., 24–26 окт. 1990 г. – Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1990. – С. 142–143.

Гударенко Р. Ф. Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов / Р. Ф. Гударенко // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество : ст. науч.-практ. конф. – Ставрополь : Мир данных, 2010. – С. 163–170.

Гулордава Д. Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления / Д. Гулордава // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. – 2002. – № 48. – С. 338–344.

Гуляев А. М. Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.) / А. М. Гуляев. – Киев, 1894. – 16 с.

Данилова И. С. Институт приемной семьи в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. С. Данилова. – М., 2014. – 24 с.

Денчик Н. Иностраннные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей / Н. Денчик // Хозяйство и право. – 1996. – № 6. – С. 47–56.

Дигесты Юстиниана : пер. с лат. Т. III. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2003. – 780 с.

Дигесты Юстиниана : пер. с лат. Т. V, полутом 1 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2004. – 614 с.

Дигесты Юстиниана : пер. с лат. Т. IV. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2004. – 780 с.

Дозорцев А. В. Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук / А. В. Дозорцев // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 72.

Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация / А. В. Дозорцев // Советское государство и право. – 1949. – № 1. – С. 55–63.

Докучаев О. О. Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность / О. О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 4 (28). – С. 48–51.

Докучаев О. О. Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / О. О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 3 (27). – С. 109–113.

Долгов И. А. Приватизационные механизмы как форма правового регулирования государственной поддержки отдельных стратегически значимых видов предпринимательской деятельности: Проблемы предпринимательского и гражданского права, гражданского и арбитражного процесса / И. А. Долгов // Восьмые Всероссийские Державинские чтения. Москва, 14 дек. 2012 г. : сб. ст. В 7 кн. Кн. 4. Проблемы предпринимательского и гражданского права, гражданского и арбитражного процесса. – М. : РПА Минюста России, 2013. – С. 84–88.

Дранников А. В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Дранников. – Ростов н/Д., 2000. – 221 с.

Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : монография / Т. Ю. Дроздова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 152 с.

Дроздов-Тихомиров А. А. Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выраженные в форме правовых принципов / А. А. Дроздов-Тихомиров // Закон. – 2009. – № 8. – С. 192–203.

Дрыга М. А. Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом / М. А. Дрыга // Юридический вестник РГЭУ. – 2004. – № 3. – С. 56–60.

Дятлов Е. В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Дятлов. – М., 2014. – 29 с.

Евстафьева И. В. Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. В. Евстафьева. – Саратов, 2012. – 208 с.

Единообразный торговый кодекс США : пер. с англ. / Серия: Современное зарубежное и международное частное право. – М. : Междунар. центр финансово-экономического развития, 1996. – 427 с.

Ельникова Е. В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Ельникова. – Волгоград, 2006. – 196 с.

Ермошин Г. Л. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости / Г. Л. Ермошин // Российский судья. – 2012. – № 6. – С. 10–16.

Ершов О. Г. Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма : монография / О. Г. Ершов. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 194 с.

Ершов О. Г. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма : монография / О. Г. Ершов. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 432 с.

Жалинский А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рёрихт. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.

Жданова И. Ф. Русско-английский экономический словарь / И. Ф. Жданова. – М. : Рус. яз.-Медиа : Дрофа, 2008. – 879 с.

Желдыбина Т. А. Становление и развитие сравнительно-правовых исследований в цивилистике России (XI – начало XX века) : монография / Т. А. Желдыбина. – М. : Инфра-М, 2014. – 120 с.

Желонкин С. С. Недействительность анτισоциальных сделок : монография / С. С. Желонкин. – М. : Инфра-М, 2014. – 159 с.

Жернаков Д. В. Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Жернаков. – Екатеринбург, 2005. – 192 с.

Зарандиа Т. Основы гражданского права в судебной практике Грузии / Т. Зарандиа // Основы гражданского права в государствах Кавказа и Центральной Азии в теории и на практике : материалы междунар. конф. в Бременском ун-те 29 и 30 марта 2007 г. / под общ. ред. Р. Книпера, Л. Чантурия, Г.-И. Шрама. – Берлин : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2007. – С. 152–155.

Зеленцов А. Б. Обращения граждан как административно-правовая форма / А. Б. Зеленцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 5–15.

Земельное право [Электронный ресурс] : учебник / В. Х. Улюкаев [и др.]. – М. : Частное право, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Земельное право России : краткий курс лекций / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под ред. А. П. Анисимова. – М. : Юрайт, 2014. – 239 с.

Землянухина С. Г. Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу / С. Г. Землянухина, Н. С. Землянухина // Экономический анализ права : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 3–4 июня 2003 г. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. – С. 147–154.

Зенин И. А. Гражданское право : учебник / И. А. Зенин. – М. : Юрайт, 2010. – 616 с.

Иванов Е. А. Логика : учебник / Е. А. Иванов. – М. : БЕК, 1996. – 309 с.

Илезов М. Б. Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере / М. Б. Илезов // История государства и права. – 2008. – № 22. – С. 11–14.

Илюшина М. Н. Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок / М. Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 2. – С. 49–51.

Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Илюшина. – М., 2012. – 522 с.

Иоффе О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.

Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы / К. Д. Кавелин // Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 65–175.

Калентьева Т. А. Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. А. Калентьева. – Самара, 2000. – 235 с.

Калинова К. В. Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база / К. В. Калинова // История государства и права. – 2014. – № 14. – С. 34–37.

Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы [Электронный ресурс]. В 2 т. Т. 1. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – 452 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы [Электронный ресурс]. В 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – 453 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Кархалев Д. Н. Виндикационное охранительное правоотношение / Д. Н. Кархалев // Бюллетень нотариальной практики. – 2008. – № 6. – С. 8–11.

Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д. Н. Кархалев. – М. : Статут, 2009. – 332 с.

Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.

Клеандров М. И. Государственная корпорация: новая организационно-правовая форма – новые проблемы / М. И. Клеандров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – СПб. : Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2009. – № 2. – С. 303–313.

Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права / М. Ковалевский – М. : Тип. О. Б. Миллера, 1880. – 72 с.

Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение / Г. В. Колодуб // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3. – С. 112–116.

Колодуб Г. В. К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства / Г. В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 3 (79). – С. 89–92.

Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления / А. Н. Колокольцев // Право и политика. – 2007. – № 9. – С. 14–19.

Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] / сост. Р. А. Маметова; отв. ред. : М. К. Сулейменов, Ю. Г. Басин // ИС «Параграф». – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120950 (дата обращения: 13 апр. 2014).

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. – М. : Контракт; Инфра-М, 2003. – 940 с.

Конобеевская И. М. К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество / И. М. Конобеевская // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Саратовской областной Думы и 100-летию Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – С. 159–161.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11.

Королева И. Н. Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И. Н. Королева. – М., 2007. – 173 с.

Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. – М. : Статут, 2005. – С. 26–50.

Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения / О. А. Красавчиков // Красавчи-

ков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 7–25.

Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) / О. А. Красавчиков // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 3–27.

Краснова С. А. Виндикационное правоотношение : монография / С. А. Краснова. – М. : Инфра-М, 2013. – 136 с.

Крашенинников Е. А. Право на защиту / Е. А. Крашенинников // Методологические вопросы теории правоотношений : тез. IV обл. науч. практ. конф. молодых ученых и специалистов, 5–8 февр. 1986 г. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1986. – С. 6–11.

Крашенинников Е. А. К теории права на иск / Е. А. Крашенинников. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1995. – 76 с.

Кудашкин В. В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка / В. В. Кудашкин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 64–77.

Кудряшова О. А. Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления / О. А. Кудряшова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 6 (223), вып. 25. – С. 54–57.

Кузнецова А. С. Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России / А. С. Кузнецова // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России : сб. науч. ст. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2009. – С. 40–42.

Кузнецова А. Г. Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х–80-х годов XX века : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / А. Г. Кузнецова. – Хабаровск, 2000. – 383 с.

Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – М. : Политиздат, 1986. – 399 с.

Куликова А. А. Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Куликова. – Ростов н/Д., 2014. – 185 с.

Куликова Т. В. Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом /

Т. В. Куликова // Научные труды РАЮН. В 3 т. Вып. 3, т. 1. – М. : Юрист, 2003. – С. 501–507.

Кунаков П. А. Форма и содержание категории «социально-правовая активность» / П. А. Кунаков // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 109–110.

Куприянов А. А. Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимости [Электронный ресурс] / А. А. Куприянов. – Режим доступа : <https://pravorub.ru/articles/1467.html> (дата обращения: 20 нояб. 2014).

Курбатов А. Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2008. – № 4. – С. 105–124.

Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография / В. В. Лапаева. – М. : Рос. акад. правосудия, 2012. – 579 с.

Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.

Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. С. Ласточкина. – М., 2010. – 201 с.

Лебединец О. Н. Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного / О. Н. Лебединец // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. ст. по материалам межрегион. науч.-практ. конф. Волгоград, 12 окт. 2012 г. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – № 5. – С. 68–74.

Левин И. Д. Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР / И. Д. Левин // Вопросы советского государства и права, 1917–1957. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 213–268.

Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики : учеб. пособие / К. М. Левитан. – М. : Проспект ; Екатеринбург : ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 352 с.

Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других госу-

дарств-участников Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. Н. Левушкин. – Москва, 2013. – 480 с.

Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств-участников СНГ : монография / А. Н. Левушкин. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2014. – 324 с.

Лехтинен Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России / Л. Лехтинен // Хозяйство и право. – 1995. – № 8. – С. 55–60.

Ломакин Д. В. Внутрикорпоративные процедуры и стабильность гражданского оборота: проблема поиска приоритета / Д. В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 11. – С. 6–17.

Лоренц Д. В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Лоренц. – Краснодар, 2008. – 26 с.

Майдаровский Д. В. Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Майдаровский. – Ростов н/Д., 2011. – 29 с.

Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2011. – 431 с.

Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 336 с.

Малиновский А. А. Теория структур и ее место в системном подходе / А. А. Малиновский // Системные исследования. Ежегодник 1970. – М. : Наука, 1970. – С. 10–30.

Маркелов В. В. Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации / В. В. Маркелов // Финансовое право. – 2004. – № 4. – С. 38–41.

Марченко Ю. В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства / Ю. В. Марченко // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов : Изд-во СГАП, 2008. – № 5 (63). – С. 20–26.

Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : ТК Велби : Проспект, 2008. – 768 с.

Матвеев С. П. Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих / С. П. Матвеев // Административное право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 9–12.

Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.

Махина С. Н. Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества / С. Н. Махина // Правовая наука и реформа юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества : сб. науч. тр. Вып. 19. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. – С. 98–116.

Мачковский Г. И. Русско-французский юридический словарь / Г. И. Мачковский. – М. : АБВУУPress, 2009. – 408 с.

Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь / Г. И. Мачковский. – М.: АБВУУPress, 2009. – 554 с.

Машанский С. Е. Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции / С. Е. Машанский // Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии : тез. докл. – М. : Изд-во стандартов, 1975. – С. 133–135.

Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении / Д. Медикус // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии : пер. с нем. – М. : БЕК, 2001. – С. 75–160.

Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Мелехин. – М., 2009. – 545 с.

Мирская О. А. Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации / О. А. Мирская // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 35–36.

Михайлова Н. С. Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Михайлова. – СПб., 2007. – 19 с.

Монкявичюс Э. А. Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР / Э. А. Монкявичюс // Правовые вопросы межхозяйственной кооперации. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 51–58.

Моргунов С. В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика / С. В. Моргунов. – М. : Статут, 2006. – 301 с.

Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в оборо-

те : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Морозов. – М., 2010. – 24 с.

Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Морозов. – М., 2010. – 181 с.

Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.

Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев. – М. : Статут, 2003. – 685 с.

Муртаза-Оглы Ф. А. Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса / Ф. А. Муртаза-Оглы // Вопросы теории права и государственного строительства. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – Вып. 3. – С. 69–75.

Назаров С. Н. Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма / С. Н. Назаров; под ред. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д. : Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 180 с.

Назаров С. Н. Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности / С. Н. Назаров // Северо-кавказский юридический вестник. – 2006. – № 4. – С. 16–29.

Назарова И. С. Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатирования института народного представительства / И. С. Назарова // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 116–119.

Налетов К. И. Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / К. И. Налетов. – М., 2006. – 26 с.

Натарова О. А. Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг / О. А. Натарова // Закон и право. – 2009. – № 12. – С. 71–74.

Немецко-русский юридический словарь / под ред. П. И. Гришаева, М. Беньямина. – М. : АБИ Пресс, 2010. – 616 с.

Никогосян С. А. Правовое регулирование заключения и прекращения брака с участием иностранных граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. А. Никогосян. – Казань, 2014. – 28 с.

Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Новикова. – Краснодар, 2008. – 192 с.

Новосёлова А. А. Вещные иски: проблемы теории и практики : монография / А. А. Новосёлова, Т. П. Подшивалов. – М. : Инфра-М, 2014. – 279 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Олимова Р. М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. М. Олимова. – Казань, 2005. – 189 с.

Основные начала российского и французского права : учебник / Ж.-С. Боргетти [и др.]; под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. – М. : Проспект, 2012. – 424 с.

Пак А. Б. Правовая форма завещания / А. Б. Пак // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2009 г. В 5 т. Т. 4. – Омск : Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. – С. 253–261.

Пантюхин А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Пантюхин. – М., 2005. – 195 с.

Переломова Н. А. Развитие и самореализация личности в аспекте герменевтического подхода / Н. А. Переломова // Байкальский психологический и педагогический журнал. – 2005. – № 1–2 (5–6). – С. 104–109.

Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости : монография / В. А. Петрушкин; науч. ред. В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2014. – 285 с.

Петюкова О. Н. К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» / О. Н. Петюкова // Векторы развития современной России : материалы пятой межвуз. науч.-практ. конф. Московского филиала ЛГУ им А. С. Пушкина. Москва, 17 февр. 2010 г. : сб. ст. В 2 ч. Ч. 2. – М. : МФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 292–296.

Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О. Н. Петюкова. – М., 2011 – 494 с.

Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : моно-

графия / О. Н. Петюкова. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. – 351 с.

Пиляева В. В. Гражданское право. Части общая и особенная : учебник / В. В. Пиляева – М. : КноРус, 2011. – 998 с.

Пленкин Ю. В. Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Пленкин. – Рязань, 2005. – 26 с.

Пойминова Я. В. Государственная регистрация прав как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы / Я. В. Пойминова // Нотариус. – 2009. – № 3. – С. 36–39.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2001. – 354 с.

Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. А. Полуяхтов. – Екатеринбург, 2002. – 183 с.

Пометихина С. И. Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска / С. И. Пометихина // Бизнес в законе. – 2009. – № 4. – С. 144–147.

Попов А. В. Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Попов. – Волгоград, 2006. – 188 с.

Попов В. К. Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. К. Попов. – Харьков, 1983. – 400 с.

Попова А. В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте : Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Попова. – М., 2005. – 195 с.

Попондопуло В. Ф. Концессионное соглашение - правовая форма государственно-частного партнерства / В. Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 255–268.

Попондопуло В. Ф. Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования / В. Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 79–92.

Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой [Электронный ресурс] / под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Пратьков Д. Ю. Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации / Д. Ю. Пратьков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 136–141.

Проблемы методологии и методики правоведения / ред. кол. Д. А. Керимов [и др.]. – М. : Мысль, 1974. – 205 с.

Протасов В. Н. Правоотношение как система / В. Н. Протасов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 143 с.

Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.

Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград : НИ и РИО, 1974. – 150 с.

Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. А. Ражков. – Иркутск, 2007. – 27 с.

Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав / М. А. Рожкова // Закон. – 2009. – № 3. – С. 212–218.

Романова В. В. Правовое регулирование оборота земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / В. В. Романова. – М., 2005. – 232 с.

Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2011. – 958 с.

Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие / Г. И. Рузавин. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 287 с.

Рузанова В. Д. Соотношение системы гражданского права и системы гражданского законодательства: грани взаимодействия [Электронный ресурс] / В. Д. Рузанова // Юрист. – 2012. – № 3. – Режим доступа: journal.zakon.kz (дата обращения: 29 янв. 2014).

Рутковская О. А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Рутковская. – М., 2013. – 29 с.

Рыбалов А. О. Экономические блага и гражданский оборот / А. О. Рыбалов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 78–94.

Рябко А. И. Социальный контроль и его правовые формы : Вопр. теории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. И. Рябко. – М., 1995. – 181 с.

Савицкая А. Н. Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой / А. Н. Савицкая // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения : тез. всесоюз. науч.-практ. конф. Свердловск, 18-19 окт. 1978 г. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1978. – С. 61–62.

Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск : Изд-во ТГУ, 1973. – 432 с.

Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление / В. Н. Сагатовский // Системные исследования. Ежегодник 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 52–68.

Самакэ Исса. Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Исса Самакэ. – Киев, 1971. – 17 с.

Самаркин К. И. Юридические формы осуществления права на жилище / К. И. Самаркин // Российский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 199–203.

Седова Ж. И. Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных экономических отношений : монография / Ж. И. Седова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 244 с.

Секинаева З. А. Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц / З. А. Секинаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 3 (18). – С. 149–156.

Семякин М. Н. Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Семякин. – Свердловск, 1978. – 22 с.

Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие / В. И. Сенчищев // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М. : Статут, 1998. – С. 109–159.

Сидоров А. Е. Предприятие как объект гражданских прав в Германии, Австрии, Швейцарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Е. Сидоров. – М., 2014. – 27 с.

Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – М. : Статут, 2002. – 638 с.

Смолянинов Е. С. Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. С. Смолянинов. – М., 2000. – 174 с.

Современный словарь иностранных слов. – СПб. : Дуэт, 1994. – 752 с.

Соколов В. А. Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами / В. А. Соколов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1965. – 192 с.

Сорокина Е. М. Анализ денежных потоков организации / Е. М. Сорокина // Развитие российского общества: социально-экономические и правовые исследования / О. В. Батурина [и др.]; под ред. М. А. Винокурова, А. П. Киреенко, С. В. Чупрова; Байкальский гос. ун-т экономики и права. – М. : Наука, 2014. – С. 248–265.

Стоякин С. Г. Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств / С. Г. Стоякин // Аспирант и соискатель. – М. : Компания Спутник+, 2005. – № 2. – С. 83–93.

Суслова С. И. Жилищные отношения и их правовые формы : монография / С. И. Суслова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 376 с.

Суханов Е. А. Правовая форма экономических отношений / Е. А. Суханов // Методологические проблемы правоведения. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 46–57.

Суханов Е. А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права (Высший Арбитражный Суд РФ, 4 окт. 2010 г.) [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // Портал российского частного права. – Режим доступа: http://www.privlaw.ru/index.php?news_year=2010 (дата обращения: 10 окт. 2013).

Сырых В. М. Материалистическая философия частного права : монография / В. М. Сырых. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 552 с.

Сырых В. М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура) / В. М. Сырых. – М. : Юрид. лит., 1980. – 176 с.

Татарников А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Татарников. – М., 2010. – 30 с.

Теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юрист, 1996. – 472 с.

Токарева Е. В. Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Токарева. – Волгоград, 2012. – 190 с.

Томилова Л. Н. Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Н. Томилова. – Саратов, 2003. – 235 с.

Тонков Е. Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса / Е. Е. Тонков. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 336 с.

Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.

Трунина Е. В. Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля / Е. В. Трунина // Право и экономика. – 2012. – № 1. – С. 53–59.

Туктаров Ю. Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота / Ю. Е. Туктаров // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шиловых. – М. : Норма, 2003. – С. 101–136.

Удинцев В. А. История обособления торгового права / В. А. Удинцев // Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 360 с.

Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования / А. И. Уемов // Системные исследования. Ежегодник 1969. – М. : Наука, 1969. – С. 80–96.

Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.

Ульянов И. А. Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов / И. А. Ульянов // Законодательство. – 2011. – № 2. – С. 40–48.

Ушницкий Р. Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Р. Ушницкий. – Якутск, 2013. – 203 с.

Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Филимонов. – М., 2010. – 24 с.

Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С. Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2013. – 350 с.

Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 2002. – 576 с.

Фридман В. С. Правовая форма государственной деятельности / В. С. Фридман // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник. 2001 : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СЗАГС, Образование-Культура, 2002. – С. 289–312.

Фролова Е. Е. Правовые формы и содержание государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения / Е. Е. Фролова // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2010. – № 5. – С. 160–164.

Халфина Р. О. О правовой форме экономических отношений / Р. О. Халфина // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 29–38.

Халфина Р. О. Право как средство социального управления / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988. – 256 с.

Харитонов А. В. Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом / А. В. Харитонов // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения : материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 29 апр. 2009 г. В 3 ч. Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. – Уфа, 2009. – С. 184–188.

Хохлов С. А. Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах / С. А. Хохлов // Антология уральской цивилистики, 1925–1989 : сб. ст. – М. : Статут, 2001. – С. 228–241.

Храмцов К. В. Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота / К. В. Храмцов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. – № 3/4 (8/9). – С. 72–82.

Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : пер. с нем. В 2 т. Т. I. Основы / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 480 с.

Цветков С. Б. О сущности и понятии гражданского оборота / С. Б. Цветков // Свобода. Право. Рынок : материалы всерос. науч.

конф. «40 лет Волгоградской цивилистике», 21–22 мая 2007 г. Вып. 5. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – С. 147–154.

Чаркин С. А. Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятельность / С. А. Чаркин // Ученые записки : сб. ст. – Волгоград : Изд-во ВИЭСП, 2010. – № 10. – С. 380–386.

Чаркин С. А. Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность / С. А. Чаркин // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 13 дек. 2008 г. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – С. 18–19.

Чемагина Н. А. Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации / Н. А. Чемагина, Ф. Ш. Ямбушев // Научные исследования высшей школы : сб. тез. докл. и сообщений на итог. науч.-практ. конф., 10 февр. 2004 г. – Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2004. – С. 15–16.

Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву / Б. Б. Черепяхин // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2001. – С. 307–442.

Четвериков А. О. Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС / А. О. Четвериков // Lex Russica. – 2010. – № 4. – С. 860–872.

Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости / В. В. Чубаров. – М. : Статут, 2006. – 336 с.

Чунаев К. Г. Гражданство как правовая форма существования государства / К. Г. Чунаев // Юридическая теория и практика в истории и современной России : сб. науч. ст. – М. : Юрист, 2010. – С. 150–160.

Чупин П. П. Научный метод и методология науки / П. П. Чупин // Научный метод и методологическое сознание : сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 6–15.

Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Шаповалова. – М., 2008. – 240 с.

Шварц Х. Д. Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права / Х. Д. Шварц // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. – М. : БЕК, 1995. – С. 102–112.

Шемчук О. А. О некоторых особенностях гражданско-правовых обязанностей / О. А. Шемчук // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–21 апр. 2012 г. / отв. ред. Н. П. Асланян. – Иркутск : Изд-во БГУ-ЭП, 2012. – С. 170–175.

Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоуедения / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. – 46 с.

Шуршалов В. М. Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма / В. М. Шуршалов // Советский Союз и международные договоры : сб. ст. Вып. 8. – М., 1980. – С. 42–55.

Щербина В. Некоторые проблемы совершенствования хозяйственного и хозяйственного процессуального законодательства / В. Щербина // Ежегодник украинского права : сб. науч. тр. – Харьков, 2001. – № 3. – С. 201–207.

Эстулин И. В. О понятии организационно-правовой формы юридического лица / И. В. Эстулин // Армия и общество. – 2014. – № 3 (40). – С. 14–19.

Юдин Б. Г. Становление и характер системной ориентации / Б. Г. Юдин // Системные исследования. Ежегодник 1971. – М. : Наука, 1972. – С. 18–34.

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки [Электронный ресурс] / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/science/SystemPodxod.htm> (дата обращения: 20 дек. 2014).

Яковлев В. Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право : учебник / В. Н. Яковлев; предисл. – С. Д. Бунтов, Н. В. Кузнецова, А. А. Подопригора. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд. – М.: Статут, 2006. – 240 с.

Ямпольская Ц. А. К методологии науки управления / Ц. А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 12–21.

Носік В. В. Юридична природа ринкового обігу земельних ділянок / В. В. Носік // Законодавство України : науково-практичні коментарі. Юридичний журнал / ТОВ «Український інформаційно-правовий центр». – Київ, 2003. – № 10. – С. 92–96.

Пейчев К. Поняття обігу природних ресурсів / К. Пейчев // Підприємництво, господарство і право : науково-практичний, господарсько-правовий журнал / Ін-т приватного права і підпр-ва АПрН України та інш. – Київ, 2007. – № 7. – С. 51–53.

Kettler St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache = Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Russisch-deutsch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München : Verlag C. H. Beck, 2006. – 419 s.

Kettler St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache= Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München : Verlag C. H. Beck, 2006. – 442 s.

Regelsberger F. Pandekten. Band 1 / F. Regelsberger. – Leipzig, 1893. – XVIII, 717 s. [Электронный ресурс] // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. – Режим доступа: <http://dlib-pr.mpier.mpg.de> (дата обращения: 25 апр. 2014).

Voirin P. Droit civil. T. 1 : Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés / P. Voirin, G. Goubeaux. – 32e édition. – Paris. L.G.D.J – Lextenso édition, 2009. – 790 p.

Zarandia T. Grundlagen des Zivilrechts in der georgischen Rechtsprechung / T. Zarandia // Grundlagen der Zivilrechtsordnung in den Staaten des Kaukasus und Zentralasiens in Theorie und Praxis : Materialien einer Konferenz an der Universität Bremen vom 29. und 30 März 2007 / R. Knieper, L. Chanturia, H.-J. Schramm (Hrsg.). – Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2007. – S. 136–138.

Научное издание

Виниченко Юлия Вараздатовна

**ГРАЖДАНСКИЙ ОБОРОТ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Издается в авторской редакции

Технический редактор
А. С. Ларионова

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 29.12.14. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУЭП.